

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2016. № 3(87)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory"

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2016
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;

1. *Political Sciences*

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow Это в политические науки;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. *History*

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (Saint-Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. *Economics*

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg)
- Zaporojan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Yanovskiy V. V.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 ЗАИКИН А. А.**
Представительная демократия как пространство политической борьбы
- 14 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях
- 24 КОРОСТЕЛЕВ С. В.**
Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы
- 36 КУГАЙ А. И.**
Гордиев узел Сирийского конфликта
- 46 ШАРШЕЕВА А. Ш., УСЕКЕЕВ Э. Ж.**
Открытые данные для оценки контрольной деятельности государства в Кыргызстане
- 52 АЙДАРБЕКОВ Ч. А.**
Экоцид в уголовном законодательстве Кыргызской Республики

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 60 ЯГЬЯ В. С., ЛИ МИНФУ**
Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 69 ЦАЦУЛИН А. Н., ЦАЦУЛИН Б. А.**
Инновационность биолого-фармацевтического кластера или импортозамещение: приоритеты развития отраслевой экономики
- 85 МАКАРОВ В. Л., БАХТИЗИН А. Р., СУШКО Е. Д., БУРИЛИНА М. А.**
Разработка математической модели для количественной оценки последствий незаконных финансовых операций
- 96 КИРЬЯНЕН А. И., ЛАБУДИН А. В., САМОДУРОВ А. А.**
Бизнес-процессный подход управления экономической безопасностью предприятий с привлечением уравнения доходности
- 106 МАКАРОВ И. Н., КРУГЛОВА И. А., НАЗАРОВ П. В.**
Особые экономические зоны как фактор обеспечения безопасности социально-экономического развития территории
- 112 РОДИНА В. В.**
Особенности формирования международного имиджа российской промышленности
- 121 РОСЯНОВА Т. С.**
Колоративная экономическая терминология в современном английском языке

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 129 ЛЕОНТЬЕВА А. Н., ВИНОГРАДОВА М. В., ШУМИЛОВ М. М., КЕККОНЕН А. А.**
Современные вызовы развитию местного самоуправления в России и Норвегии

- 144 НАУМОВ В. Н., ЛЫЧАГИНА Е. Б., ШАРАБАЕВА Л. Ю.**
Использование VI-систем для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов государственной власти

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 154 СТЕЦКЕВИЧ Е. С., СТЕЦКЕВИЧ М. С.**
«Конституционная революция» 1828–1832 гг. в английской карикатуре
- 162 МОСКОВКИН В. В.**
Особенности процесса капиталистической модернизации на Урале в начале XX в.
- 166 ТАИРОВА Н. М.**
«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте

A LINEA

- 184 РЫБЧАК П. Н.**
Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти
- 195 КОВАЛЕНКО В. А.**
Партнерство как важное направление деятельности ФАО по решению продовольственной проблемы
- 202 КУЛЕШОВ Вяч. С.**
Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII — начало XI в.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 209 КОСОВ Ю. В.**
Информационная безопасность и международное право

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 ZAIKIN A. A.**
Participatory Democracy as a Space of Political Struggle
- 14 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
The Problem of State Sovereignty in the Modern Geopolitical Conditions
- 24 KOROSTELEV S. V.**
Humanitarian Necessity: the Problem of Political Legitimation of Uses of Force
- 36 KUGAY A. I.**
Gordian Knot of the Syrian Conflict
- 46 SHARSHEEVA A. Sh., USEKEEV E. Zh.**
Open State Data for Assessment of the State Control Activity in Kyrgyzstan
- 52 AIDARBEKOV Ch. A.**
Ecocide in the Criminal Legislation of the Kyrgyz Republic

EURASIAN STUDIES

- 60 YAGYA V. S., LI MINGFU**
Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

POWER AND ECONOMY

- 69 TSATSULIN A. N., TSATSULIN B. A.**
The Innovativeness of Bio-Pharmaceutical Cluster or Import Substitution: the Development Priorities of the Economy Sector
- 85 MAKAROV V. L., BAKHTIZIN A. R., SUSHKO E. D., BURILINA M. A.**
Development of Mathematical Model for a Quantitative Assessment of Consequences of Illegal Financial Operations
- 96 KIRJANEN A. I., LABUDIN A. V., SAMODUROV A. A.**
Business-Process Approach to Economic Security Management of the Enterprises with Attraction of the Equation of Profitability
- 106 MAKAROV I. N., KRUGLOVA I. A., NAZAROV P. V.**
Special Economic Zones as a Factor in Ensuring Security of Social and Economic Development of the Territory
- 112 RODINA V. V.**
Features of Formation of the International Image of the Russian Industry
- 121 ROSYANOVA T. S.**
Color-Symbolism in English Economic Terminology

SOCIETY AND REFORMS

- 129 LEONTIEVA A. N., VINOGRADOVA M. V., SHUMILOV M. M., KEKKONEN A. A.**
Actual Challenges to Local Self-Government Development in Russia and Norway
- 144 NAUMOV V. N., LYCHAGINA E. B., SHARABAEVA L. Yu.**
Use of BI-Systems for Ensuring Information and Analytical Activity of Public Authorities

HISTORY AND CULTURE

- 154 STETSKEVICH E. S., STETSKEVICH M. S.**
«Constitutional Revolution» of 1828–1832 in the English Caricature
- 162 MOSKOVKIN V. V.**
The Peculiarities of Capitalist Modernization of Ural in the Beginning of XX Century
- 166 TAIROVA N. M.**
«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolloed

A LINEA

- 184 RYBCHAK P. N.**
The Electoral Policy of Russia in the Early Twenty-First Century as a Managed Power Legitimacy
- 195 KOVALENKO V. A.**
Partnership as an Important Activity of the Food and Agriculture Organization of the United Nations to Address the Food Problem
- 202 KULESHOV Viach. S.**
The System of Economic Foundations of Old Rus' Sociopolitical Development (Mid-8th —Early 11th centuries)
- 209 KOSOV Yu. V.**
Informational Security and International Law

Представительная демократия как пространство политической борьбы

Заикин Андрей Анатольевич

Советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
Sptk2011@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается процесс становления представительной демократии как особой структуры, в рамках которой формируются условия для определенных форм политической борьбы. Политическая борьба является неотъемлемым атрибутом парламентаризма. Она не является целью сама по себе, но вытекает из особенностей структуры и механизмов репрезентативной демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

репрезентация, демократия, парламентаризм, политические ценности, несоизмеримость, политическая борьба, компромисс

Заикин А. А.

Participatory Democracy as a Space of Political Struggle

Zaikin Andrey Anatolevich

Adviser to the Chairman of the Saint-Petersburg Legislative Assembly (Russian Federation)
Sptk2011@yandex.ru

ABSTRACT

The article describes the process of formation of representative democracy as a specific framework within which generated conditions for certain forms of political struggle. The political struggle is an essential attribute of parliamentarism. It is not an end in itself, but derives from the characteristics of the structure and the mechanisms of representative democracy.

KEYWORDS

representation, democracy, parliamentarism, political values, the insufficiency, the political struggle, compromise

Предстоящие выборы в Государственную Думу заставляют еще раз задуматься оприроде политического представительства и парламентаризма. Признавая на практике парламент важнейшей частью системы государственной власти, в теории остаются открытыми вопросы, связанные с его сущностными характеристиками.

Политическая борьба является неотъемлемым атрибутом парламентаризма. Закономерен вопрос о том, почему парламентарии не приходят, в конечном счете, к единому пониманию политического блага. Политическая борьба не может быть целью сама по себе, и должна быть средством в поисках истины. Эти вопросы отсылают нас к феномену репрезентации, вокруг которого вращается такая форма политического устройства общества, как представительная демократия. Теория политической репрезентации вошла в сферу внимания современных исследователей в последнее десятилетие [см. 5; 7], хотя сама проблематика восходит к теории монад Г. Лейбница, проблеме рефлектирующего суждения И. Канта и критике философии репрезентации М. Хайдеггера [см. 3; 4; 6]. Значительным толчком в современной актуализации темы репрезентации стала работа Ф.Р. Анкерсмита «Политическая репрезентация» [1]. Опираясь на тезисы последней работы, мы и поставим вопрос об органичности политической борьбы для представительной демократии.

Согласно современным представлениям репрезентативная демократия является наиболее совершенной формой политической системы. Все предшествующие формы были лишь несовершенными попытками движения к образцу. С другой стороны, если бы мы попробовали приложить репрезентативную демократию к обществу античности или средних веков, то получился бы гибрид, нежизнеспособный в тех условиях. Определенная форма политической системы возникает и складывается как ответ на специфические вызовы и угрозы соответствующей исторической эпохи. Не существует норм политического устройства оптимальных для всех времен и государств. Государственная Дума Российской империи начала XX в. в том виде, который она получила при создании, очевидно, не способствовала стабилизации политической системы и послужила очередным этапом движения российского общества к революции.

Репрезентативная форма демократии возникает в эпоху французской и американской революций. Идеолог Французской революции Э. Сийес, идеолог и руководитель американской партии федералистов А. Гамильтон предприняли попытку соединить институт сословного представительства феодального общества и идею прямой демократии Ж.-Ж. Руссо, выражающую общую волю народа. Политическая репрезентация должна была соединить активное и пассивное начала в едином институте. Революция касается всех, но она не должна разрушать свое основание, само общество. Логически первая необходимая форма представительной власти — «учредительное собрание» несет двойную функцию репрезентации — представляет старые сословия и является носителем общей воли народа. Таким образом, новый институт соединяет и заменяет противоречивые движения и является специфическим решением политических проблем.

Представительная демократия решает комплекс проблем, характерных именно для общественного развития эпохи ее распространения. Демократия, как известно, возникает в Афинах в эпоху античности, однако это была прямая демократия. И прямая демократия не предполагает представительство. Равно как и наоборот. Представительство сословий не подразумевает демократию. Созыв Земских соборов при Иване Грозном на принципе представительства сословий не говорит о демократичности этого института.

Представительная демократия несет в себе противоречие, заложенное уже в самой ее конструкции. Представительство должно представлять тех, кого оно представляет на основе принципа подобия. Это подобие может быть большим, или меньшим. Императивный мандат, практикующийся в некоторых странах, может иллюстрировать эту ситуацию. В то же время, если это подобие полное, утверждают противники репрезентации, оно избыточно. Если же подобие неопределенно, то оно может перестать быть подобием и тем самым представительством, основанном на принципе подобия. С другой стороны, депутат парламента является носителем политического разума, воплощающего мудрость и всеобщий интерес. Достоинство и доверие должны быть критерием в выборе представителя избирателей. «Репрезентация — это возвращение отсутствующему присутствия в настоящем (т. е. презентации)» [1, с. 137]. Вследствие этого представитель не должен быть подражанием тех, от кого он избран.

Самостоятельность суждений и ответственность за них депутата парламента обусловлены стремлением к выражению общих интересов и пониманием общего блага, а не защитой узких интересов определенного круга избирателей. Но не является ли в таком случае политическая борьба в парламенте излишней и необоснованной? Этот вопрос обращает нас к представлению об общем благе как пространству нравственных ценностей. И здесь вся история политической философии демонстрирует невозможность согласия по установлению общего блага. Проблема общего блага оказывается противоречивой как в свете релятивизирования этики

Николай Макиавелли, так и в свете антиномии практического разума И. Канта. К этому парадоксу добавляется еще обширная сфера компромиссов, которые депутат вынужден заключать для того, чтобы не парализовать саму возможность политических решений в парламенте. К этим компромиссам добавляются и компромиссы с избирателями, которые придут к избирательным урнам через определенный срок, чтобы подтвердить или не подтвердить его статус.

Таким образом, констатируется принципиальный разрыв, который концептуально присущ политической репрезентации. Смысл этого разрыва заключен в том, что депутат представляет нам политическую реальность, отличным от нашего представления образом, в свете общественных, а не частных интересов. Тем самым, он дает избирателям объективированный образ политического бытия, который у них изначально отсутствовал. «Без репрезентации нет репрезентируемого — без политической репрезентации нация лишена подлинного политического бытия» [1, с. 142]. Деятельность представительной власти предполагает форматирование политической реальности в определенной проекции, предполагающее и переформатирование последней. Целью политического суждения является не столько подведение особенного под общее, характеризующее познание политической реальности, сколько ориентация на общее, исходя из особенного. Парламентская деятельность ориентирована на создание законов, а не на их исполнение. Иначе говоря, в политическом суждении осуществляется обнаружение закономерности, характерное для рефлектирующего суждения или суждения вкуса. О вкусах не спорят в искусстве, но спорят в политике.

Политическая реальность изображается под разными ракурсами и «оптикой», позволяющими учитывать нюансы, могущие стать основой как для вражды, так и для компромиссов. Разрыв между избирателями и представителями имеет следствием и разрыв самой политической реальности в несоизмеримых интерпретациях таковой публичными политиками. Публичная политика с необходимостью в своей основе содержит феномен политической репрезентации. Любые формы прямой демократии значительно примитивизируют восприятие политической реальности, подталкивая к упрощенным схемам решения политических проблем. Отсюда следует, что политическая репрезентация возникает в условиях неэффективности существующих форм политической борьбы, губительности их для сложившейся политической реальности.

Какие же проблемы решает представительная демократия в девятнадцатом веке? По утверждению Ф.Р. Анкерсмита [1, с. 122] Европа в посленаполеоновскую эпоху была заражена смертельной враждой между партией тех широких слоев населения, которая считала, что Французская революция закончилась слишком рано, не выполнив своих задач, и партией тех, кто остался приверженцем старого режима, и готов был поднять знамя Реставрации.

В предшествующие века европейские государства выступали арбитром между враждующими на религиозной почве партиями католиков и протестантов. Тем самым государство отделяло себя от гражданского общества, превращаясь в абсолютистское государство. Но теперь оно стало само предметом раздора. Революционеры и реакционеры, после Великой французской революции, претендовали на владение и контроль над государством. Победа одной из сторон была чревата тем, что вся государственная машина могла стать инструментом репрессий против уступившей партии. Гражданская война была бы неизбежным исходом. Соперничающие идеологии не имели почвы для общественного консенсуса. Каждая из идеологий вела к революции. Компромисс в сфере идеологии также был невозможен, но в практической политике место для компромисса оставалось. Репрезентативная демократия создает такое политическое пространство — парламент, под крышей которого возможен компромисс и могут сосуществовать различные идеологии. Достижение компромиссов предполагало всестороннее обсуждение, а тем

самым необходимо взгляда со стороны, беспристрастности и исторической глубины в рассмотрении.

Эпоха Просвещения, предложившая в лице Гоббса, Локка, Монтескье и Руссо учение о естественном праве и общественном договоре, научила видеть в государстве механизм для блага граждан, и государство само возникает благодаря политической репрезентации. Последующая эпоха Реставрации создает парламент как институт репрезентативной демократии, защищающий государственность. Многопартийность европейской системы ориентирована на справедливые компромиссы в идеологических противостояниях. Европейские партии играют бесконечно более важную роль, чем партии англосаксонских стран в политической репрезентации. Их задача заключается в одновременном выражении и сглаживании политического противостояния.

С точки зрения Ф.Р. Анкерсмита [1, с. 130] репрезентативная демократия континентальной Европы несоизмерима с парламентаризмом англосаксонского типа в силу их различной природы. Англосаксонский парламентаризм возникает в результате революций 1688 и 1776 гг. Отношение между сувереном и представительным органом власти выражалось в системе сдержек и противовесов. Парламент также вырастает из феодально-сословного представительства, но как механизм ограничения абсолютистской власти короля или президента. Абсолютное большинство в парламенте партии власти при двухпартийной системе является специфической формой противовеса в отличие от многопартийной континентальной системы. Англосаксонская система сочетает в себе достоинства абсолютизма и демократии. Идеологии в двухпартийной системе уходят на второй план, перед главной проблемой обеспечения большинства. Таким образом, существует два типа представительной демократии со своими положительными и отрицательными чертами.

К какому же типу относится система российской представительной демократии? Возникновение российского парламентаризма в начале XX в. неразрывно связано с борьбой с самодержавием. С этой точки зрения его можно отнести к англосаксонскому типу. С другой стороны, смешанный тип политической системы, сохраняющий парламентскую многопартийность, говорит об определенной близости с континентальной парламентской системой. Нельзя сказать, что в российском парламентаризме парламент эффективно и последовательно ограничивает президентскую власть. С другой стороны, в обществе есть значительная поддержка партии КПРФ, ориентированной на реставрацию прежнего режима, и силы, ориентированные на продолжение либерального курса и реформ. Партия власти в этом контексте представляет собой парадоксальный симбиоз из широких масс и лидера, с одной стороны, ориентированных на цивилизационно-национальное развитие и управленческой элиты, с другой стороны, ориентированной на вхождение в глобализованный мировой порядок. В данном случае, как и во многих других для России, можно констатировать третий, смешанный тип репрезентативной демократии. Своеобразие генезиса российского парламентаризма оставляет широкое поле для различных форм политической борьбы в рамках парламентской демократии. Особенностью политического размежевания в современном обществе массового потребления является то, что реализация интересов гражданского общества порождает проблемы, несовместимые с его развитием. Например, глобальные экологические угрозы цивилизации порождаются стремлением к повышению общественного благосостояния [2, с. 81–86].

Возможно ли достижение консенсуса в рамках представительной демократии при наличии выявленных основных конфликтов, инициировавших возникновение политической репрезентации? Отвечая на данный вопрос, можно привлечь аргументацию Дж. Роулза, допускающего такой консенсус, либо Карла Шмитта, отвергающего такую возможность. Вместе с тем их аргументация не касается самой природы

представительной демократии. Политическая репрезентация предполагает не только разрыв между политиком и избирателем, в котором рождается образ политической реальности, но и разрыв самой политической реальности как объективного фундамента политического действия и решения. Вера в такой фундамент, заложенная классиками политической философии, иерархизирует и коррелирует этические и идеологические ценности и идеалы в некую систему. Предпочтение одних ценностей другим предполагает, в конечном счете, всеобщее согласие. Вместе с тем консенсус служит индикатором незрелости общества, поскольку речь идет о соглашениях, в которых различия определяются как незначимые. Различные идеологии, приведенные к общему согласию, не дают импульса к новым политическим решениям.

Дилемма свободы и равенства являет собой наглядный пример фундаментальных противоречий. Демократическая репрезентация предлагает признать принципиальную несоизмеримость различных ценностей. Исходя из этой несоизмеримости, политики представляют пространство мнений по поводу идей и ценностей, в котором возможно принятие решений, идущих вразрез с идеологическими целями. Несозмеримость политических реальностей различных субъектов репрезентативной демократии указывает на ее разорванность и существование в пространстве взаимодействия. Политическая реальность в процессе взаимодействия столь же репрезентируется, сколь и конструируется. Не существует предпочтительной точки зрения на политическую реальность ни у одного участника политической коммуникации. Политическая реальность есть продукт интеракции, поэтому разрывы в политической реальности неотделимы от нее.

Представительная демократия постоянно сопровождается политической борьбой, но это не означает, что она исчерпывается ее содержанием. Посредством компромиссов формулируются политические решения, и они становятся формой политической борьбы, в процессе которой совершаются конструктивные политические действия.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологический кризис как детерминанта структуры современной политической экологии // Власть. 2014. № 3. С. 81–86.
3. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 5.
4. Лейбниц Г. Монология // Лейбниц Г. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1.
5. Магун А. Революция и кризис репрезентации // Логос. 2012. № 2.
6. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и Бытие. М. : Республика, 1991. С. 41–63.
7. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М. : НЛО, 2004.

References

1. Ankersmit F. R. *Political Representation* [Politicheskaya reprezentatsiya] / Translation from English A. Glukhov; National Research University «Higher School of Economics» [Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»]. M. : Publishing house of Higher School of Economics [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki], 2012. (rus)
2. Borisov N. A., Volkov V. A. *Ecology crisis as determinant of structure of modern political ecology* [Ekologicheskii krizis kak determinanta struktury sovremennoi politicheskoi ekologii] // Power [Vlast']. 2014. N 3. P. 81–86. (rus)
3. Kant I. *Critique of Judgment* [Kritika sposobnosti suzhdeniya] // Kant I. Collection of Works: in 8 v. [Sochineniya: v 8 t.]. M. : 1994. V. 5. (rus)

4. Leibniz G. *Monadologiya* // Leibniz G. Compositions: In 4 v. [Sochineniya: v 4 t.]. M. : Thought, 1982. V. 1. (rus)
5. Magun A. *Revolution and crisis of representation* [Revolyutsiya i krizis reprezentatsii] // Logos. 2012. N 2. (rus)
6. Heidegger M. *World picture time* [Vremya kartiny mira] // Heidegger M. Time and Being [Vremya i Bytie]. M. : Republic [Respublika], 1991. P. 41–63.
7. Yampolsky M. *Physiology of symbolical*. Book 1. Return of the Leviathan: Political theology, representation of the power and end of the Old regime [Fiziologiya simbolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenie Levafana: Politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima]. M. : NLO, 2004.

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Трансформация государственного суверенитета в XXI в. стала реальным вызовом международной системе. Многие страны перестали существовать в полной мере независимо от окружающей их мировой экономики и универсальной информационно-коммуникативной системы. Постоянное участие населения в непосредственном международном общении создало новую политико-правовую реальность в универсальном масштабе — виртуальный суверенитет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суверенитет, публичный порядок, виртуальная реальность, гуманитарная интервенция

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Problem of State Sovereignty in the Modern Geopolitical Conditions

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

The transformation of state sovereignty in the twenty-first century became a real challenge to the international system. Some countries ceased to exist fully independently from the surrounding world economy and universal communication system. The constant participation of people in direct international communication has created a new political and legal reality on a universal scale — a virtual sovereignty.

KEYWORDS

sovereignty, public order, virtual reality, humanitarian intervention

В преддверии 70-летия Организации Объединенных Наций Президент Российской Федерации В. В. Путин в интервью американскому журналисту Чарльзу Роузу отметил,

что «уважать суверенитет — это значит не допускать государственных переворотов, антиконституционных действий и незаконного смещения легитимных властей»¹.

Традиционно государственный суверенитет представляется как необходимое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права. Верховенство государственной власти и независимость национальной политики от властей других государств возникает и прекращается в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социально-политического института. Содержание принципа государственного суверенитета обусловлено юридическим равенством независимых государств и лежит в основе современного международного права [12].

В мировой социально-политической доктрине понятие государственного суверенитета формулируется во взаимосвязи с национальным суверенитетом, который понимается как неотъемлемое право каждой нации на самоопределение [14, с. 32]. Содержанием национального суверенитета является политическая свобода нации выбирать свою государственно-правовую организацию и форму взаимоотношений с другими народами. Обеспечивается суверенитет населения страны социально-экономическим и политическим устройством общества, то есть он не является изначально любой нации присущим. В отечественной правовой литературе признается тот факт, что реализация суверенитета «зависит от осознания нацией своих жизненных интересов, объективно вытекающих из политических условий ее существования и развития» [17, с. 3–4].

Профессор Н. А. Ушаков справедливо отмечал, что «государственный суверенитет на определенном историческом этапе становится правом нации, которое может реализовываться нацией как в форме создания собственного государства, так и путем вхождения в состав более крупного государственного образования» [15, с. 37]. Сохранение независимости государством в новых социально-политических условиях требует особого подхода к реализации нацией права на самоопределение.

В целом доктриной международного права признается существенная экономическая составляющая суверенитета, как юридического признания состояния государственной власти позволяющего осуществлять собственную юрисдикцию. Еще в 1963 г. профессор Р. А. Тузмухамедов обращал внимание на тот факт, что одним из определяющих моментов экономической зависимости является экономическая отсталость, выражающаяся в низком уровне общественной производительности труда [14, с. 32]. Впоследствии профессор М. М. Богуславский обоснованно пришел к выводу о том, что достижение экономической самостоятельности является материальным обеспечением суверенитета [5, с. 97]. Суверенное равенство государств, основанное на положениях Устава Организации Объединенных Наций, предполагает не только политическую активность администраций в деле защиты национальных интересов, но и стабильное материальное обеспечение реализации национального суверенитета.

Определение конституционного принципа суверенного государства во многом зависит от социально-политических условий. Профессор С. А. Авакян справедливо отмечает, «что и сегодня надо говорить о суверенитете как о состоянии государства. По принципу собственности и внутренней способности управлять своими делами многие страны мира вряд ли могли бы претендовать на то, чтобы называться суверенными, но официально они таковыми являются» [2]. Такой формальный суверенитет различных государств значительно отличается по сво-

¹ Интервью *Владимира Путина* американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS. 28 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/28/putin-site.html> (дата обращения: 26.02.2016).

ему содержанию, что подрывает суверенное равенство в международной системе и существенно затрудняет определение конституционного принципа суверенного государства.

Независимость государства и верховенство публичной власти неразрывно связаны с эффективностью работы государственного аппарата, его легитимностью и связью с реалиями мировой политики и экономики в определенный исторический период [10]. Баланс интересов государственного аппарата управляющего страной и народов ее населяющих создает в определенный исторический момент уникальное правовое состояние, которое позволяет государственным органам действовать от лица народа, олицетворяя своими решениями здоровый смысл, целесообразность и справедливость. Постиндустриальное общество расширяет возможности индивида по участию в международном общении и формирует политически активное медиасообщество, претендующее на самостоятельный правовой статус [3; 8].

Противопоставление интересов государства и народа деструктивно влияет на легитимность публичной власти, создает политическую нестабильность и разрушает государственный суверенитет, порождая такие реалии современной геополитики как Сомали, Ливия, Сирия. Споры о причинах разрушения государственности в конкретных странах и обсуждение возможных путей выхода из сложившихся ситуаций не снимают с народов, населяющих эти страны, всей полноты ответственности за будущее той земли, на которой им было суждено родиться, и где они наделены исключительным правом жить в соответствии со своими традициями, собственным пониманием общечеловеческих ценностей и гармонично дополнять мировой правопорядок.

Профессор В. А. Овчинников сделал справедливый вывод о том, что «основные положения теории суверенитета, разработанные Ж. Боденом, актуальны и в наше время» [13, с. 545], однако в современных условиях интенсивный технический прогресс, информатизация и глобализация общественной жизни расширяют горизонты национальных интересов и требуют от государственных институтов значительно больше усилий по обеспечению легитимности политического режима, особого доверия к политической элите со стороны носителя суверенитета. Уважение к суверенитету государства в меняющемся мире неразрывно связано с пониманием интересов населения страны, проводящего значительное время в виртуальной реальности, сформированной телевидением и мультимедийными приложениями. Если исходить из того, что естественные права народа являются основным источником государственного суверенитета [16, с. 24], то реализация государственного суверенитета без учета национальных интересов будет выглядеть как произвол, подрывающий правопорядок и разрушающий государственность в стране.

Суверенитет как «полновластие субъекта-носителя» опирается на военный, промышленный, научный потенциал государства, которые, по справедливому замечанию профессора И. Н. Барцица, «сами по себе непосредственно суверенитета не составляют» [4, с. 13]. Однако полновластие требует полного контроля над ситуацией, который невозможен в условиях калейдоскопических изменений в социально-культурной сфере жизни современного общества, вызванных множющимися форматами существования виртуальной реальности.

Мировое сообщество и его медиасистемы постоянно меняются под воздействием научно-технического прогресса. Новые технологии порождают возможности и открывают перспективы, ранее казавшиеся нереалистичными, и новые реалии преобразуют общество, определяют парадигму его политики, трансформируют его правовые устои. В современной международной системе концептуальная политическая цель, стоящая перед предпринимателями, желающими дальнейшей либерализации, представляется как достижение особого рода суверенитета коммерсантов, их независимости от публично-правового регулирования и таможенных

барьеров, что определяет движение бизнеса в сторону пространств с международно-правовым режимом.

Медиаэкономика и интернет-бизнес предполагает получение большей прибыли, скорейшее достижение максимально возможного обогащения и минимизацию рисков. В своем стремлении снизить налоговое бремя, устранить административные барьеры и ограничения предприниматели движутся в офшоры, где правила игры мягче, пробелов в праве больше, отсутствует потребность в постоянном лоббизме и шире круг экономических свобод, но со временем им становится тесно и там. Укрупнение свободного бизнеса диктует потребность в его политическом признании со стороны элементов международной системы, в придании силы закона тем правилам, по которым живет этот либеральный мир.

В условиях офшора не только меньше налогов, нет пошлин и ниже стоимость товаров, там теряют свою юридическую силу некоторые нормы права интеллектуальной собственности, исчезает монополия государства на принуждение, по сути, формируется особый правовой режим, устраивающий далеко не всех. Против этого выступают прежде всего государства — основные субъекты международной системы. Они не готовы делить суверенитет с кем-то и терять традиционные источники своего дохода, считаться с интересами, идущими вразрез с их экономической политикой, что подтверждает судьба Республики острова Роз — искусственной платформы, претендовавшей на суверенитет [24; 26].

В 1964 г. итальянское правительство разрешило в научных целях архитектору и инвестору в недвижимость Джорджо Роза сооружение в Адриатическом море в 14 км от итальянского городка Римини платформы на сваях площадью в 400 м². В 1968 г. за 7 миль от берега Италии на площади 400 м² появились бар, ресторан, ночной клуб и магазины, все это явно было с наукой не связано. Платформа была переименована в «Республику острова Роз» и провозглашена независимым государством. Эксперимент закончился высадкой на платформу четырех карабинеров и налогового инспектора. Однако термин «виртуальное государство» прочно закрепился за политическими образованиями, лишенными национального и народного суверенитета, но претендующими на независимость.

Государства, срastаясь через политические институты и организационно-правовые формы с транснациональными корпорациями, доминируют в международной торговле и желают сохранить такое положение вещей [9]. Бизнес-сообщество, напротив, устало обеспечивать глобальные политические интересы и акцентирует внимание на конкурентных преимуществах, возникающих в связи с выходом из-под национальной юрисдикции. Термин «виртуальное государство» характеризует любые политические образования, которые заявляют о своей государственности, но не являются государствами, лишь имитируя те или иные их черты [25]. Виртуальные государства не признаются другими государствами и международными организациями и не обеспечивают правовой режим на своей территории. Вместе с тем княжество Силенд существует с 1967 г. как курьез британской политики и правовой системы с населением в 3 человека и сословной монархией¹. Виртуальный суверенитет Силенда признан судебной системой Великобритании и выражается в формальной независимости при отсутствии ряда материальных признаков государства, таких как территория и население.

Современные социальные условия, потребности населения и чаяния народа определяют приоритетные направления реализации национальной политики государственной администрацией. Правительство страны реализует своего рода наказания носителя суверенитета и от качества его работы в этом направлении зависит существование суверенного государства. Интенсификация экономических процес-

¹ Официальный сайт The Principality of Sealand // <http://www.sealandgov.org>.

сов и связанный с ней рост потребления и запросов населения происходят в пост-индустриальном обществе на фоне тотальной информатизации не только процессов управления, но и образования, досуга, культуры в целом.

Социально-культурное пространство уже давно ставшее глобальным явлением резко обострило конкуренцию между участниками универсальных экономических и политических процессов. Некоторые из них, пытаясь удерживать власть старыми методами, сопротивляются неизбежному социальному прогрессу, ведущему к созданию мирового свободного и транспарентного пространства знаний, другие стремятся извлечь максимум экономической выгоды из информационной инфраструктуры, третьи, забыв об опасностях, всецело полагаются на эффективность естественного социального регулирования в сфере массовых коммуникаций и виртуальной реальности. Представляется, однако, что конкуренция за власть в ноосфере это вопрос реализации государственного суверенитета, чреватый куда более разрушительными процессами, чем спад в национальной экономике и технологическое отставание. Если отсутствие эффективных медиаструктур на национальном уровне способно разрушить государственность, то отставание в мировой конкуренции за право моделировать виртуальную реальность влечет утрату независимости целыми странами и народами.

В эпоху Возрождения остро стоял вопрос о национальной принадлежности морских пространств, решение которого на основе естественного права голландским юристом Гуго Гроцием обусловило динамичное развитие торгового мореплавания [21; 23]. В XXI в. информационное пространство не только породило экономический рост и электронную торговлю, но и обострило конкуренцию между государствами за контроль над информационной инфраструктурой и обладание информационными технологиями.

В научной литературе существует понимание того, что современному государству необходимы институты, способные реализовывать национальную юрисдикцию в медиaprостранстве [7; 8; 20; 22]. Образно говоря, существует необходимость создания какого-то подобия национального «флота» в мировом информационном пространстве, нужны своего рода «порты», где этот флот будет базироваться, и необходимы источники доходов от эксплуатации этого «флота». В противном случае национальная юрисдикция перейдет к тем субъектам, которые имеют инструменты влияния на политическое и правовое сознание народа, используют медиaprостранство в своих национальных интересах.

Принцип свободы открытого моря гарантирует нераспространение суверенитета на обширные морские пространства, объявляемые экономическими зонами или суверенными территориями-протекторатами. В научной литературе отмечается, что «прибрежное государство обладает исключительным правом создания и использования в экономической зоне искусственных островов и сооружений лишь в отношении разрешения и регулирования создания, эксплуатации и использовании искусственных островов», установок и сооружений, влияющих на экономику и другие права прибрежного государства [6].

Положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не исключают частные научные исследования в открытом море и исключительной экономической зоне государств, однако гарантируют нераспространение национальной юрисдикции на открытое море, что делает Силенд, с одной стороны, казусом уникальным. Национальные интересы Великобритании, с другой стороны, обеспечивают его существование тотального офшора, за действия которого политическая администрация прибрежного государства ответственность нести не может.

Концепция виртуального суверенитета не только определяет стратегию действий в направлении передачи суверенных прав частным структурам, но и демонстрирует существование феномена виртуального суверенитета как элемента государственно-

го суверенитета, наряду с национальным, народным и формальным суверенитетом. Защита интересов свободного бизнеса основана на доктрине конкуренции, где выживает коммерсант, наиболее приспособленный к реалиям меняющейся ситуации. Торговля сувенирами, амбиции чудаков, провозглашающих себя королями, масштабность эпатажа бизнес-проектов — все вышеперечисленное, на самом деле не имея какого-либо юридического значения, выступает ширмой процессов денационализации бизнеса, его выхода из-под какой-либо юрисдикции.

Ответственность носителя суверенитета за судьбу страны в юридическом смысле уравнивает все те права, которыми носитель суверенитета наделен. Неспособность нести ответственность за свои действия исключает суверенитет в любой из форм его проявления: социально-политической, экономической или военной. В свою очередь готовность носителя суверенитета выступать гарантом конструктивного политического процесса и способность обеспечить этот процесс военным и экономическим потенциалом создает право принимать суверенные решения.

Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по вопросам вмешательства и государственному суверенитету¹ «Обязанность защищать» [18] за авторством известного австралийского политика Гарета Эванса и алжирского дипломата Мухаммеда Сахнуна, опубликованный в 2001 г., определил содержание государственного суверенитета через обязанность национальной администрации по обеспечению правопорядка и защиты населения от массовых нарушений естественных прав и свобод человека. Такой подход призван обосновать право мирового сообщества на гуманитарную интервенцию и определить соотношение государственного и национального суверенитета.

Гуманитарная интервенция может быть правомерна исключительно на основании специального решения Совета Безопасности ООН или осуществляться по просьбе законного правительства того государства, во внутренние дела которого будет осуществляться вмешательство. Всеобщее признание возможности осуществления гуманитарной интервенции неразрывно связано с осознанием мировым сообществом ответственности за последствия вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. В частности, известный иранский ученый Мехди Закериян отмечает, что «обязанность защищать» предполагает не только гуманитарную интервенцию, но и обязанности предотвращать вредные последствия такого вмешательства, реагировать на правонарушения и восстанавливать разрушенное [27].

Дальнейшее развитие идей Гарета Эванса в докладе «Обязанность защитить: окончание массовых преступлений злодеяния раз и навсегда» [19] вызывает в памяти исключительно классику советской юридической литературы. В частности, И. Д. Левин писал: «Отрицание суверенитета „обосновывается“ в буржуазной науке различными способами. Наиболее распространенными из них являются следующие: теория правового государства; юридический монизм; социальный плюрализм» [11]. Представляется, что идеи наднационального конституционализма не очень далеко продвинулись с конца сороковых годов XX в.

В этом контексте интересно содержание документов Информационного совещания представителей некоторых компартий 1947 г. Уже тогда было понятно, что «одним из направлений идеологической “кампании“, сопутствующей планам порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей “всемирного правительства“. Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушаю-

¹ The International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS) 2001.

щего суверенные права народов»¹. Возможно современная ситуация в Европе не настолько тревожная, но задуматься о причинах трансформации доктрины суверенитета с учетом процитированного совершенно необходимо.

Справедливо мнение И. Д. Левина относительно того, что «юридическое всегда включает в качестве компонента и фактическое. Право, не опирающееся на действительность, не есть право. Правосубъектность имеет свою экзистенциальную предпосылку в факте наличия или существования самого субъекта права. В области международного права эта предпосылка выражается в принципе эффективности, согласно которому необходимым признаком суверенитета является эффективное осуществление функций государства на его территории»[11]. Государства, отказывающиеся от использования виртуальной составляющей суверенитета, фактически отказываются от реализации всей полноты народовластия, создают условия для несоответствия фактических обстоятельств формальной юридической природе суверенной власти.

При всей важности обеспечения законности, справедливости и гуманности управляющего государством правительства представляется, что противопоставление суверенитета народа и государства не соответствует современным социально-экономическим реалиям гражданского общества. В условиях мультимедийной виртуальной реальности действия широкого круга индивидов воспринимаются как политическая активность государства в целом, в то время как экономическое благополучие государства сказывается на уровне жизни подавляющего большинства социально-активных граждан, чье общественное сознание ориентировано на универсальные ценности и международные стандарты.

В современном мире тоталитарная диктатура в рамках одного из государств, равно как и дискриминация политическим режимом определенных групп и социальных слоев населения внутри отдельной страны, не только недопустима в соответствии с нормами международного права, но и противоречит национальным интересам, подрывает основу государственности, разрушает систему демократических ценностей.

Государственный аппарат, принимая политические решения, использует в процессе их легитимации народный суверенитет. Представительная демократия предполагает самостоятельную реализацию государственными органами властных полномочий при непосредственном взаимодействии с носителем суверенитета в рамках процедур непосредственной демократии, использующей современные форматы общения власти с народом. Мультимедийные системы общения органов государственной власти с населением позволяют обеспечить реализацию демократических ценностей при постоянном освещении национальной политики в современных средствах массовой коммуникации, что существенно сближает представления о народном и государственном суверенитете. Сегодня только в условиях вовлеченности народа в общение с государственным аппаратом по ключевым вопросам управления страной будет справедливо мнение профессора С. А. Авакьяна относительно того, что в условиях демократии суверенитет позволяет придать власти народа такое качество, как верховенство [1].

Поскольку государственный суверенитет выражается в потенциальной возможности реализации верховной власти во всех сферах жизни общества, необходимо формирование демократических механизмов по реализации виртуального (информационного) суверенитета страны, определяющего состояние медиасферы и виртуальной реальности современного мирового сообщества, обеспечивающего защиту тайны частной жизни и личную неприкосновенность. Государственный аппарат, таким образом, обязан в интересах народа как но-

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М. : Госполитиздат, 1948. С. 34.

сителя суверенитета сохранять всю полноту влияния на медиаиндустрию и обеспечивать создание виртуальной реальности, соответствующей национальным интересам государства.

Литература

1. *Авакьян С. А.* Точка отсчета — народ // Российская газета. № 4209, 28.10.2006.
2. *Авакьян С. А.* Предисловие / Левин И. Д. Суверенитет. Юридический центр пресс. 2003.
3. *Алексеев Г. В., Морозов Г. Н.* Свобода слова и информационные транснациональные корпорации // Власть. 2009. № 2. С. 28–33.
4. *Барциц И. Н.* Категория «суверенитет» в правовой теории и практике Российской Федерации: автореф. дисс. ... к. ю. н. Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М. : 1995.
5. *Богуславский М. М.* Международное экономическое право. М. : Международные отношения, 1986.
6. *Гуреев С. А.* Принцип свободы открытого моря в современных условиях // Правоведение. 1987. № 1. С. 80–84.
7. *Касенова М. Б.* Управление интернетом. Международно-правовой механизм. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
8. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международное право и информационная безопасность государств. СПб. : СПбГИКиТ, 2016.
9. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Роль средств массовой информации в признании статуса субъектов международного права // Управленческое консультирование. 2014. № 11 (71). С. 7–16.
10. *Климин А. И.* Греция и Египет в архаическую эпоху. Проблемы политического, экономического и культурного взаимодействия: дисс. к. и. н. СПб. : СПбГУ, 2000.
11. *Левин И. Д.* Суверенитет. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 375 с.
12. *Моисеев А. А.* Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. М. : «Научная книга», 2006.
13. *Овчинников В. А.* Государственный суверенитет современной России: сущность, содержание, проблемы реализации. СПб. : Петрополис, 2012.
14. *Тузмухамедов Р. А.* Национальный суверенитет. М. : Изд-во ИМО, 1963.
15. *Ушаков Н. А.* Суверенитет в современном международном праве. М. : Изд. ИМО, 1963.
16. *Черниченко С. В.* Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 1995.
17. *Шевцов В. С.* Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М. : Юридическая литература, 1978.
18. *Evans G., Sahnoun M.* The Responsibility to Protect: report. Report. Ottawa, Canada : ICISS, 2001
19. *Evans G.* The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All. Washington, D. C. : Brookings Institution Press, 2008.
20. *Goldsmith J., Wu T.* Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World. Oxford University Press, 2006.
21. *Grotius H.* Mare Liberum, sive de jure quod Batavis competit ad Indicana commercia dissertatio. Lodewijk Elzevir, 1609.
22. *Malcolm J.* Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum. Terminus Press, 2008.
23. *Martine J. van Ittersum.* Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies 1595–1615. Boston : Brill, 2006.
24. *Menefee S. P.* «Republics of the Reefs»: Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans // California Western International Law Journal. Vol. 25. N 1 Fall. 1994. P. 105–106.
25. *Salter M. B.* Rights of passage: The passport in international relations. London : Boulder, Lynne Rienner publishers, 2003.
26. *Strauss E. S.* How to Start Your Own Country. Breakout Productions, Port Townsend, WA, 2nd ed. 1984. P. 129–130.
27. *Zakerian M., Mahdaviipoor R.* Crisis in Libiya: transmission from humanitarian intervention to the responsibility to protect // Indian journal of scientific research 7 (1) 2014. P. 774–782.

References

1. Avakyan S.A. *A reference point — the people* [Tochka otscheta — narod] // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta] N 4209, 10.28.2006. (rus)
2. Avakyan S.A. *Preface* [Predislovie] / Levin I.D. *Sovereignty* [Suverenitet]. Legal center press [Yuridicheskii tsentr press]. 2003. (rus)
3. Alekseev G.V., Morozov G.N. *Freedom of speech and information multinational corporations* [Svoboda slova i informatsionnye transnatsional'nye korporatsii] // Power [Vlast']. 2009. N 2. P. 28–33. (rus)
4. Bartsits I.N. *The category «sovereignty» in the legal theory and practice of the Russian Federation* [Kategoriya «suverenitet» v pravovoi teorii i praktike Rossiiskoi Federatsii]: Dissertation abstract. Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation [Rossiiskaya Akademiya gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii]. M. : 1995.
5. Boguslavsky M.M. *International economic law* [Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo]. M. : International relations [Mezhdunarodnye otnosheniya], 1986. (rus)
6. Gureev S.A. *The principle of a freedom of the high seas in modern conditions* [Printsip svobody otkrytogo morya v sovremennykh usloviyakh] // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1987. N 1. P. 80–84. (rus)
7. Kasenova M.B. *Management of the Internet. The international legal mechanism* [Upravlenie internetom. Mezhdunarodno-pravovoi mekhanizm]. SPb. : Center of humanitarian initiatives [Tsentr gumanitarnykh initsiativ], 2013. (rus)
8. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv] : Monograph. SPb. : Saint-Petersburg State University of Film and Television [SPbGKIIT], 2016. (rus)
9. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *The Role of Mass Media in Recognition of International Legal Personality* [Rol' sredstv massovoi informatsii v priznanii statusa sub"ektov mezhdunarodnogo prava] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 11 (71). P. 7–16. (rus)
10. Klimin A.I. *Greece and Egypt during an archaic era. Problems of political, economic and cultural interaction* [Gretsiya i Egiptet v arkhaishekuyu epokhu. Problemy politicheskogo, ekonomicheskogo i kul'turnogo vzaimodeistviya]: Dissertation. St. Petersburg State University [SPbGU], 2000. (rus)
11. Levin I.D. *Sovereignty* [Suverenitet]. M. : Juridical publishing house of the Ministry of Justice of USSR [Yurid. izd-vo MYu SSSR], 1948. (rus)
12. Moiseev A.A. *Sovereignty of the state in the modern world. International legal aspects* [Suverenitet gosudarstva v sovremennom mire. Mezhdunarodno-pravovye aspekty]. M. : «The Scientific book» [Nauchnaya kniga], 2006. (rus)
13. Ovchinnikov V.A. *State sovereignty of modern Russia: essence, contents, realization problems* [Gosudarstvennyi suverenitet sovremennoi Rossii: sushchnost', sodержanie, problemy realizatsii]. SPb. : Petropolis, 2012. (rus)
14. Tuzmukhamedov R.A. *National sovereignty* [Natsional'nyi suverenitet]. M. : IMO publishing house [Izd-vo IMO], 1963. (rus)
15. Ushakov N.A. *Sovereignty in modern international law* [Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave]. M. : IMO publishing house [Izd-vo IMO], 1963. (rus)
16. Chernichenko S.V. *State as personality, subject of international law and carrier of sovereignty* [Gosudarstvo kak lichnost', sub"ekt mezhdunarodnogo prava i nositel' suvereniteta] // Russian year-book of international law [Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava]. SPb. : Publishing house of St.Petersburg State University [Izdatel'skii dom SPbGU], 1995. (rus)
17. Shevtsov V.S. *National sovereignty (problem of the theory and methodology)* [Natsional'nyi suverenitet (problemy teorii i metodologii)]. M. : Juridical Literature [Yuridicheskaya literatura], 1978. (rus)
18. Evans G., Sahnoun M. *The Responsibility to Protect: report*. Report. Ottawa, Canada : ICISS, 2001
19. Evans G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All*. Washington, D. C. : Brookings Institution Press, 2008.
20. Goldsmit J., Wu T. *Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World*. Oxford University Press, 2006.
21. Grotius H. *Mare Liberum, sive de jure quod Batavis competit ad Indicana commercia dissertatio*. Lodewijk Elzevir, 1609.

22. Malcolm J. *Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum*. Terminus Press, 2008.
23. Martine J. van Ittersum. *Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies 1595–1615*. Boston : Brill, 2006.
24. Menefee S. P. «*Republics of the Reefs*»: *Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans* // California Western International Law Journal. Vol. 25. N 1 Fall. 1994. P. 105–106.
25. Salter M. B. *Rights of passage: The passport in international relations*. London : Boulder, Lynne Rienner publishers, 2003.
26. Strauss E. S. *How to Start Your Own Country*. Breakout Productions, Port Townsend, WA, 2nd ed. 1984. P. 129–130.
27. Zakerian M., Mahdavi poor R. *Crisis in Libiya: transmission from humanitarian intervention to the responsibility to protect* // Indian journal of scientific research 7 (1) 2014. P. 774–782.

Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы

Коростелев Станислав Валентинович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья обращается к проблеме политической легитимации «гуманитарной интервенции», осуществляемой ввиду крайней необходимости. Практика государств подтверждает развитие новой международной нормы, которая позволяет государствам осуществлять «гуманитарную интервенцию» даже при отсутствии разрешающей резолюции Совета Безопасности ООН. В процессе политической легитимации акта применения силы к силе используется общее правило, когда обоснование заявляется в точном соответствии с «текстом» нормы международного права. Но при этом опускается вторая часть процесса разъяснения, когда должно происходить раскрытие свойства нормативности заявляемой нормы, т. е. обязательности ее применения исключительно к типичным, однородным, часто повторяющимся взаимодействиям в международных отношениях. Аргументация в этой части обоснования является морально-этической и политической.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная норма, Совет Безопасности ООН, применение силы, легитимность, гуманитарная интервенция, Косово, ответственность по защите

Korostelev S. V.

Humanitarian Necessity: the Problem of Political Legitimation of Uses of Force

Korostelev Stanislav Valentinovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in Judicial Science, Associative Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

This article explores the problem addressing the political rationale of the «humanitarian intervention» performed in case of emergency and necessity. The practice of states exhibits the emergence of a new international norm that allows states to perform «humanitarian intervention» in absence of a permissive resolution of the United Nations Security Council. In a search of a political rationale for a use of force, the general rule should be applied when some «formal» sources of international law are claimed in support of legitimacy of any act of a use of force. In addition, at the same time the second part of a regular process of reasoning of the legitimacy does abandoning the second, normative claim of that norm, which describes mandatory applicability of it to typical, similar, and time and again international interrelations. A rationale in this segment is from an ethical and moral or political realm.

KEYWORDS

international norm, United Nations Security Council, use of force, legitimacy, humanitarian intervention, Kosovo, responsibility to protect

Главной проблемой политической легитимации акта применения силы в межгосударственных отношениях, то есть обеспечения признания его справедливым

способом разрешения конфликта, является поиск и заявление обоснования необходимости и соразмерности такого акта. В отличие от критерия соразмерности, достаточно полно регламентированного в международном гуманитарном праве, необходимость акта применения силы является по своей сути политической, т. е. внеправовой оценкой, опирающейся главным образом на морально-этическую аргументацию, хотя и заявляется в терминах права.

В общем случае оценка легитимности какого-либо акта применения силы должна исходить из определения того, соответствует ли он ожиданиям основных акторов, и не нарушает ли он международные обязательства государства, т. е. является или нет данный акт несправедливым/неправомерным¹ применением силы, либо угрозой ее применения. Признание конкретного акта применения силы легитимным осуществляется в ходе политического процесса, формализуемого в дискуссиях Совете Безопасности ООН (далее — СБ ООН).

Одним из немногих случаев вмешательства во внутренние дела государства, получивших признание и оформление в резолюциях СБ ООН, является конфликт, связанный с применением силы государствами-членами НАТО в Косово в 1999 г. Споры о косовском прецеденте и до настоящего времени часто базируются на ошибочных посылах, являющихся следствием пропагандистской компании. Но именно в ходе дискуссий по оценке косовского кризиса была сформулирована концепция «ответственность по защите»², которая объявляет акты гуманитарного вмешательства для защиты гражданского населения от бедствий вооруженного противостояния на территории какого-либо государства без его согласия легитимными не только при условии принятия СБ ООН резолюции, разрешающей применение силы, но так же и при одобрении вмешательства *post factum*.

Впервые военное вмешательство без полномочий от ООН было легитимировано *post factum* резолюцией Совета Безопасности после принуждения силами региональной организации сторон конфликта к мирным процедурам урегулирования на завершающем этапе конфликта в Косово в 1999 г. А с момента «кодификации» концепции «обязанность защищать» [1] в решениях Всемирного Саммита 2005 г. СБ ООН, хотя и получил в свое распоряжение необходимый инструментарий, не стал его использовать для разрешения гуманитарных конфликтов в Йемене, Сомали, Шри-Ланка, Демократической республике Конго, Сирии, и обратился к нему всего один раз — для разрешения кризиса в Ливии [5].

К моменту принятия весной 1999 г. государствами-членами НАТО решения о применении силы без разрешения СБ ООН в международном сообществе уже был сформирован консенсус в отношении не только необходимости, но и обязанности по предотвращению и противодействию геноцидальным проявлениям, и наказанию за их совершение. Уже представлялось очевидным, что как последнее средство для защиты гражданского населения, а также для возвращения к доконфликтному *status quo* — восстановлению автономии, в Косово должны были появиться вооруженные формирования, даже вопреки вето какого-либо Постоянного члена СБ ООН,

¹ Ст. 1 п. 1 Устава ООН определяет, что поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проведение мирными средствами улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира, должны проводиться *в согласии с принципами справедливости и международного права*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения: 20.11.2015).

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 сентября 2005 г. Документ ООН A/RES/60/1. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/62/PDF/N0548762.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.10.2015).

и, равным образом, основанные на заведомом знании о невозможности быстрого реагирования со стороны СБ ООН¹. Именно поэтому существенной особенностью процесса разрешения кризиса в Косово стало то, что вмешательство произошло ввиду стечения ряда обстоятельств и было осуществлено той же группой государств, которые проводили действия по защите населения Руанды.

В общем случае интервенция (вмешательство) во внутренние дела государства квалифицируется как грубое нарушение международного права, но в чрезвычайных гуманитарных ситуациях, особенно, когда последствия несвоевременного реагирования на кризис вытекают за пределы государственных границ, международное сообщество может признавать необходимость соразмерного вмешательства. В косовском случае, когда продолжавшиеся с 1989 г. беспорядки и боевые действия уже привели к гибели около четверти миллиона человек и к изгнанию с мест проживания почти миллиона человек², решение об использовании сил НАТО для прекращения насилия со стороны сербских формирований к населению Косово было спровоцировано массовой миграцией в начале 1999 г.³

В процессе установления легитимности поведения государств очень важен учет временного интервала оценки: непосредственно, в момент бомбардировок силами НАТО сербских формирований в Косово и объектов непосредственно в Сербии в период с 24 марта по 10 июня 1999 г., абсолютным большинством наблюдателей такой акт применения силы расценивался как несправедливый; но если давать ему оценку, например, в приложении к периоду с 1989 г. по 1999 г., — то, как чрезвычайно справедливый, поскольку его итогом явилось прекращение как массовых этнических чисток на территории бывшей Югославии, так и исхода населения Косово на территории сопредельных государств.

Такое предположение подтверждается Консультативным заключением Международного суда ООН (далее — МС ООН) относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права⁴, которое ссылается на резолюцию 1244 (1999) СБ ООН⁵ как источник международно-правовых обязательств.

¹ Принятые Советом Безопасности резолюции 1160 (1998), 1199 (1998) и 1203 (1998) в отношении урегулирования косовской ситуации не предоставляли каких-либо средств к прекращению насилия, констатируя ситуацию и обращаясь лишь с требованиями, заявляя об «обеспокоенности» увеличением нарушений прав человека и международного гуманитарного права, призывая решать имеющиеся проблемы политическими средствами и т. д. Важно отметить, что резолюции были обращены в равной мере не только к руководству Союзной Республики Югославия, но и к руководителям косовских албанцев и всем другим членам албанской общины Косово.

² Не менее существенную роль в обосновании решения на применение силы также сыграло то, что сербское правительство не выполняло ранее заключенные соглашения и не желало учитывать интересы своих соседей, принимавших значительное количество беженцев. См.: Independent International Commission on Kosovo: The Kosovo Report. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reliefweb.int/library/documents/thekosovoreport.htm> (дата обращения: 18.10.2015).

³ О возможной эскалации конфликта по боснийскому сценарию свидетельствовало событие 15 января 1999 г., когда в деревне Рачак после операции сербских сил безопасности было обнаружено 45 погибших, а пять с половиной тысяч человек покинули место проживания. См.: Press Release SC/6628 3967th Meeting (Night) 19 January 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/press/en/1999/19990119.sc6628.html> (дата обращения: 20.11.2015).

⁴ См.: § 58 Консультативного заключения Международного Суда относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права. Документ ООН A/64/881. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/469/83/PDF/N1046983.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.11.2015).

⁵ Документ ООН S/RES/1244 (1999). [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

Принятие данной резолюции служит подтверждением того, что силовое принуждение воюющих к мирным способам разрешения конфликта происходило в общих интересах. В п. 3 резолюции СБ ООН потребовал, «чтобы Союзная Республика Югославия немедленно и поддающимся контролю образом прекратила насилие и репрессии в Косово и начала и завершила поддающийся контролю поэтапный вывод из Косово всех военных, полицейских и военизированных сил согласно ускоренному графику». В п. 5 резолюции СБ ООН постановил развернуть в Косово под эгидой ООН международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности и приветствовал согласие Союзной Республики Югославия (далее — СРЮ) на такие присутствия. Пункт 15 резолюции требовал, чтобы Освободительная армия Косово и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации.

Непосредственно перед принятием резолюции 1244 (1999) руководство СРЮ было принуждено действиями сил НАТО к подписанию Военно-технического соглашения от 9 июня 1999 г.¹ (далее — ВТС), ст. 1.2 которого предусматривала развертывание «Сил для Косово» (далее — СДК)² и разрешала им «действовать в Косово беспрепятственно и с полномочиями принимать все необходимые меры с целью установления и поддержания безопасной обстановки для всех граждан Косово и иным образом осуществлять свою миссию». Военно-техническое соглашение также предусматривало вывод наземных и военно-воздушных сил СРЮ, за исключением «согласованного числа югославского и сербского военного и полицейского персонала». По своей сути, положения ВТС стали мерами, обеспечившими имплементацию резолюции 1244 (1999).

Таким образом, СБ ООН *post factum* легитимировал результаты действий сил НАТО по принуждению к миру. Так, например, ст. II п.2 (а) ВТС определяла: «...как только установлено, что силы Союзной Республики Югославии выполнили положения настоящего подпункта и пункта 1 настоящей статьи, воздушные удары НАТО приостанавливаются. Распоряжение о приостановлении продолжает действовать при условии, что полностью соблюдаются обязательства настоящего соглашения и что Совет Безопасности принимает резолюцию о таком быстром развертывании международных сил безопасности (СДК), при котором можно было бы избежать вакуума в плане безопасности»³.

Таким образом государства НАТО обусловили прекращение бомбардировок обеспечением: во-первых, долговременного прекращения военных действий; во-вторых, санкционирования, развертывания, функционирования и поддержки деятельности международных сил безопасности. Также обязательным условием деятельности международных сил безопасности в тексте ВТС заявлялось наделение их правом применять необходимую силу не только для самообороны, но и для создания безопасной обстановки для международного гражданского присутствия и других международных организаций, учреждений и неправительственных организаций, и для принятия всех необходимых мер с целью установления и поддержания безопасных условий жизни для всех граждан Косово⁴. В итоге 10 июня 1999 г. на основании Гл. VII Устава СБ ООН

¹ Военно-техническое соглашение между международными силами безопасности (СДК) и правительствами Союзной Республики Югославии и Республики Сербии о процедурах и режиме вывода из Косово сил безопасности Союзной Республики Югославия. Документ ООН S/1999/682. [Электронный ресурс]. URL: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/990615_MilitaryTechnicalAgreementKFORYugoslaviaSerbia%28ru%29.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

² Более известны под названием КФОР (KFOR — Kosovo Force).

³ ВТС, см. сноску 8.

⁴ ВТС, ст. I п. 4., Добавление «В».

принял резолюцию 1244 (1999), которая создала международно-правовые обязательства не по прекращению огня, а по урегулированию гуманитарного кризиса для всех сторон конфликта, поскольку масштабное насилие в отношении гражданского населения на территории Косово было прекращено применением сил НАТО в отношении элементов системы государственного управления СРЮ.

Такова реальность современной системы международных отношений, в которой государства признают, что СБ ООН обладает главной, но не исключительной ответственностью за поддержание международного мира и безопасности, а следовательно, не только СБ ООН может определять содержание международной практики, в ходе которой абстрактные нормы международного права реализуются в конкретных обстоятельствах.

Проблема баланса и конфликта двух необходимых аспектов, составляющих основу как сотрудничества, так и конкуренции в рамках системы современных международных отношений, а именно, сосуществования универсальных обязательств государств в сфере международной безопасности, основанной на уважении их суверенных прав, и обязательств по защите прав человека, особенно в ходе вооруженных конфликтов, — очень хорошо иллюстрируется одним из заявлений, сделанных при обсуждении косовской ситуации в СБ ООН: «... мы завершаем операцию, которую не должны были проводить. Мы искренне надеемся, что те немногие делегации, которые утверждали, что воздушные операции Организации Североатлантического договора (НАТО) против Союзной республики Югославии являются нарушением Устава Организации Объединенных Наций, в один прекрасный день осознают, что Устав не является единственным источником международного права»¹. Данная позиция основана на том, что в Уставе ООН гораздо более подробно разработаны вопросы соблюдения суверенитета, нежели прав человека... Это подтверждено голосованием 26 марта 1999 г., когда проект резолюции, вынесенный Россией и Китаем, был отвергнут 12 голосами членов СБ ООН против 3»².

Сторонники вмешательства оправдывали свои действия как исключительную и продиктованную крайней гуманитарной необходимостью меру и определяя ее как «минимум, который был сочтен необходимым для этой цели»³. Более того, определение положения в Косово как «угрозы международному миру и безопасности» в резолюциях СБ ООН 1199 (1998) и 1203 (1998), к началу вмешательства уже формально вывело ситуацию из исключительно внутренней юрисдикции государства⁴.

Данная концепция использования права для легитимации акта применения силы была подробно исследована в докладе Независимой международной комиссии по вопросу Косово (далее — НМКК)⁵.

¹ Выступление г-на ван Валсума (Нидерланды) на 4011-м заседании СБ ООН 10 июня 1999 г. Документ ООН S/PV.4011. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/854/46/PDF/N9985446.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

² Выступавший ссылался на обсуждение проекта резолюции, в поддержку которой выступили только Китай, Намибия, Российская Федерация. См.: стенограмма 3989-го заседания СБ ООН 26 марта 1999 г. Документ ООН S/PV.3989. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/852/17/PDF/N9985217.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015). Текст проекта резолюции предлагал определить применение НАТО силы против СРЮ как угрозу международному миру и безопасности. См.: документ ООН S/1999/328. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/086/82/PDF/N9908682.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

³ Выступление сэра Дж. Гринстока (Соединенное Королевство) на 3988-м заседании СБ ООН 24 марта 1999 г. Документ ООН S/PV.3988. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N99/852/11/PDF/N9985211.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

⁴ Выступление г-на Тюрка (Словения) на 3988-м заседании СБ ООН 24 марта 1999 г. Там же.

⁵ Independent International Commission on Kosovo. См. выше, сноска 4.

Изложенную в отчете НМКК позицию можно рассматривать как особую форму буквального толкования положений международного права, когда: во-первых, происходит поиск формального источника права как основания обращения к силе; во-вторых, предлагается политически мотивированное обоснование приоритета найденного обоснования акта применения силы над иными существующими международными нормами.

Такая модель обоснования актов применения силы, впервые использованная в косовском конфликте, является весьма привлекательной для обоснования позиции государства, поскольку она разрешает использовать «описательное» условие формального толкования, когда смысл регулирования объясняется как общее правило, в точном соответствии с «текстом»¹ нормы международного права (иначе говоря, осуществляется буквальное толкование). *Но при этом опускается вторая часть процесса разъяснения, когда должно происходить раскрытие свойства нормативности заявляемой нормы, т. е. обязательности ее применения исключительно к типичным, однородным, часто повторяющимся взаимодействиям в международных отношениях. Также в этом случае намеренно не рассматриваются как правовые связи нормы — ее взаимоотношения с другими юридическими предписаниями и правовыми принципами; так и ее внеправовые связи с другими общественными явлениями. Аргументация в этой части обоснования является не правовой, а морально-этической и политической.*

Получившая в ходе косовского конфликта развитие концепция применения силы для решения гуманитарных задач без согласия государства, являющегося объектом вмешательства, может быть применена и для оценки легитимности обоснования применения силы как в отношении Ливии, так и Сирии, но только на некоторых этапах операций. В данных случаях необходимо обращать внимание на то, что даже существование разрешающей резолюции СБ ООН не является безусловным одобрением применения силы, поскольку нужно оценивать реакцию третьих сторон на то, как, например, страны НАТО интерпретировали данную резолюцию.

В ливийском конфликте формирования сил стран НАТО должны были действовать на основании резолюции СБ ООН², разрешившей применение силы, ограниченное решением задач:

- защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, но, исключая при этом, возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории;
- обеспечения соблюдения запрета на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население;
- обеспечения строгого соблюдения эмбарго на поставки оружия путем проведения на своей собственной территории, включая морские порты и аэропорты, и в открытом море досмотр морских и воздушных судов, следующих в Ливийскую

¹ Статья 38 Статута Международного суда ООН определяет виды норм международного права, которые он обязан применять при решении переданных ему споров, а именно: (a) международные конвенции; (b) международный обычай; (c) общие принципы права; (d) с оговоркой, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций; а также, наделен правом разрешения дел *ex aequo et bono*. Поэтому любое политическое заявление о «нарушении международного права» должно, как минимум, порождать ответный запрос о разъяснении того, о нарушении каких норм идет речь. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/icc/statut.shtmlchap2> (дата обращения: 15.10.2015).

² Документ ООН S/RES/1973 (2011). [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

Арабскую Джамхахирию или из нее, если у данного государства имеется информация, которая дает разумные основания полагать, что перевозимый груз содержит предметы, поставка, продажа, передача или экспорт которых запрещены, включая доставку вооруженных наемников.

Но в ходе применения силы военные формирования государств НАТО вышли за рамки политической легитимации, формально установленные в резолюции 1973 (2011), и, возможно, что уже изначально их действительные цели были ориентированы на изменение политического режима в государстве-объекте вмешательства.

Такой выход за пределы разрешенного способа применения силы не получил впоследствии осуждения в СБ ООН и тем самым был поставлен вопрос доверия к обязанности запрашивать у него разрешение на применение силы не только при наступившей вскоре необходимости разрешения кризиса в Сирии, но и в общем случае.

Допустимость выхода за формальные ограничения, определенные в резолюции СБ ООН в соответствии с предписанными международным правом процедурами, даже обоснованная существенными моральными аргументами, может выводиться только из реакции третьих сторон, которые, во-первых, учитывают расхождение заявляемых и реальных национальных целей государств, осуществляющих вмешательство; и во-вторых, степень их совпадения со своими собственными национальными целями.

Именно вследствие этого даже одобренный СБ ООН акт применения силы для решения гуманитарных задач в чрезвычайных ситуациях не обязательно будет политически легитимирован; либо, возможно, он получит такое признание по прошествии достаточно длительного периода времени.

Необходимо отметить, что парадигме Устава ООН сформирована особая методика обоснования актов применения силы, которая обязывает государства гарантировать, что действия, даже осуществляемые в обход прописанных в Уставе ООН процедур, все-таки будут проводиться в соответствии с целями и принципами ООН. В такой системе обоснования каждый акт применения силы заведомо предполагается «неправомерным», но на государстве лежит бремя доказывания того, что его действия легитимны, поскольку осуществляются в общих интересах мирового сообщества, а следовательно, являются «справедливыми» в той же парадигме ООН.

Исследование актов применения силы и сопровождающих их заявлений государств о необходимости их легитимации при отсутствии санкции СБ ООН позволяет вывести некоторые правила поведения, действующие в среде государств, чьи возможности, как военные, так и политические (либо даже исключительно политические), позволяют обеспечивать свои национальные интересы, и, которые, что естественно, заявляются ими как справедливые/правомерные. В этом процессе нельзя опираться только на буквальное толкование положений Устава ООН, регламентирующих применение силы, но и учитывать совокупность других факторов: например, цели применения силы (как заявляемые, так и реальные), и их восприятие акторами справедливыми (т. е. ведущими к достижению и поддержанию общих целей — международному миру и безопасности, защищающими человека от грубого нарушения его основных прав), а также иные сопутствующие и случайные обстоятельства международной обстановки. В таком случае положения Устава будут уважаться как достаточные нормы, которые обеспечивают как необходимое следование целям ООН, так и «коллективное понимание поведения акторов как должного» [6, р. 33], т. е. служат основой оценки легитимности. Именно так, как «должные», «не в соответствии с правом, но легитимные», были оценены МНKK действия стран НАТО в Косово.

Возможен и иной подход к разъяснению того, что такие силовые действия в обход процедур ООН, в действительности не нарушают принципов, заявленных в Уставе ООН. Например «свидетельство о существовании права... требует, чтобы орган власти или индивид, применяющий норму, либо заявляющий о ее существовании, смог про-

демонстрировать фактическое существование признаков, по которым можно заявить о существовании нормы, — вне зависимости от того, относится ли это к источникам, процедурам создания нормы, ее сущности, или последствиям применения» [2, р. 13]. Если последствием действий акторов является прекращение масштабных страданий гражданского населения и принуждение конфликтующих к миру, то не является ли это свидетельством существования международной нормы, в соответствии с которой они действовали?¹ Иначе, неужели в чем-то ином состоит цель Устава ООН?

В общем случае предлагаем, во-первых, определять как «гуманитарное вмешательство» только лишь те действия по предоставлению гуманитарной помощи и защиты с применением военной силы, которые осуществляются государствами индивидуально, либо коллективно без одобрения СБ ООН. Действия отдельных государств, либо многонациональных сил по предоставлению помощи и защиты не следует определять как «гуманитарные вмешательства», если они осуществляются на основании полномочий от Совета Безопасности, либо силами ООН, либо теми силами, которые подпадают под определение «коллективных» в соответствии с Гл. VII Устава ООН. Равным образом гуманитарные действия ООН по предоставлению помощи в Северном Ираке в 1991 г., на территории Сомали в 1992 г., в Дарфуре в 2007 г. могут лучше всего быть охарактеризованы как «коллективное применение силы» в соответствии с Уставом ООН. Если описывать какое-либо из приведенных действий как «гуманитарное вмешательство», значит, по сути, лишит термин его сущностного содержания. Во-вторых, «гуманитарное вмешательство» может быть направлено против как правительственных, так и неправительственных действующих лиц, например, на территории несостоятельного, т. е. разрушившегося государства. В-третьих, силовая акция не должна предприниматься вследствие приглашения законного правительства государства-объекта вмешательства, либо с его явно выраженного согласия. В-четвертых, как показала практика, «гуманитарное вмешательство» помимо решения задач предоставления помощи и защиты может быть «нацелено на изменение действий территориального правительства, для того, чтобы прекратить преследование какой-либо отдельной группы; иногда цель расширяется до полной замены режима как способа изменения его вызывающего беспокойство поведения» [3, р. 463].

С момента окончания Холодной войны отношение международного сообщества к военному вмешательству для предоставления помощи и защиты претерпело существенные изменения. Поскольку ранее такие вмешательства со стороны отдельных государств чаще всего не получали одобрения СБ ООН, то, соответственно, обязательства по признанию ситуации у мирового сообщества в целом не появлялись. Но с изменением приоритетов международной безопасности политические оценки, даваемые в ходе дискуссий, в конце концов, способствовали определению существенных элементов развивающейся новой международной нормы «ответственность по защите»². Ее сущностное отличие от традиционной нормы «гума-

¹ Вмешательство с применением военных средств для замены элит в другом государстве, как способ применения силы, практически никогда не получает признания международного сообщества. Однако интерес может представлять рассмотрение военного вмешательства Вьетнама в Камбоджу для устранения правительства «красных кхмеров», которое почти все камбоджийцы восприняли как освобождение. Рядом делегаций в СБ ООН было выражено большее возмущение фактом вмешательства, чем геноцидом, который осуществляли «красные кхмеры» и «которые при этом более 10 лет занимали место в Генеральной Ассамблее ООН». См.: стенограмма заседания СБ ООН S/PV.2108. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL0/306/66/PDF/GL030666.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.11.2015).

² Иногда эту норму называют обоснованием «третьего вида правомерного применения силы»: первый — с санкции СБ ООН, второй — самооборона на основании ст. 51 Устава ООН, третий — «ответственность по защите». См.: Hurdaug, Ian. Bomb Syria, Even if It Is Illegal. The New York Times. August 27, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2013/08/28/opinion/bomb-syria-even-if-it-is-illegal.html?_r=1 (дата обращения: 22.11.2015).

нитарного вмешательства» заключается в обязательности легитимации действий государств в резолюции СБ ООН, даже *post factum*, как это было сделано в отношении ситуации в Косово резолюцией 1244 (1999).

Необходимо отметить, что складывающийся порядок предоставления гуманитарной помощи и защиты в ряде случаев может даже вступать в противоречие с позицией должностных лиц ООН. Так, например, в докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать»¹ отмечено, что ни одна стратегия выполнения обязанности защищать население не будет полной, если она не будет предусматривать возможность принятия коллективных принудительных мер, включая осуществление, в крайнем случае, санкций или силовых военных операций в соответствии со ст. 41 или 42 Устава, Генеральной Ассамблеей в соответствии с процедурой, предусмотренной в резолюции «Единство в пользу мира», или региональными или субрегиональными механизмами в соответствии со ст. 53 Устава с предварительного разрешения Совета Безопасности.

Датский институт международных отношений проводил исследование практики осуществления «гуманитарных вмешательств» [4], результаты которого были использованы НМКК в качестве методологической основы анализа разрешения косовского конфликта. Институтом были предложены пять критериев для оценивания легитимности «гуманитарного вмешательства» в рамках парадигмы ООН:

- существование серьезных нарушений прав человека или международного гуманитарного права;
- неспособность СБ ООН выполнить свои обязанности;
- многосторонний характер действий по защите;
- применение силы — только необходимое и соразмерное;
- «незаинтересованность» вмешивающихся государств.

Комиссия, в свою очередь, в качестве методологического аппарата для выявления уровня международного признания «гуманитарного вмешательства» в развитие предложений Датского института международных отношений предложила набор принципов оценки легитимности акта применения силы, разделенных на две группы². Первая группа определяла так называемые «пороговые принципы», которым должно удовлетворять всякое притязание на справедливый характер акта гуманитарного вмешательства. Вторая группа (так называемые «контекстуальные принципы») определяла критерии, применение которых к оценке действий вмешивающихся государств позволяло делать вывод об увеличении или уменьшении уровня международной поддержки акта вмешательства. Входящие во вторую группу принципы могут быть применены для определения необходимости обращения к силе как до осуществления вмешательства, так и для оценки его правомерности *post factum*, в том числе и вне мандата СБ ООН государствами как в составе коалиции, так и самостоятельно.

Пороговыми принципами МНКК определила:

1. «Механизмы инициирования» гуманитарного вмешательства. Первый — это существование серьезных и масштабных нарушений прав человека, либо норм гуманитарного права в течение продолжительного времени. Второй — это подвержение гражданского общества широкомасштабным страданиям и риску вследствие «несостоятельности» государства, т. е. разрушения государственного управления в масштабах всего территориального суверенного государства.

2. Необходимость непосредственной защиты подвергаемого насилию населения как важнейшая цель любых этапов гуманитарного вмешательства, предусматривающих как угрозу применения силы, так и ее непосредственное применение.

¹ Документ ООН A/63/677, п. п. 55, 56. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.11.2015).

² Independent International Commission on Kosovo. См. выше, сноска 4.

3. Срочность и неизбирательность вмешательства: гуманитарная катастрофа должна быть прекращена как можно быстрее, защита всех гражданских лиц должна предоставляться всем категориям без исключения, сопутствующий ущерб должен сводиться к минимуму. Кроме того, использование мер наказания или возмездия против правительства должно быть исключено. То есть изменение формы правления в государстве-объекте вмешательства является недопустимым.

К «контекстуальным» принципам МНКК были отнесены следующие условия реализации гуманитарной помощи и защиты с помощью военных средств:

4. Должны быть предприняты существенные усилия для поиска мирного разрешения конфликта. Найденное решение должно гарантировать, что злоупотребления прекращены гарантированно и на длительный срок, либо осуществляется процесс восстановления надлежащей власти.

5. Обращение к СБ ООН или отсутствие решения ООН не являются безусловно необходимым фактором. Такие ситуации возникают, когда один из постоянных членов СБ ООН реализует свое право вето, либо происходит необращение к СБ ООН из-за нежелания получить такое неизбежное вето, которое сделает нецелесообразным последующее обращение к Генеральной Ассамблее ООН. Такое противодействие праву вето оправданно, если значительное число государств соглашаются с существованием состояния гуманитарной катастрофы или неизбежностью ее наступления и формируют коалицию для противодействия ей.

6. До начала осуществления мер принуждения с применением военной силы переговорные мероприятия и меры понуждения, включая санкции, ограничения в торговле и иные меры должны потерпеть неудачу; и дальнейшая задержка в реагировании может привести к гуманитарной катастрофе.

7. Любая угроза либо непосредственное применение силы не должны быть односторонними, они должны получить коллективную поддержку как в оправдание такого акта, так и в его реализации рядом государств.

8. Со стороны главных органов ООН в сфере оценки правомерности применения силы, а именно СБ ООН либо МС ООН, не должно быть заявлено какого-либо формального осуждения, либо негативной оценки.

9. На всех этапах военных операций, в том числе во время оккупации после прекращения огня, должно быть обеспечено более жесткое следование законам и обычаям войны и международному гуманитарному праву, чем в случае проведения стандартных операций.

10. Стремление к достижению каких-либо территориальных, либо экономических целей является недопустимым для обеспечения признания легитимности вмешательства. Вмешивающиеся государства должны быть гарантированно готовы к выводу военных сил и прекращению экономических мер в кратчайшие сроки после достижения гуманитарных целей.

11. После того как применение вооруженных мер достигло своей цели, необходимо активно осуществлять гуманитарную миссию направлением на нее существенных ресурсов для поддержки населения и обеспечения быстрых и гуманных преобразований для возвращения населения к нормальной жизни. Это само по себе подразумевает отказ от широкомасштабных и карательных санкций.

Таким образом, практика государств, в некоторых случаях поддержанная СБ ООН, привела к развитию достаточного институционального инструментария для урегулирования проблем легитимации «гуманитарного вмешательства». Но, тем не менее, государства, проводящие активную военную политику, неизбежно вынуждены преодолевать политические ограничения, связанные с получением необходимого разрешения на применение силы от СБ ООН.

Совет Безопасности как институт (в широком смысле — международное сообщество) пришел к признанию того, что, действуя на основании Главы VII

СБ ООН и в соответствии с формирующейся нормой коллективной международной ответственности за защиту, он может санкционировать применение военной силы государствами самостоятельно для исправления катастрофического положения на территории какого-либо государства, если он готов объявить, что ситуация создает «угрозу международному миру и безопасности» в соответствии со ст. 39 Устава ООН¹. Тем самым, непосредственно не разрешая применение силы, СБ ООН «предлагает» государствам осуществлять «конструктивное неследование»² процедурам Устава ООН и гарантирует при этом неосуждение «гуманитарного вмешательства».

Подводя итог, определим сущностное содержание данной международной нормы, регламентирующей вмешательство с применением военной силы ввиду крайней необходимости.

Во-первых, описательное условие нормы — общее правило, формулируемое в терминах международного права, в котором презюмируется существование коллективной международной ответственности за защиту, которая *предположительно* может быть формализована в резолюции СБ ООН, санкционирующей, как крайнее средство, военное вмешательство, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить.

Вторая часть нормы, которая собственно преобразует норму международного права в стандарт неюридического характера, т. е. в международную норму, включает легитимирующие применение силы морально-этические и политические критерии необщего характера, которые Совет Безопасности должен учитывать при рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли *ante factum* или одобрить *post factum* применение военной силы³ для противодействия реальным или неизбежным актам геноцида и других массовых убийств, этнической чистке или серьезным нарушениям международного гуманитарного права, а именно: (а) серьезность угрозы; (б) правильность цели; (в) обращение к силе как к крайнему средству; (г) соразмерность применяемой силы угрозе; (д) учет последствий ее применения⁴.

Предложенная СБ ООН методология в принципе не расходится с классическим каноном обоснования необходимости и соразмерности применения военной силы, сформулированным при обсуждении инцидента *Каролина*⁵, который предполагал необходимость оценки того, насколько угроза причинения ущерба безопасности государства является реальной и серьезной, чтобы применение военной силы было оправдано «срочностью, силой обстоятельств, отсутствием других способов и момента преднамеренности» и не явилось «беспричинным и чрезмерным».

В процессе обоснования своих действий государства обязаны показать СБ ООН, что главная цель военных действий действительно преследовала устранение или предотвращение угрозы и не была обусловлена иными мотивами. Также предполагается, что обращение к военным средствам осуществляется только в случае

¹ Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН A/59/565, п. 202. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/602/33/PDF/N0460233.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.01.2015).

² Hurdaug, Ian. См. выше, сноска 20.

³ Более безопасный мир: наша общая ответственность. П. 207. См. выше, сноска 23.

⁴ Оценка успешности гуманитарного вмешательства определяется третьими сторонами, которые определяют, не привело ли устранение угрозы к худшим последствиям, нежели бездействие.

⁵ См.: British-American Diplomacy. The Caroline Case. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/br-1842d.asp (дата обращения: 12.01.2015).

исчерпания невоенных средств, а по своим масштабам, продолжительности и интенсивности является минимально необходимым.

Таким образом, предполагается, что можно выделить три уровня легитимации актов применения силы для предоставления гуманитарной помощи и защиты, осуществляемых ввиду крайней необходимости. Во-первых, наибольшей легитимацией обладают действия, обеспеченные резолюцией СБ ООН как до начала действий, так и *post factum*. В этом случае можно говорить о реализации концепции «ответственность по защите» и что сила применяется в общих интересах. Более того, при реализации «ответственности по защите» именно на правительство государства, допускающее широкомасштабное нарушение прав человека, налагается обязанность давать объяснения причин, послуживших основанием для вмешательства по гуманитарным основаниям.

Во втором случае можно заявлять об «условной» легитимации самостоятельных действий государств, если СБ ООН не санкционировал применение силы, но реализуя свои полномочия в соответствии со ст. 39 Устава ООН определил, что ситуация в государстве-объекте вмешательства существует «угроза миру».

В третьем случае, при применении силы для предоставления гуманитарной помощи и защиты, не обеспеченном соответствующими резолюциями СБ ООН, можно сделать вывод о притязании государств(а) на самостоятельное осуществление «гуманитарного вмешательства». Такой акт применения силы обречен носить ярлык «неправомерного», даже если рядом государств он предполагается «справедливым» и основан на благородных морально-этических и политических аргументах.

Литература

1. Коростелев С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях // Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 26–31.
2. *Aspremont, Jean d'.* Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011.
3. *Eichensehr, Kristen E.* Defending Nationals Abroad: Assessing the Lawfulness of Forcible Hostage Rescues // Virginia Journal of International Law. Vol. 48. Is. 2. P. 451.
4. *Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects.* Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000.
5. *Kantareva, Silva D.* The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012. P. 1–25.
6. *Legro, Jeffrey W.* Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism // International Organization, Winter 1997. Vol. 51. Is. 1. P. 31–63.

References

1. Korostelev S. V. «*Responsibility to Protect*» as a Political and Legal Rationale of Uses of Force in International Relations [«Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях] // Administrative consulting [Управленческое консультирование]. 2015. N 8 (80). P. 26–31. (rus)
2. *Aspremont, Jean d'.* Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011. 266 pgs.
3. *Eichensehr, Kristen E.* Defending Nationals Abroad: Assessing the Lawfulness of Forcible Hostage Rescues // Virginia Journal of International Law. Vol. 48. Is. 2. P. 451.
4. *Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects.* Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000. 135 pgs.
5. *Kantareva, Silva D.* The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012. P. 1–25.
6. *Legro, Jeffrey W.* Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism // International Organization, Winter 1997. Vol. 51. Is. 1. P. 31–63.

Гордиев узел Сирийского конфликта

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры истории и политологии

Доктор философских наук, профессор

Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Сирийский конфликт, развивающийся по меньшей мере на трех уровнях — локальном, региональном и глобальном, есть гордиев узел, связанный из сложного переплетения противоборствующих сил за сферы влияния в Сирии, на Ближнем Востоке и в глобальном мире. Правда в силе или сила в правде? Вот в чем вопрос современной геополитики! По одной из версий проблема гордиева узла была решена Александром Македонским силовым путем: вместо распутывания полководец рассек его мечом. Жрецы истолковали: «Он завоюет мир! Но мечом, а не дипломатией». Аналогично и в Сирийском конфликте многое будет определяться соотношением сил воюющих сторон, зависеть от масштабов контролируемой территории. Однако существует и иная версия решения проблемы гордиева узла. По словам Аристобула, «Александру удалось решить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк — так называемый „гестор“, которым закрепляется яремный ремень». Очевидно, «гестером» «Сирийского ярма» является мобилизация правительственных и оппозиционных сил против ИГИЛ — общего врага сирийского народа, подготовка и принятие конституции, учитывающей интересы всех религиозных общин и этнических групп. Не надо судить о том, кто прав, поскольку насилие питается энергией правоты, внедряемой в массы ради их благополучия. Следует спорить о том, что делать для обеспечения мира на сирийской земле. Наконец, любые узлы можно распутать, поскольку мы же завязываем их сами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

геополитика, Сирийский конфликт, религиозно-политический конфликт, Ближний Восток, Россия, Асад, Турция, Катар, оппозиция, ИГИЛ, гордиев узел

Kugay A. I.

Gordian Knot of the Syrian Conflict

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of History and Political Science

Doctor of Science (Philosophy), Professor

Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The Syrian conflict developing at least at three levels — local, regionally and globally, there is the Gordian knot that is associated from the complex interplay of opposing forces for influence in Syria, the Middle East and the global world. The truth is the strength or power of the truth? That is the question of modern geopolitics! In one version of Gordian knot of the problem was solved by Alexander the Great by force: instead of unraveling, the general cut of his sword. The priests interpreted that: «He will conquer the world! But the sword, not diplomacy». Similarly, in the Syrian conflict, much will be determined by the correlation of forces of the warring parties, depending on the size of the controlled area. However, there is another version of the solution to the problem Gordian knot. According to the story Aristobulus «Alexander managed to solve the problem and release the yoke by removing the front end of the drawbar hook — so-called “Gestor”, which is secured jugular belt». Obviously, «gestor» «Syrian yoke» is to mobilize the government and the opposition forces against IHH — a common enemy of the Syrian people, the preparation and adoption of the Constitution, taking into account the interests of all religious communities and ethnic groups.

Do not judge who is right, because violence feeds on the energy of righteousness, being introduced to the masses for her well-being. Should argue about what to do to ensure peace on the Syrian soil. Finally you can untangle any knots because we are tying their own.

KEYWORDS

Syrian conflict, religious and political conflict, the Middle East, Russia, Assad, Turkey, Qatar, opposition, IGIL, the Gordian knot

Согласно античной легенде, в IV в. до н. э., когда царство Фригия осталось без правителя, фригийцы обратились к оракулу за советом, кого выбрать царем. Оракул сказал, что избрать нужно того, кого они первым встретят едущим на повозке по дороге к храму Зевса. Этим человеком оказался простой земледелец Гордий. Став царем Фригии, он основал столицу, дав ей свое имя, а в цитадели города установил свою повозку, благодаря которой пришел к власти, опутав ярмо повозки сложнейшим узлом из кизилового лыка. Считалось, что человек, который сумеет распутать «гордиев узел», станет властителем всей Азии [2].

Сирийский конфликт, развивающийся по меньшей мере на трех уровнях — локальном, региональном глобальном, и есть гордиев узел, связанный не из кизилового лыка, но из сложного переплетения сил, противоборствующих за сферы влияния в Сирии, на Ближнем Востоке и в глобальном мире.

Во-первых, это *религиозно-политический конфликт*, связанный с борьбой за власть, протагонистами которого являются *сунниты*, представители преобладающей религиозной общины в Сирии, и *алавиты*, последователи наиболее влиятельной миноритарной религиозной общины в Сирии.

Сирия — поликонфессиональная страна, в которой основными религиозными сообществами являются мусульмане-сунниты, алавиты, христиане и друзы (рис. 2) Известно, что исламский мир традиционно делится на *суннитов* и *шиитов*. Раскол произошел по политическим причинам — разделение произошло по вопросу о том, кто имеет право наследовать титул халифа. Шииты, считавшие, что верховная власть имеет божественную природу, отвергли саму возможность избрания имамов. По их мнению, имамы являются посредниками между людьми и Аллахом. Согласно шиизму, верховная духовная власть должна передаваться по наследству среди потомков одного из «Праведных Халифов» — Али. Для суннитов такое понимание чуждо, поскольку они придерживаются концепции прямого поклонения Аллаху, без посредников. Столь большое значение, придаваемое шиитами роли Али и имамов, ставит под вопрос место самого пророка Мухаммеда. Сунниты полагают, что шииты позволили себе внести в ислам «недозволенные» новшества и в этом смысле противопоставляют себя шиитам.

С течением времени раскол усиливался и в вопросах религиозных практик. Преобладающей силой в 1,2-миллиардной умме — мусульманском населении мира — являются сунниты. Шииты представляют не более 10% от общего числа мусульман. Вместе с тем последователи этой ветви ислама составляют абсолютное большинство населения Ирана, больше половины населения Ирака, значительную часть

Рис. 1.
Картина французского живописца
Жана-Симона Бартелеми
«Александр Македонский
рассекает гордиев узел», 1767 г.

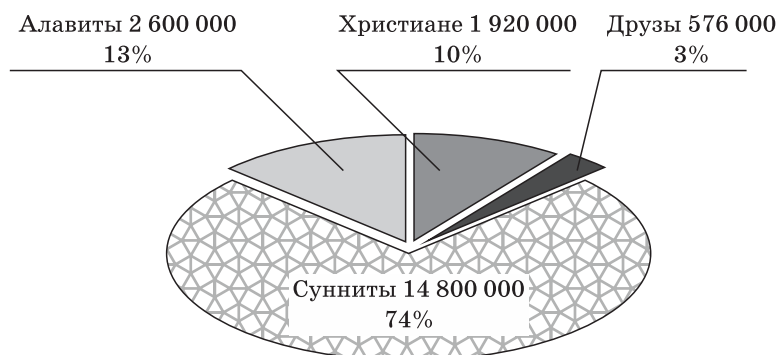

Рис. 2. Религиозно-конфессиональный облик Сирии

Источник: Библиотека ЦРУ. 12 января 2016 г. Сирия. Официальный сайт ЦРУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html> (дата обращения: 26.01.2016).

мусульман Азербайджана, Ливана, Йемена и Бахрейна. Несмотря на относительную малочисленность, шииты представляют серьезную политическую силу, особенно на Ближнем Востоке.

Особую роль в религиозно-конфессиональной картине Сирии играют алавиты. К этой группе принадлежит президент страны — Башар Асад. Данные по численности этой религиозной группы в Сирии варьируются от 12 до 18%, что неудивительно в условиях поликонфессиональной страны, где до недавнего времени мирно уживались представители многих общин и границы самоидентификации могли сдвигаться. Алавизм вбирает в себя элементы язычества, христианства и шиизма (отсюда поддержка алавитов Ираном — лидером шиитского мира, ливанской шиитской организацией Хезболлах и шиитским руководством нынешнего Ирака). Алавиты делятся на тех, кто поклоняется свету, и тех, кто поклоняется тьме; тех, кто отождествляет Али (ключевую в шиизме фигуру) с Солнцем, и тех, кто отождествляет его с Луной. Алавитов объединяет представление о «Вечной Троице»: Али, Мухаммаде и Сальмане аль-Фарси, каждый из которых воплощает собой определенные понятия в системе алавизма. Есть в алавизме и элементы, позаимствованные из христианства. Это связано с тем, что значительная часть Сирии с 1080 по 1375 г. входила в состав Киликийского армянского государства. Алавиты празднуют как Пасху, так и Рождество, на богослужениях читают Евангелие, почитая не только Ису (Иисуса), но и апостолов. Ядром конфликта является противостояние политической элиты суннитов (в особенности ее наиболее радикальной части — салафитов), представляющей наиболее многочисленную религиозно-конфессиональную общину Сирии, правящей элите, сформированной преимущественно из алавитов, возглавляемой Башаром Асадом.

Во-вторых, это *гражданский конфликт* между правящим режимом Башара Асада и оппозиционными силами: от либералов до исламистов. Основу оппозиции составляют объединения:

- «Сирийский национальный совет» (СНС), о формировании которого было официально объявлено в Стамбуле 23 августа 2011 г. Представители СНС утверждают, что он представляет примерно 60 процентов сирийской оппозиции¹.

¹ Сирийская оппозиция: состав, спонсоры и цели повстанцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/12/sirijskaya-oppoziciya-sostav-sponsory-i-celi-povstancev/> (дата обращения: 27.01.2016).

- «Национальный координационный комитет за демократические перемены». Это объединение представляет собой главным образом светские левые и националистические группы, независимых диссидентов и некоторые курдские партии. Данная коалиция оппозиционных групп была создана в Дохе (Катар) 11 ноября 2012 г. Целью этой организации является свержение президента страны Б. Асада. Недавно в коалицию вошел и «Сирийский национальный совет» (СНС).

В военном совете Национальной коалиции также представлены и представители «Свободной сирийской армии» (ССА), которая играет ведущую роль в вооруженном сопротивлении правительственным войскам Б. Асада. Численность ССА оценивается от 30 до 50 тыс. человек, однако по собственным данным группировки она насчитывает около 80 тыс. боевиков. Большинство членов ССА составляют арабы-сунниты, однако в ее составе присутствуют подразделения, сформированные из курдов, сирийских туркмен, палестинцев и друзов. Также там присутствуют боевики из Ливана, Туниса, Саудовской Аравии и других стран. Финансирование ССА оказывают Франция и США, страны Персидского залива, а также Турция. Поставки оружия отрядам ССА осуществляются из Саудовской Аравии. Помимо ССА, в рядах оппозиции Сирии существуют и более радикальные группировки, например, исламистский «Фронт ан-Нусра» — одно из подразделений «Аль-Каиды». Данная организация является центральным звеном «Исламской коалиции» — военного альянса. Позднее к этому альянсу присоединились три крупнейших формирования ССА — «Лива а-Тавхид», «Лива аль-Ислам» и «Сукор аш-Шам» и ряд более мелких группировок. Судя по составу объединенного командования, можно сразу определить, кто является инициатором «революции». Из 30 его членов 2/3 состава — представители разных исламистских групп, включая даже крайне экстремистские, сообщает Рейтер. Большая их часть относятся к «Братьям-мусульманам», или к салафитским группировкам, которые связаны с «Аль-Каидой»¹.

Между группировками сирийской оппозиции существует множество противоречий, которые нередко выливаются в вооруженные столкновения. Напряженно развиваются отношения между исламистами и курдскими повстанцами — последние связаны с «Рабочей партией Курдистана» (РКК), в Сирии они ведут борьбу за создание автономного региона на северо-востоке страны. Напомним, курды составляют около 10% от населения Сирии, насчитывающего на конец 2015 г. около 19,2 млн человек. Расхождение между ними стало принимать все более радикальный характер. К примеру, участились столкновения между курдами и исламистами за контроль над северо-восточными районами Сирии, богатыми нефтяными месторождениями и пшеницей.

Многочисленность курдов, их представительство в странах Ближнего Востока превратили этот народ в мощный региональный геополитический фактор, фактор государственного устройства Сирии (рис. 3, 4).

В-третьих, это война против международной террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), действующей преимущественно на территориях, дезорганизованных Сирии и Ирака, охваченных гражданской войной (рис. 5, 6, 7).

Сегодня ИГИЛ имеет довольно отлаженную иерархическую структуру. На пике ИГИЛовской пирамиды находится «халиф», он же главнокомандующий. После него следует подобие кабинета министров, куда входят административное ведомство, финансовое ведомство, ведомство безопасности, военное ведомство, ведомство шариата, ведомство моджахедов. По информации Центра анализа террористических угроз, военное руководство ИГИЛ состоит преимущественно из бывших военачаль-

¹ Мир против Асада, но опасается прихода к власти в Сирии исламистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pda.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-blizhnego-vostoka/syria/entry1008147869.html> (дата обращения: 26.01.2016).

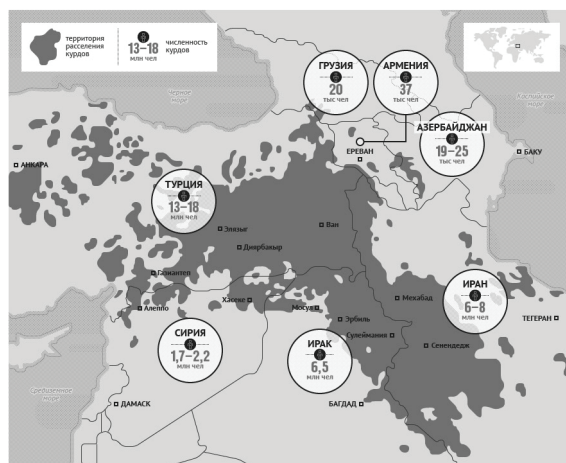

Рис. 3. Районы проживания курдов

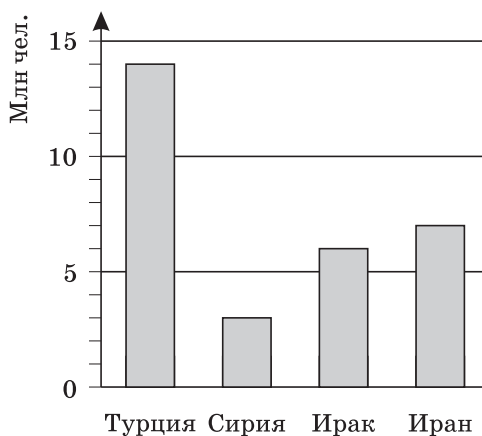

Рис. 4. Курдский фактор на Ближнем Востоке

Источник: Карта расселения курдов. Инфографика // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/karta_rasseleniya_kurdov (дата обращения: 27.01.2016).

ников армии Саддама Хусейна. Общая численность, по разным оценкам, от 90 до 200 тысяч ^{1, 2}.

¹ War with ISIS. (2015). Independent News / <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/war-with-isis-islamic-militants-have-army-of-200000-claims-kurdish-leader-9863418.html> (дата обращения: 27.01.2016).

² Friedland, E. (2015). FACT SHEET WHO'S WHO IN THE SYRIAN WAR. Clarion Project, 5-7, 13 / дата обращения 27.01.2016; Syria Military Strength. (2015). http://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=Syria/ (дата обращения: 27.01.2016); Российские войска в Сирии. (2015). Взгляд: <http://www.vz.ru/news/2015/11/5/776458.html>

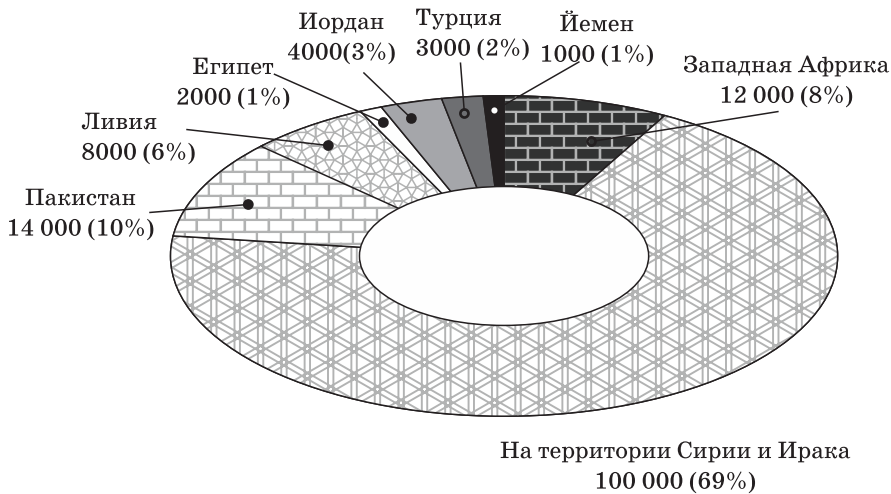

Рис. 5. Метастазы ИГИЛА

Источник: <http://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-baghdadi-insight-idUSKBN0-OW1VN20150616> (дата обращения: 27.01.2016).

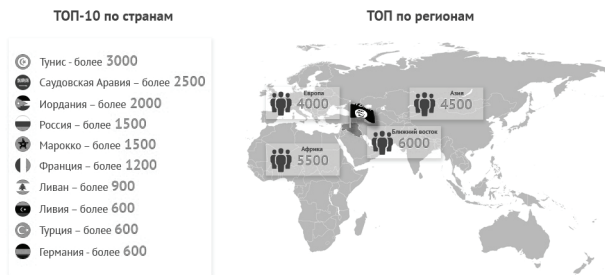

Рис. 6. Добровольцы ИГИЛ

Источник: Исламское государство. Территория войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iga.net/projects/igil/> (дата обращения: 25.01.2016).

В-четвертых, это региональный конфликт за сферы влияния в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке, в котором Сирия занимает особое место. Распад Сирии как суверенного государства, разложение его территории сулит Турции надежду овладеть Идлибом, Халебом и Латакией; Израилю — де-юре получить Голанские высоты (часть сирийской провинции Кунейтра, захваченной Израилем в 1967 г. в ходе Шестидневной войны)¹, Саудовской Аравии и Катару — реализовать свои газовые интересы. Отсюда в этом конфликте на одной стороне наиболее ярые противники режима Б. Асада: Турция, Саудовская Аравия и Катар; на другой — Иран, Ирак и Ливан, поддерживающие усилия Б. Асада в сохранении Сирии как суверенного национального государства.

¹ Израиль не выступает за свержение режима Б. Асада, но ограничивает его пределами компактного проживания алавитов.

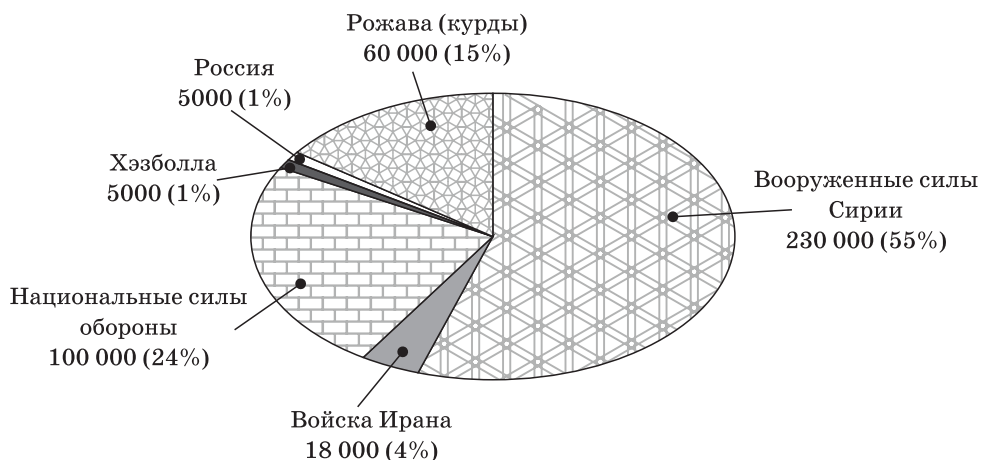

Рис. 7. Состав вооруженных формирований, воюющих на стороне Сирии против ИГИЛ¹

Источник: Библиотека ЦРУ. 12 января 2016 г. Сирия. Официальный сайт ЦРУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html> (дата обращения: 26.01.2016).

Активными участниками регионального конфликта являются Россия, США и ЕС. Ситуация вокруг сбитого Турцией над территорией Сирии российского самолета Су-24 стала наиболее кризисным явлением в международных отношениях со времен Карибского кризиса, захлестнула волной тревоги западных экспертов. «Поражение Российского бомбардировщика истребителем Турции после предполагаемого вторжения в турецком воздушном пространстве, претензии и контрпретензии, которые последовали за ним — напоминание о том, насколько тонка грань между миром и войной», — резюмирует английский политолог Джон Боу [6, р. 9]. Вопиющая безответственная провокация турецкого руководства не только нанесла непоправимый ущерб взаимодействию двух стран, но поставила под вопрос и диалог по линии Россия — США — ЕС в области борьбы с терроризмом в регионе.

В-пятых, это глобальный конфликт. Сирия — то место, где решается вопрос, кто будет править миром. Будет ли это лидерство из одного центра — из США, либо оно будет рассредоточено? Вашингтонские социальные конструкторы любой ценой пытаются не допустить, чтобы Россия и Китай были признаны великими державами, стремятся к тому, чтобы в стратегически значимом и богатом энергоресурсами евразийском регионе, через который проходят важные коммуникации, постоянно присутствовали хаос, конфликты, нестабильность и т. д. [4]. Благодаря внедрению в жизнь столь коварной и лицемерной внешней политики в меняющемся мире, США всеми средствами и способами пытаются сохранить свое лидирующее положение в мире, качество однополярного мира. Как говорится, когда Бог решает наказать человека, то лишает его разума, когда же Бог наказывает народ — лишает его власти [3, с. 24–25; 7]. Отсюда суть американской стратегии в сирийском конфликте — поддержка всех противников Б. Асада, включая на первых порах и ИГИЛ, которая создавалась для свержения неугодных Вашингтону, но легитимных, лояльных Москве политических режимов.

Поддержка Россией режима Б. Асада продиктована:

- 1) значительным количеством выходцев из России в террористических группировках так называемого Исламского государства, формированием базы джихадистов, которая может быть использована для отправки террористов в Россию. На рас-

ширенной коллегии Минобороны России 11.12.2015 Владимир Путин, комментируя операцию в Сирии, отметил, что действия Москвы в САР «не продиктованы какими бы то ни было непонятными, абстрактными геополитическими интересами, не продиктованы желанием потренироваться и испытать новые системы вооружений, что само по себе, конечно, тоже важно. Главное — предотвратить угрозу для самой Российской Федерации»¹;

- 2) традиционными союзническими отношениями с официальными властями Сирии. Россия в советский период приобрела в регионе столь значительное влияние, что даже после распада СССР и эвакуации с Ближнего Востока в нулевые годы ей было с чего начинать возвращение. До «арабской весны» Россия исходила из необходимости восстановить и наладить лишь двусторонние отношения с различными странами региона, не пытаясь вернуть себе роль значимого регионального игрока. Однако переформатирование региона и начавшаяся на его фоне конфронтация с США из-за Украины подвели Россию к необходимости осознать, что ей необходимо возвращаться в глобальную политику в полном масштабе, как великой державе, активно продвигающей новые правила международных отношений, призванных прийти на смену дисфункциональной американской модели однополярного мира;
- 3) Россия стремится остановить халифат, считая, что это возможно лишь при опоре на сирийскую армию и при условии прекращения войны между ответственными войсками и поддерживаемыми из-за рубежа повстанцами в самой Сирии. Россия также надеется на то, что большинство арабских стран понимает, какую угрозу для них представляет халифат, и, значит, имеются предпосылки к тому, что не просто будет создана новая антихалифатовская коалиция, но и прекращена внешняя помощь исламской радикальной оппозиции, которая, в таком случае, вынуждена будет пойти на переговоры с Асадом. Цель России — не победить халифат, но создать геополитические условия для того, чтобы это могло быть осуществлено. И это станет демонстрацией начала работы нового — многополярного мирового порядка;
- 4) сегодня Сирия является главным препятствием на пути реализации проекта строительства газопровода Катар — Европа (рис. 8). Дамаск в силу разных причин не дает согласия на прокладку газопровода из Катара через территорию в Турцию и на свое Средиземноморское побережье для дальнейшего транзита в Европу. Эксперты в области газа просчитали, что если к власти в Сирии придут сунниты вместо алавитского режима Башара Асада, то газопровод Катар — Саудовская Аравия — Иордания — Сирия — Турция будет немедленно построен. Конечная цель этого маршрута — Южная и Центральная Европа. Соответственно, Катар оказался одновременно и экономическим, и геополитическим соперником России. В газовом вопросе он амбициозно нацелился на вытеснение из Европы Газпрома, а в политическом — на смещение Башара Асада в Сирии. Обе цели имеют газовую подоплеку. Отсюда, не давая Западу и монархиям Персидского залива растерзать Сирию, Россия заботится и о собственной экономической безопасности;
- 5) армии стран Ближнего Востока — Ирана, Ирака, Сирии, Ливии — оснащены советским, а ныне — российским вооружением, за все платят по счетам;
- 6) созданием стратегической геополитической оси: Ирак — Ливан — Сирия — Иран — Россия — Китай.

Вооруженный конфликт — опасное дело, это риски, но сколько рисков будет воплощено, если Россия в Сирийском конфликте займет нейтральную позицию?!

¹ В. Путин: Террористы в Сирии — прямая угроза для России [Электронный ресурс]. URL: <http://mir24.tv/news/politics/13644945> (дата обращения: 03.02.2016).

Рис. 8. Потенциальный газопровод Катар-Европа

Источник: Кому нужен газопровод из Катара через Сирию. (5 Октябрь 2015 г.). Forbes: HYPERLINK «<http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/301965-komu-nuzhen-gazoprovod-iz-katara-cherez-siriyu>» <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/301965-komu-nuzhen-gazoprovod-iz-katara-cherez-siriyu> (дата обращения: 03.02.2016).

Фундаментальный принцип геополитики, сформулированный У. Черчиллем, «думайте о стоимости, а не о цене», не утратил свою системную силу. «Большинство из нас привыкло оценивать решения исходя из их цены. Это ошибочно. Более важным критерием является стоимость, представляющая собой сумму полезного за вычетом затрат на его приобретение» [1, с. 63]. Военные потери в Сирии — высокая цена. Однако достигнутая польза, связанная с защитой национальных интересов России, оправдывает наш геополитический выбор. Напрашивается аналогия, связанная с взаимоотношениями между ставшими знаменитыми персонажами — козлом Тимуром и тигром Амуром в Приморском сафари-парке. Козел сохранял равноправные отношения с хищником, пока проявлял бесстрашие и доблесть, за что и получил прозвище Тимур. Но после известного инцидента, завершившегося трепкой козла тигром, первый, инфицированный «вирусом страха», утратил свою прежнюю идентичность, превратившись для хищника в жертвенного травоядного парнокопытного, предназначенного для заклания.

Правда в силе или сила в правде? Вот в чем вопрос современной геополитики. По одной из версий проблема гордиева узла была решена Александром Македонским силовым путем: вместо распутывания полководец рассек его мечом (рис. 1). Жрецы пророчили: «Он завоюет мир! Но мечом, а не дипломатией». Аналогично и в Сирийском конфликте многое будет определяться соотношением сил воюющих сторон, зависеть от масштабов контролируемой территории. При поддержке сирийской армии Военно-космическими силами России у сирийской оппозиции должны появиться внятные фигуры, способные понять, что у Асада позиции усиливаются. При условии расширения контроля над Сирией со стороны Дамаска, так же претензии США к легитимности Асада станут несостоятельны (рис. 9). Однако существует и иная версия решения проблемы гордиева узла [2]. По рассказу Аристокбула, «Александру удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк — так называемый «гестор», которым закрепляется яремный ремень». Очевидно, «гестером» «сирийского ярма» является мобилизация правительственных и оппозиционных сил против ИГИЛ — общего врага сирийского народа, подготовка и принятие конституции, учитывающей интересы всех религиозных общин и этнических групп. В ходе переговоров не стоит судить о том, кто прав, поскольку насилие питается энергией правоты, внедряемой в массы ради ее благополучия. Необходимо обсуждать то, что делать для обеспечения мира на

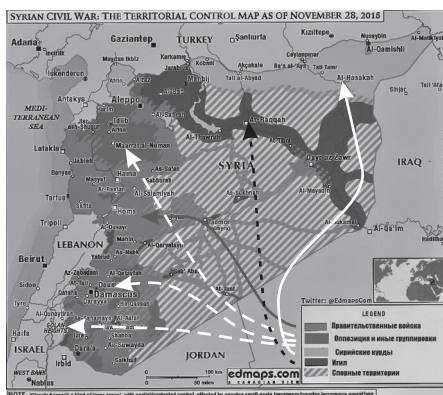

Рис. 9. Карта контролируемых территорий на конец 2015 г.

Источник: Ionita, С. (Декабрь 2015 г.). Syrian War Map. The World on the Map [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edmaps.com/> (дата обращения: 27.01.2016).

сирийской земле. Наконец, любые узлы можно распутать, поскольку мы сами их же завязываем.

Литература

1. Аксельрод А. Уинстон Черчилль. Законы лидерства / пер. с англ. Е. Деревянко. М. : Эксмо, 2014.
2. Квинт Курций Руф. История Александра Великого. М. : Издательство МГУ, 1993.
3. Кугай А. И. Экстремизм: природа, симптоматика, условия и факторы противодействия // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 16–26.
4. Кугай А. И. Россия в условиях диктатуры геополитических проектов // Управленческое консультирование. 2015. № 4. С. 8–13.
5. Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога. СПб. : Издательство СПбГУ, 2005.
6. Bew J. The sparks of conflict: the Syrian War and the return of great power politics // New Statesman. Dec 11, 2015. Vol. 144. Is. 5292. P. 5–22.
7. Wimmen H. Balancing on the brink. Lebanon, tangled up in the Syrian war, struggles to maintain its stability / translation by Tom Genrich. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2015.

References

1. Axelrod A. *Winston Churchill. Laws of Leadership* [Uinston Cherrchill'. Zakony liderstva] / translation from English E. Derevyanko. M. : Eksmo, 2014. (rus)
2. Quintus Curtius Rufus. *Alexander the Great's history* [Istoriya Aleksandra Velikogo]. M. : MSU publishing house [Izdatel'stvo MGU]. 1993. (rus)
3. Kugay A. I. *Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction* [Ekstremizm: priroda, simptomatika, usloviya i faktory protivodeistviya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 2. P. 16–26. (rus)
4. Kugay A. I. *Russia in the Conditions of Geopolitical Projects Dictatorship* [Rossiya v usloviyakh diktatury geopoliticheskikh proektov] // Administrative consuling [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 4. P. 8–13. (rus)
5. Mark Junianus Justinus. *Epitome of composition of Pompey Trog* [Epitoma sochineniya Pompeya Troga]. SPb. : Publishing house of St. Petersburg State University [Izdatel'stvo SPbGU], 2005. (rus)
6. Bew J. *The sparks of conflict: the Syrian War and the return of great power politics* // New Statesman. Dec. 11, 2015. Vol. 144. Is. 5292. P. 5–22.
7. Wimmen H. *Balancing on the brink. Lebanon, tangled up in the Syrian war, struggles to maintain its stability* / translation by Tom Genrich. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2015.

Шаршеева А. Ш., Усекеев Э. Ж.

Открытые данные для оценки контрольной деятельности государства в Кыргызстане

Шаршеева Аида Шеримбековна

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
Аспирант
a_sharsheeva@mail.ru

Усекеев Эрмек Жолдошбекович

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
Первый проректор
Доктор философских наук, доцент
ermekadil@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы определения эффективности последствий публикации открытых данных государственного контроля для формирования оценки эффективности государственного управления в Кыргызской Республике. Показаны теоретические и практические аспекты измерения эффекта последствий открытия данных по результатам государственного контроля на примере государственных проверок в сфере предпринимательской деятельности. Предложены рекомендации по улучшению оценки государственного управления как гаранта повышения эффективности и целесообразности проверок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

контрольная надзорная функция, государственная проверка, государственное управление, открытые данные

Sharsheeva A. Sh., Usekeev E. Zh.

Open State Data for Assessment of the State Control Activity in Kyrgyzstan

Sharsheeva Aida Sherimbekovna

Kyrgyz National University named by Yusuf Balasaguni (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Graduate Student
a_sharsheeva@mail.ru

Usekeev Ermek Zholdoshbekovich

Kyrgyz National University named by Yusuf Balasaguni (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Fist Vice-Rector
Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor
ermekadil@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the determination of the effectiveness consequences of publication of open data for the formation of state control evaluation of the effectiveness of public administration in the Kyrgyz Republic. Showing the existing theoretical and practical aspects of measuring the effect of the effects of the opening of the data on the results of the state control on the example of state inspections in the field of entrepreneurship. Recommendations to improve the methodology for assessing the government as a guarantor of security of life of citizens and the environment.

KEYWORDS

state control effectiveness, control function, state inspections, e-government, open data.

Одним из основных направлений совершенствования системы государственного управления в Кыргызской Республике (КР) является повышение эффективности

деятельности государственных структур. Перед правительственными и государственными органами поставлена задача внедрить в практику работы показатели эффективности и результативности деятельности органов исполнительной власти, их структурных подразделений по осуществлению контрольно-надзорных функций. В Национальной стратегии устойчивого развития страны на период 2013–2017 гг.¹ обозначены задачи для повышения эффективности государственных проверок и устранения необоснованного и излишнего вмешательства государственных органов в деятельность субъектов предпринимательства. Одной из задач является обеспечение прозрачности деятельности государственных органов путем предоставления доступа к информации о порядке и результатах проводимых проверок в сети Интернет. Мероприятия по реализации указанных задач включены в Программу внедрения и развития электронного управления в КР² и Государственную стратегию антикоррупционной политики КР³.

Информационная открытость государства необходима не только гражданам и бизнес-структурам, но и самим органам власти. В конечном счете повышение прозрачности и подотчетности деятельности государственных органов влечет укрепление доверия граждан и предпринимателей к органам власти. Однако работа на местах продвигается медленно и неэффективно. На данном этапе не определены как сами показатели, так и методика оценки эффективности итоговых социальных и других последствий раскрытия данных о государственных проверках деятельности субъектов предпринимательства.

В данной работе осуществлена попытка комплексного анализа (на основе использования институционального, организационного и функционального методов) с целью определить сущность и оценить эффективность государственного контроля и роль государственного инспектора; оценить применяемые методы оценки эффективности контрольно-надзорной деятельности государственных контролирующих органов (ГКО)⁴; определить показатели эффективности государственной контрольной деятельности на примере анализа открытых данных на официальных сайтах ГКО, имеющих полномочия проводить проверки деятельности бизнеса.

Объектом работы является контрольная деятельность. Предметом работы являются институциональные и социальные методические аспекты оценки эффективности государственного контроля. Научная новизна результатов работы, представленных в данной статье, заключается в разработке теоретических положений, а также реко-

¹ Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013–2017 года: Указ президента КР от 21.01.2013 г. № 11 [Электронный ресурс] // Президент КР: URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi (дата обращения: 20.12.2015).

² Программа Правительства Кыргызской Республики по внедрению электронного управления («электронное правительство») в государственных органах исполнительной власти и органах местного самоуправления Кыргызской Республики на 2014–2017 годы: Постановление Правительства КР от 17 ноября 2014 г. № 651. [Электронный ресурс] // Министерство юстиции КР: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/97135/10?mode=tekst> (дата обращения: 01.12.2015).

³ О Государственной стратегии антикоррупционной политики Кыргызской Республики и мерах по противодействию коррупции: Указ Президента КР от 2 февраля 2012 г. УП № 26 [Электронный ресурс] // Президент КР: URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/3044_podpisan_ukaz_o_merah_po_ustraneniyu_prichin_politicheskoy_i_sistemnoy_korrupsii_v_organah_vlasti/ (дата обращения: 01.12.2015).

⁴ Об одобрении Перечня уполномоченных органов, имеющих право на проведение проверок субъектов предпринимательства: Постановление Правительства КР от 9 марта 2012 г. № 166 // [Электронный ресурс] // URL: <http://proverka.kg/zakonodatelstvo.html> (дата обращения: 20.12.2015).

мендаций по внедрению принципа открытых данных для оценки эффективности государственной контрольной деятельности.

1. Сущность и эффективность государственного контроля и роли государственного инспектора.

В современной научной литературе нет непосредственного толкования понятия «эффективность результатов государственного контроля в поднадзорной области». Из анализа трактовок зарубежных и отечественных исследователей следует, что термин «эффективность государственного контроля» базируется на соотношении количественного сокращения проверок и показателей бюджетных расходов. Однако вывод об уровне имеющейся эффективности бюджетных расходов на проведение проверок можно сделать только на основе сравнительного анализа эффективности бюджетных расходов на поднадзорную отрасль. Для этого требуется формирование нового подхода к понятию эффективности контрольной функции государства (проверок).

Согласно мнению В. П. Беляева, исходя из его анализа существующих интерпретаций и сравнений определения «государственный контроль», данный термин рассматривается как форма реализации государственного управления и обеспечивает проверку выполнения законов и иных нормативных актов с целью недопущения отклонений от установленных законодательством норм и правил [2]. В контексте данной статьи наиболее подходящим является сформулированное М. В. Ткаченко определение «контрольная функция», которое по своему содержанию включает в себя такие элементы контроля, как: получение необходимой информации; ее анализ и оценка; реагирование на выявленные отклонения от установленных правил и требований [1, с. 41].

Конституционно эффективность государственного контроля определяется как способность создавать надлежащие условия для защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, общественной нравственности, собственности, окружающей природной среды, установленного порядка осуществления государственной власти и порядка управления, общественного порядка, прав юридических лиц и их объединений от административных правонарушений, а также своевременное и объективное рассмотрение дел об административных правонарушениях и их предупреждение¹.

Эффективность результатов государственного контроля в поднадзорной области может быть оценена путем сравнения использованного объема бюджетных расходов на развитие поднадзорной отрасли с достигнутым уровнем обеспечения условий безопасности жизнедеятельности граждан. Эффективность бюджетных расходов на государственные проверки определяется как сопоставление полученных результатов исполнения предписаний по устранению нарушений и объемов бюджетных расходов на проверки, осуществляемые соответствующими уполномоченными государственными органами.

В этом случае современный инспектор — это эксперт по оценке степени риска деятельности объекта проверки и одновременно консультант (советник) для субъекта проверки. В идеале инспектор в качестве эксперта должен определять состав нарушения по определенным факторам риска; анализировать данные своей проверки и определять превентивные меры и методы для обеспечения безопасности поднадзорной отрасли. Как консультант, инспектор должен обеспечить правовую и техническую оценку безопасности деятельности субъекта проверки; оказать ин-

¹ Кодекс Кыргызской Республики об Административной ответственности: Закон КР от 4 августа 1998 г. № 115. Ст. 2 [Электронный ресурс] // ИС ПАРАГРАФ: URL:http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30232566 (дата обращения: 20.12.2015).

формационную и образовательную поддержку в вопросах требований и норм безопасности и последствиях их неисполнения, консультировать как ликвидировать нарушения.

2. Методы оценки эффективности контрольно-надзорной деятельности государственных контролирующих органов.

Из применяемых в мировой практике моделей наиболее подходят для рассмотрения методы оценки эффективности бюджетных расходов на проведение проверок, описанные Робертом Кане (Robert L. Kane): анализ издержек и полезности (cost-utility analysis — CUA), который основан на сравнении издержек, измеряемых в денежном выражении, и пользы для населения, полученной от реализации бюджетных расходов на конкретную цель, измеряемую в единицах полезности, и анализ издержек и взвешенной результативности (weighted cost-effectiveness analysis — WCEA) — это оценка множества выгод бюджетных расходов, которые при этом не могут быть измерены в денежном выражении [3, с. 337–339].

В качестве показателей социальной полезности и выгод бюджетных расходов на исполнение контрольной деятельности госорганов, которые трудно измерить в денежном выражении, по нашему мнению, должны быть взяты показатель снижения количества внеплановых проверок, основанием для которых являются жалобы населения на деятельность предпринимателя, снижение техногенных аварийных случаев, эпидемий, отравлений и др. Необходимы также показатели удовлетворенности предпринимателей работой инспектора как консультанта.

Например, в европейских странах многие частные предприятия общественного питания и других услуг выставляют на публичное обозрение акты результатов государственных проверок как гарант безопасности своей продукции и услуг. Это наглядный показатель эффективности государственного контроля как гаранта обеспечения безопасности интересов населения (потребителей). Для бизнеса при таком подходе появляется возможность оценки целесообразности использования бюджетных средств, которые формируются из налогов предпринимателей и населения на финансирование проведения плановых проверок; разработку новых норм и механизмов осуществления государственного контроля. Кроме этого создаются справедливые условия для развития бизнеса.

Согласно действующей отечественной Методике оценки деятельности государственных органов исполнительной власти¹ показатели мониторинга и оценки результатов определяются самим государственным органом по представленной формуле расчета. В качестве базовых берутся показатели исполнения отраслевых, территориальных и других локальных планов и программ государственных органов исполнительной власти. Оценка эффективности контрольной деятельности государственного органа основана на анализе количественных показателей отчетности: весь анализ сводится к сравнению доли сокращения количества проверок в сравнении с предыдущим аналогичным периодом. То есть существующие механизмы оценки контрольной деятельности государства не рассматривают эффект воздействия государственного контроля на развитие поднадзорной отрасли.

Публикация открытых данных о текущем подходе к проведению проверок деятельности субъектов предпринимательства повлечет усиление и ускорение реформирования контрольных функций государственных органов как гаранта обеспечения безопасности жизни, здоровья и деятельности граждан, а также безопасности окру-

¹Методика оценки деятельности государственных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Кыргызской Республики: постановление правительства КР от 17 февраля 2012 г. № 105. [Электронный ресурс] // Централизованный Банк Данных Правовой Информации КР. Министерство Юстиции КР: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ruru/93791> (дата обращения: 20.12.2015).

жающей среды. Однако госорганы не предоставляют аналитическую оценку эффективности своих проверок. Например, официальный сайт Государственной инспекции по экологической и технической безопасности при Правительстве Кыргызской Республики (техэкоинспекция, www.geti.gov.kg) не содержит аналитических отчетов с раскрытыми данными о проверках, по которым можно оценить эффективность и целесообразность контрольно-надзорных функций органа. При этом техэкоинспекция имеет полномочия осуществлять проверки субъектов предпринимательства по десяти направлениям экологического и технического контроля. Аналогичная ситуация с данными на сайтах других организаций, в том числе на официальном сайте министерства экономики КР (www.minesopom.gov.kg), за которым закреплены полномочия мониторинга и оценки проверок субъектов предпринимательства, реализация программы OpenData и оценки деятельности государственных органов.

В частности, отсутствует информация о принципах и методах определения оценки критериев и факторов риска деятельности объекта проверки, что влияет на периодичность проверок. Следовательно, не исключается риск субъективного подхода к оценке степени риска объекта проверки; ясное объяснение подхода инспекторов к оценке результатов проверки на основании использования проверочного листа. Причина в том, что разработанные проверочные листы не показывают области риска, а представляют собой перечень нарушений в деятельности поднадзорной области риска. В этом случае наблюдается вторичный подход к оценке рисков деятельности, когда инспектор идет на проверку с проверочным листом, который заблаговременно предполагает наличие нарушений. Следовательно, возникает риск субъективного подхода со стороны инспектора.

Кроме этого нет данных о фактах и результатах проведения анализа полученных данных по результатам проверок. Неясно, как результаты проверки по проверочному листу могут влиять на степень и баллы риска. В этом случае возникает вопрос о цели и эффективности проведения проверок. Также не определены показатели для стоимостной оценки затраченных бюджетных средств на проверки в соотношении с результатами проверок. Отсутствует методика исчисления стоимостной оценки проведенных проверок.

Например, рассмотрим качество отчетов по результатам проверок за I квартал 2015 г. техэкоинспекции по направлению «контроль пожарной безопасности». По результатам обработки введенных инспекторами данных в www.proverka.kg можно установить, что было проверено 480 объектов предпринимательской деятельности. Из них у 220 объектов были выявлены нарушения. 189 нарушителям были выписаны уведомления (предписания) об устранении нарушения. При этом контроль за устранением выявленных нарушений был проведен только в 105 объектах проверок. На 21 субъект проверки наложены штрафные санкции. Для 217 объектов нарушение имеет общую формулировку «нарушение правил пожарной безопасности» и только 6 из нарушений сформулированы так: «Ко всем зданиям и сооружениям, пожарным водоисточникам не обеспечен свободный доступ».

Основные отрасли деятельности, по которым были проведены проверки пожарной безопасности: объекты общественного питания, автозаправочные станции, гостиничный бизнес и продуктовые магазины. По законодательству, инспектор должен в качестве консультанта предупредить субъект проверки о наличии нарушения и зафиксировать его, выписав ему предписание. Из анализа представленных данных следует, что 31 объект не был уведомлен, т. е. не проконсультирован инспектором о том, как и почему нужно устранить нарушение. Остается открытым вопрос, были ли устранены риски безопасности в остальных 115 объектах проверки; за какие виды нарушений были наложены штрафы в сумме 227 тысячи сом? Качество отчетов по результатам проверок по другим направлениям имеет аналогичные недостатки.

Отсюда следует вывод, что бизнесу невозможно оптимально оценить свое развитие, а потребителям продукции и услуг бизнеса — определить степень своей защищенности. В этих условиях спонтанность и ограниченность предоставленных открытых данных служит благодатной почвой как для роста коррупционных отношений, так и невольного нарушения норм безопасности при ведении бизнеса.

Причиной неудовлетворительного качества представленной информации может являться либо безответственное отношение в работе с официальными данными инспекторов в www.proverka.kg, либо нарушение своих функциональных обязанностей во время проведения проверки. Следует отметить, что система функционально позволяет вести обработку всех данных в задаваемых параметрах. Таким образом, возникает вопрос об эффективности и компетентности работы инспекторов, которая в целом отражается на работе инспекции. В этом случае эффективность работы зависит от политической воли руководства как самой инспекции, так и министерства экономики как регуляторного органа.

В этой связи рекомендуется определить обязательными для публикации в общем доступе аналитические и статистические отчеты: о проверках по областям риска; по отраслям деятельности объекта проверки; по видам нарушений, выявленных в ходе проверок и мер, принятых для их устранения; по видам нормативных правовых документов, которые были использованы в ходе определения состава нарушения и мер взыскания.

На основании предоставленных данных появится возможность для заинтересованных лиц принять участие в оценке степени соответствия проведения проверок действующему законодательству; определить превентивные мероприятия образовательного характера для минимизации наиболее частых нарушений в поднадзорной отрасли.

Литература

1. Беляев В. П. Контроль и надзор как средства реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 40–52.
2. Ткаченко М. В. Государственный контроль как функция государственного управления // Общество и право. 2010. № 1. С. 82–86.
3. Robert L. Kane. *Understanding Health Care Outcomes Research*. Second Edition. Jones & Bartlett Learning, 2006.

References

1. Belyaev V.P. *Control and supervision as implementers of legal policy* [Kontrol' i nadzor kak sredstva realizatsii pravovoi politiki] // Legal policy and legal life [Pravovaya politika i pravovaya zhizn']. 2003. N 4. P. 40–52. (rus)
2. Tkachenko M.V. *State control as function of public administration* [Gosudarstvennyi kontrol' kak funktsiya gosudarstvennogo upravleniya] // Society and law [Obshchestvo i pravo]. 2010. N 1. P. 82–86. (rus)
3. Robert L. Kane. *Understanding Health Care Outcomes Research*. Second Edition. Jones & Bartlett Learning, 2006.

Экоцид в уголовном законодательстве Кыргызской Республики

Айдарбеков Чингиз Азаматович

Заведующий отделом международных связей и протокола аппарата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики
Соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета
им. Б. Н. Ельцина
Магистр международного права
chinaidarbekov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы соотношения международного уголовного права и уголовного законодательства Кыргызской Республики, а также соотношения экоцида и экологической катастрофы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международное уголовное право, Уголовный кодекс, экоцид, экологическая катастрофа

Aidarbekov Ch. A.

Ecocide in the Criminal Legislation of the Kyrgyz Republic

Aidarbekov Chingiz Azamatovich

Head of department of international relations and protocol Apparatus of Parliament of the Kyrgyz Republic
Researcher of department of criminal law and criminology of Kyrgyz-Russian Slavic University named after
B. N. Yeltsin (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Master of international law
chinaidarbekov@gmail.com

ABSTRACT

In the article questions of a ratio of the international criminal law and the criminal legislation of the Kyrgyz Republic, and also a ratio of ecocide and environmental disaster are considered.

KEYWORDS

international criminal law, Criminal code, ecocide, environmental disaster

С каждым годом становится все более очевидным, что сохранение пригодной, благоприятной к существованию человека экологической среды является одним из условий существования человечества.

На уровне международного сообщества осознание «глобальности и важности» защиты окружающей среды пришло постепенно. Угрожающий характер вредоносного воздействия на экологическую сферу стал серьезно заботить мировые политические круги и общественность только во второй половине XX в., что было связано с появлением и применением таких методов и средств ведения военных действий, которые имели неизбирательное поражающее действие в отношении всего живого. Если раньше основой всех войн служило физическое поражение войск, то в середине прошлого века одной из основ стратегии и тактики воюющих стран стало сознательное разрушение природы на территории противника [2, с. 97–105].

Запрет использования воздействия на окружающую среду произошел из принципа ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения военных действий. Он впервые сформулирован в ст. XXII Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны (1907): «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». В дальнейшем этот принцип был развит во многих международно-правовых документах.

Так, согласно пп. 1, 3 ст. 35 и ст. 55 I Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (ратифицирован законом КР от 21 июля 1999 г. за № 86), предписано: «В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным. Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде».

Указанные действия стали расцениваться не просто как «недопустимые», а были признаны военным преступлением, получившим название «экоцид» (от греческого «oikos» — дом, местопребывание и латинского «caedo» — убиваю).

В зарубежной литературе распространено суждение о том, что «экоцид как преступление имеет своим истоком агрессивную войну. Он как бы вырос из нее» [5, с. 131]. В стт. 1 и 2 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. установлено, что: «1. каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется не прибегать к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому другому государству-участнику. 2. Каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется не помогать, не поощрять и не побуждать любое государство, группу государств или международную организацию к осуществлению деятельности, противоречащей положениям пункта 1 настоящей статьи». Таким образом, совершение актов экоцида стало расцениваться как международное преступление вне зависимости от того, совершены они в военное или мирное время и без обязательной их «увязки» с вооруженным конфликтом — «экоцид возможен скорее всего в результате применения запрещенных средств и методов ведения войны, хотя в принципе не сводится к этому» [6, с. 821].

Кроме того, в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г., прямо сформулирован принцип международного права, согласно которому право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы или средства ведения войны «не является неограниченным». Аналогичное положение, запрещающее абсолютно произвольный выбор сторонами вооруженного конфликта средств и методов ведения последнего, содержится во многих международно-правовых документах. Так, например, в статье 1 Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 г. (КР присоединилась 14.01.2001 г. за № 11) под загрязнением понимается любое (прямое или косвенное) введение веществ или энергии в воздушную среду, влекущую за собой вредные последствия такого характера, как «угроза здоровью людей, нанесение вреда живым ресурсам, экосистемам или материальным ценностям».

В статье 1 Венской конвенции об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. (ратифицировано Законом КР от 15.01.2000 г. за № 16) термин «неблагоприятное воздействие» определен как изменение в физической среде или биоте, включая изменение климата, которое имеет «значительные вредные последствия для здоровья человека, или для состава, восстановительной способности или продуктивности природных и регулируемых экосистем, или для материалов, используемых человеком».

Идея всемерной защиты окружающей среды от масштабных неблагоприятных воздействий последовательно выражена в Декларации по окружающей среде и развитию, подписанной в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г. Этот документ предписывает государствам «уважать международное право, предусматривающее защиту

окружающей среды при возникновении вооруженных конфликтов» (принцип 24). Но самое значимое предписание сформулировано в принципе 13, согласно которому «Государства должны разрабатывать национальные законы, касающиеся ответственности за ущерб, наносимый жертвам загрязнения и других видов экологически вредной деятельности, и компенсации такого ущерба. Государства обеспечивают оперативное и более решительное сотрудничество в целях разработки дополнительных международно-правовых норм, касающихся ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиняемого деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией или контролем, районам, находящимся за пределами их юрисдикций».

Таким образом, в документах международного права опасность воздействия на окружающую среду и ее составляющие определяются через возможное причинение вреда здоровью и жизни человека, а также вероятное наступление неблагоприятных последствий в виде серьезного изменения экологических свойств окружающей среды (экологической системы). Исходя из вышеизложенного можно отметить, что значительное число норм международного характера достаточно последовательно развиваются в сторону глобального решения проблем охраны окружающей среды. Однако процессы глобализации, новые технологии, расширяющие человеческие возможности воздействия на окружающую среду, требуют постоянного совершенствования международно-правовых механизмов, которые бы имели универсальный, императивный характер для всех субъектов международных отношений в части регулирования и охраны отношений, возникающих по поводу охраны природы и окружающей среды.

Кыргызстан является последовательным и надежным партнером на международном уровне в реализации данной проблемы. Международное уголовное право сыграло большую роль в процессе имплементации понятия «экоцид» как правовой категории и установления уголовной ответственности за него в законодательстве страны. Это положение, безусловно, основано и закрепляется Конституцией Кыргызской Республики. Так, в п. 3 ст. 6 Конституции Кыргызстана сказано, что «Вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики».

Кыргызстан обладает уникальной сохранившейся в первозданном виде природой. В силу многих обстоятельств, в том числе отсутствия крупных загрязняющих производств, экология в Кыргызстане относительно благоприятна и чиста. Одним из приоритетов развития страны определен туризм, который неразрывно связан с чистой окружающей средой. Поэтому крайне важным является создание необходимой законодательной базы, которая бы защищала экологию страны, поощряла ее защиту и строго наказывала за незаконные действия.

В Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 гг. от 21 января 2013 г. отмечается, что «Кыргызская Республика является стороной 13 международных природоохранных договоров и конвенций, выполнение обязательств по которым способствует поддержанию экологической устойчивости и позволяет привлекать внешние грантовые средства для стабилизации и предотвращения деграционных процессов природных ресурсов».

Планируется формирование и последовательная реализация единой государственной политики в области экологической безопасности и охраны окружающей среды, охватывающей все аспекты устойчивости экосистем».

Однако, на наш взгляд, до сих пор встречаются проблемы, связанные с реализацией предписаний международного права и их имплементацией в национальное законодательство при определении ответственности за экоцид. Так, в Уголовном

кодексе Кыргызской Республики ответственность за экоцид установлена ст. 374 гл. 34 разд. XII в следующей формулировке:

«Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение действий, способных вызвать экологическую катастрофу, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет».

Эта норма уголовного права имплементирована из соответствующих положений международного уголовного права и носит преимущественно бланкетный характер. Ее закрепление в уголовном законодательстве нашей страны уже является достаточно серьезным показателем влияния Международного уголовного права. Встречаются страны, которые к такой позиции приходят через горький опыт, в результате уже произошедшей экологической катастрофы, после многочисленных потерь и жертв.

С момента принятия Уголовного кодекса Кыргызской Республики в 1997 г. не было ни одного уголовного дела по данной статье. Таким образом, можно констатировать отсутствие у нас какой-либо судебной практики по применению данной нормы. Поэтому мы можем апеллировать лишь некоторыми соображениями теоретического характера, опираясь на действующую ст. 374 УК КР и нормы международного права по данному вопросу.

Криминализация экоцида связана с массовым уничтожением растительного или животного мира, а также отравлением атмосферы или водных ресурсов. Следует отметить, что законодательно не определен исчерпывающий перечень актов экоцида. Это преступление может совершаться иными действиями, способными вызвать экологическую катастрофу. Такой подход законодателя полагаем оправданным, поскольку в основу должны быть положены последствия для человека и всего сообщества в целом при совершении экоцида. При этом следует учитывать и уровень развития научно-технического прогресса в обозримом будущем. Отметим что, например, УК Таджикистана предусмотрел уголовную ответственность как за экоцид, так и за биоцид. В последнем случае речь идет о применении ядерного, нейронного, химического, биологического, климатического или иного оружия. Думается, что его можно рассматривать как специальный состав преступления по отношению к экоциду.

Представляет интерес момент окончания преступления. Д. В. Решетникова полагает, что состав экоцида материально-деликтоопасный с раздвоенным моментом окончания преступного посягательства [9]. Авторы полного курса уголовного права [8, с. 649] исследуемое деяние относят к формальным составам преступлений. Действительно, с одной стороны, этот состав сформулирован как состав реальной угрозы, когда фактическое наступление общественно опасных последствий на квалификацию содеянного не оказывает влияния. Однако наряду с деликтом создания опасности используется и материальный состав [1]. Нам представляется, что такой законодательный прием может иметь место, но при квалификации деяния по ст. 374 УК КР требуется установление именно уничтожения растительного или животного мира, отравление атмосферы и др. Без данных признаков или при их отсутствии можно говорить лишь о приговорении или покушении на совершение экоцида. При этом следует доказать массовость такого отравления или наступление экологической катастрофы. Что касается последней, то возможны случаи, когда последствие в виде экологической катастрофы может не наступить, но действия в данном направлении уже совершены. Поэтому в данной части следует говорить о формальном составе экоцида.

Наиболее сложным с юридической точки зрения является понимание экологической катастрофы как признака состава преступления. Популярный и широко употребляемый термин «экологическая катастрофа» не раскрывается ни в уго-

ловном законе, ни в другом ином законодательстве страны. Поэтому его интерпретация производится обычно на основе сравнительного анализа смежных норм. В частности, под угрозой экологической катастрофы как последствие акта экоцида, по мнению А. Кабальника, следует понимать реальную возможность значительного и устойчивого нарушения естественного функционирования экологической системы и (или) биологического разнообразия в таких системах [3, с. 64; 4]. С данной позицией можно согласиться. Это положение также вытекает из ст. 2 Конвенции ООН о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. Что касается национального законодательства, то, анализируя стт. 1, 3, 4 Закона КР «Об охране окружающей среды» от 16 июня 1999 г., полагаем, что экологическая катастрофа как уголовно-значимое последствие действительно имеет своими признаками устойчивое нарушение естественного функционирования экологических систем и значительное нарушение (изменение) биологического разнообразия. Однако в полном курсе уголовного права [8, с. 650] отмечается, что должны наступить необратимые глобальные и опасные для жизнедеятельности человечества и экосистем изменения окружающей среды. Если признать, что системное нарушение всегда приводит к глобальным изменениям в окружающей среде, то вполне вероятно совместить оба понятия и использовать их для определения экологической катастрофы.

Экологическая катастрофа, как признак состава преступления, лежит в основе разграничения экоцида с иными преступлениями. Речь идет о таких преступлениях, как нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 266 УК КР); загрязнение вод (ст. 271); загрязнение атмосферы (ст. 272); непринятие мер по ликвидации последствий экологических нарушений УК КР (ст. 274). При совершении всех перечисленных экологических преступлений не требуется установления наступления экологической катастрофы. Но сам экоцид как преступное деяние поглощает собой объективные признаки любого экологического преступления.

Следовательно, если акт экоцида осуществлен путем действий, предусмотренных как экологическое преступление, то содеянное должно в целом квалифицироваться как экоцид — т. е. только по ст. 374 УК КР.

В результате экоцида могут наступить последствия в причинении смерти либо умышленного вреда здоровью людей различной степени тяжести. При этом каждое из этих последствий является самостоятельным преступлением против жизни и здоровья личности. Учитывая специфику законодательной конструкции состава экоцида, вопрос о том, перерастает ли причиненный вред жизни и (или) здоровью в самостоятельный состав преступления или охватывается диспозицией ст. 374 УК КР, следует решать в зависимости от законодательной оценки степени тяжести последствий.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. При неосторожных формах вины ответственность должна наступать не за преступления против человечества, а за соответствующие экологические преступления [7, с. 728].

Принцип индивидуальной ответственности за совершение экоцида и иных преступлений против мира и безопасности человечества предполагает виновное отношение причинителя к содеянному. В решениях международных судов вина как субъективный признак (*mens rea*) этих преступлений определяется в качестве «психологической связи между физическим результатом и ментальным статусом преступника» и обозначена как «сознательность», «намерение», «желание»¹.

¹ *Prosecutor v. A. Musema*. Case № ITCR-96-13-T. 27 January 2000. § 166; *Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo*. Case № IT-96-21-T. 16 November 1998. §§ 77, 81.

Сложность определения вида умысла в совершении актов экоцида заключается в том, что исследуемый состав имеет формально-материальную конструкцию: при вменении ст. 374 УК КР необходимо устанавливать субъективную сторону по отношению либо к последствию, либо к деянию.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом КР, юридические лица уголовной ответственности подлежать не могут. В руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия имеется предписание о целесообразности установления уголовной ответственности «учреждения, корпорации или предприятия». Практическое осуществление в настоящее время уголовной ответственности государства за совершение экоцида также невозможно. Данная проблема должна быть вначале разрешена на международном уровне. Тем не менее, полагаем, с учетом опыта модельного и действующего зарубежного уголовного законодательства, в перспективе возможным признать юридические лица субъектом уголовной ответственности за совершение актов экоцида. Это потребует внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство КР. Также серьезному пересмотру подвергнется отечественная доктрина ответственности субъекта преступления. В настоящее время в связи с проводимой реформой уголовного законодательства страны данная проблема стала предметом обсуждения в парламенте страны. Однако оценка данного института и его реализация вызывают огромное количество дискуссий и даже недопонимание в реализации такой ответственности. Вполне вероятно, можно было бы допустить применение мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам при наличии виновного физического лица и избежать такой формулировки, как «привлечение юридического лица к уголовной ответственности». Ответственность юридического лица привязывается к ответственности физического лица. Введение такой ответственности представляется важным с точки зрения исполнения Кыргызстаном своих международных обязательств.

Развитие законодательства представляет собой дальнейшее совершенствование норм права, в том числе и уголовного. Международное уголовное законодательство также находится в состоянии динамичного развития. В этой связи возникают проблемы, связанные порой с такими институтами, как покушение на совершение преступления. Покушения в экоциде с точки зрения отечественного закона полностью охватываются регламентацией уголовной ответственности за неоконченное преступление. Однако, на наш взгляд, остается за пределами состава такое опасное действие, как планирование экоцида, при этом деяние может подлежать несправедливо заниженной юридической оценке. В связи с этим представляется, что для правильной юридической оценки планирования и подготовки совершения актов экоцида, в соответствии с международным правом, необходимо предусмотреть эти деяния в качестве самостоятельных признаков объективной стороны состава экоцида.

При этом под планированием экоцида мы предложили бы понимать составление конкретного плана действий, составляющих объективную сторону экоцида. «Конкретность» такого плана может означать следующее:

- совершение соответствующих организационно-технических мероприятий для осуществления актов экоцида;
- объективная возможность реализации таких мероприятий;
- разработка соответствующих расчетов материально-технических потребностей для реализации подобных планов;
- наличие хотя бы приблизительно очерченного круга исполнителей или их вербовки;
- проработка планов на осуществление актов экоцида в целом и отдельных операций по их осуществлению.

Соответственно под подготовкой экоцида как самостоятельного уголовно-наказуемого деяния могут пониматься реальное осуществление комплекса мер и мероприятий организационного и материально-технического характера для осуществления актов экоцида.

Учитывая вышеизложенное, можно было бы предложить новую редакцию ст. 374 УК КР:

«Статья 374. Экоцид.

1. Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, —

наказывается ...

2. Планирование или подготовка экоцида —

наказывается...»

Литература

1. Безверхов А. Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1. С. 71–78.
2. Бирюков В. Л., Иванов В. Н. Правовые основы предотвращения экологических преступлений, терроризма, экоцида // Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики. СПб., 2003.
3. Веревичева М. И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 2(8).
4. Кабальник А. Уголовная ответственность за экоцид / А. Кабальник, И. Соломенко // Законность. 2005. № 6. С. 20–22.
5. Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 2. Особенная часть. М., 2004.
7. Осмоналиев К. М., Супатаева Ж. Э. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу КР. Издание 5-е. Бишкек, 2014.
8. Полный курс уголовного права. СПб. : 2008. Т. 5.
9. Решетникова Д. В. К проблеме конструирования составов преступления в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 397–399.

References

1. Bezverkhov A. G. *About a problem of designing of crime components on the termination moment* [O probleme konstruirovaniya sostavov prestuplenii po momentu okonchaniya] // Bulletin of the Samara humanitarian Academy [Vestnik samarskoi gumanitarnoi akademii]. 2012. N 1. P. 71–78. (rus)
2. Birykov V. L., Ivanov V. N. *Legal bases of prevention of ecological crimes, terrorism, ecocide* [Pravovye osnovy predotvrashcheniya ekologicheskikh prestuplenii, terrorizma, ekotsida] // Ecological safety of Russia: problems of law-enforcement practice [Ekologicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy pravoprimeritel'noi praktiki]. SPb., 2003. (rus)
3. Verevicheva M. I. *On a question of criminal liability for ecocide* [K voprosu ob ugovlovnoi otvetstvennosti za ekotsid] // Bulletin of the Samara humanitarian Academy. Series «Law» [Vestnik samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Pravo»]. 2010. N 2(8). (rus)
4. Kabalnik A. *Criminal liability for ecocide* [Ugolovnaya otvetstvennost' za ekotsid] / A. Kabalnik, I. Solomenko // Legality [Zakonnost']. 2005. N 6. P. 20–22. (rus)
5. *International criminal law* [Mezhdunarodnoe ugovloevnoe pravo]. 2nd ed. / Under the editorship of V. N. Kudryavtsev. M., 1999. (rus)
6. Naumov A. V. *Russian criminal law*. Course of lectures. V. 2. Special part [Rossiiskoe ugovloevnoe pravo. Kurs lektzii. T. 2. Osobennaya chast']. M., 2004. (rus)

7. Osmonaliev K. M., Supataeva Zh. E. *The scientific and practical comment to the Criminal Code of Kyrgyz Republic* [Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu KR]. The edition 5th. Bishkek, 2014. (rus)
8. *Full course of criminal law* [Polnyi kurs ugolovnogo prava]. SPb., 2008. V. 5. (rus)
9. Reshetnikova D. V. *On a problem of designing of corpus delicti in the conditions of globalization* [K probleme konstruirovaniya sostavov prestupleniya v usloviyakh globalizatsii] // Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik nizhegorodskoi akademii MVD Rossii]. 2011. N 1(14). P. 397–399. (rus)

Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза*

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
yagua@sir.edu

Ли Минфу

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений
limingfu999@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируется мягкая сила в политике Китая и России в Центральной Азии с точки зрения успешной реализации планов взаимодействия «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза. Особо подчеркивается, что «Экономический пояс Шелкового пути» в сочетании с ЕАЭС придает новые черты в конфигурации международных экономических и политических отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мягкая сила, Центральная Азия, Экономический пояс Шелкового пути, КНР, Евразийский экономический союз, Россия, Казахстан

Yagya V. S., Li Mingfu

Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

Yagya Vatanyar Saidovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Head of Chair of World Politics of the School of international relations
Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
yagua@sir.edu

Li Mingfu

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of World Politics of the School of international relations
limingfu999@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes soft power in the policies of China and Russia in Central Asia from the perspective of successful realization of interaction of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union. It especially emphasizes that in combination with the Eurasian Economic Union, the Economic Belt of the Silk Way presents new characters in configurations of international economic and political relations.

KEYWORDS

soft power, Central Asia, Economic Belt of the Silk Way, People's Republic of China, Eurasian Economic Union, Russia, Kazakhstan

*Продолжение. Начало см.: «Управленческое консультирование». 2016. № 2. С. 59–70.

В рамках сложившегося геополитического треугольника Россия-Центральная Азия-Китай отношения строятся на взаимодействии участвующих стран, однако это не исключает трений между ними (например, между Таджикистаном и Узбекистаном), разногласий и недопонимания друг друга. В их отношения активно вплетаются процессы сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Они еще в большей степени меняют политический ландшафт на обширных просторах акторов, взаиморазвивающихся, сотрудничающих и стратегически готовых к укреплению сотрудничества и безопасности. На этом пути велика роль мягкой силы и особенно таких ее компонентов, как культура, наука, образование и язык.

Сложным и трудоемким аспектом сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, на наш взгляд, станет состыковка реализации ряда мягкосиловых компонентов, в частности распространения китайского и русского языков. При этом важно иметь в виду и лингвополитику центральноазиатских государств по защите, развитию и огосударствлению своих национальных языков: казахского, узбекского, туркменского, киргизского и таджикского. Следует обратить внимание, что первые четыре языка относятся к тюркскому миру, где первую скрипку пытается играть Турция, а последний принадлежит к персоязычному миру, который Тегеран предполагает культурно и политически объединить, реализовав проект наподобие франкофонии.

Поднебесная широко использует открывшиеся возможности для повышения интереса центральноазиатского населения к китайскому языку и в целом к Китаю [6]. Судя по всему, на руку Пекину в этом деле играют медлительность российских институтов мягкой силы и непоколебимая уверенность российских властей в незыблемости укорененности культурного наследия советской эпохи в Центральной Азии.

По данным Госканцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, в настоящее время открыты в Центральной Азии десять «Институтов Конфуция» и около 15 специальных «классов Конфуция». Только в 2003 г. число учащихся в «Институтах Конфуция» в Центральной Азии достигло 22 270 чел., но всего 6739 чел. приняли участие в квалификационном экзамене по китайскому языку (HSK)¹. В каждом «Институте Конфуция» учащиеся изучают китайский язык, историю, духовные и культурные ценности Китая. Распространение китайского языка посредством обучения в «Институтах Конфуция» и классах Конфуция стало специальным и эффективным инструментом мягкой силы Китая в центральноазиатских странах. Тем самым меняется восприятие Китая в лучшую сторону. Китай становится для людей ближе, понятнее, дружелюбнее. В культурно-цивилизационную среду Центральной Азии вносятся ценностные элементы китайского миропонимания, духовности, в том числе идеи конфуцианства. Распространением культуры и языка через «Институт Конфуция» Пекин пытается усилить притягательную силу Китая, устранить существующие с прошлых времен предвзятость, неприязнь и ощущения угроз, исходящих якобы из Китая.

В Центральной Азии растет интерес молодежи к изучению китайского языка. Уже сейчас он прочно занял второе место по изучаемости после английского². Количество же носителей русского языка постепенно уменьшается, и, соответственно, статус русского языка снижается. По сравнению с русским языком, китайский язык становится все более популярным среди молодежи. В докладе «Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг.», сделанном в Летней школе РСМД (Российского совета

¹ Институт Конфуция: Положение // Ханьбань [Электронный ресурс]. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciusinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 16.03.2015).

² Сафронов К. Присутствие Китая в Центрально-Азиатском регионе. 09-09-2014. URL: <http://eurasian-defence.ru/eksklyuziv/analitika/prisutstvie-kitaya-centralnoaziatskom-regione>. (дата обращения: 18.03.2015).

международных дел) отмечено, что в языковом плане Центральная Азия будет идти по формуле «развивать китайский, сохранять русский, учить английский»¹. При оценке языковой и культурной активности Китая в Центральной Азии важно учитывать мнение Джозефа Ная, что «язык и культура страны — это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику» [8].

Говоря о понижении статуса русского языка, исследователи предполагают, что Россия тем самым перестает формировать элиты центральноазиатских государств. Российские образовательные центры слабо представлены в регионе и перестают пользоваться популярностью у местной молодежи². На самом деле учреждения культуры и образования, школы, университеты, институты, театры, творческие организации и др. определяют и воспроизводят идентичность коллективов, в которой русскоязычность еще имеет значение.

В этом отношении позитивно сказывается еще сохраняющаяся русская диаспора, деятельность открытых Российских центров науки и культуры, проведение массовых мероприятий организациями соотечественников делового и культурно-гуманитарного характера (например, фестивали «Вальс Победы», «С Россией в сердце», «Поздравляем тебя, Россия!» и «Петербургские встречи в Астане»), функционирование филиалов российских вузов, спектакли незакрытых русских театров и т. д. В 2016 г. «Россотрудничество», которое занимается укреплением отношений России с зарубежными странами, развитием культурных, научных и деловых связей с ними и помощью в чрезвычайных ситуациях, собирается открыть свои представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и Худжанде (Таджикистан), причем в столицах этих стран уже работают РЦНК. Однако несмотря на масштабность действий этих центров и их отделений по продвижению русского языка в зарубежье, как свидетельствует руководитель «Россотрудничество» Л. Н. Глебова, «эффект от них не совсем тот, который требуется» [2]. Хотя она отметила, что в Европе «интерес ко всему русскому растет».

Ситуация в Центральной Азии, по-видимому, в ближайшее время изменится в лучшую сторону. В 2016 г. совместный российско-китайский международный университет на базе МГУ им. М. В. Ломоносова в Шэньчжэне примет первых студентов, в том числе не исключено, что из центральноазиатских стран. Это высшее учебное заведение сможет участвовать и в реализации проекта ЭПШП. Первый проректор МГУ С. Шахрай, рассказывая с гордостью об этом совместном с Китаем университете, особо отметил, что 30–40% его студентов будут гражданами СНГ [1].

С 2015 г. интерес к русскому языку в самом Китае начал вновь возрастать. Так, в Ланьчжоуском технологическом университете, находящемся в административном центре провинции Ганьсу, решено возобновить курсы по специальности «русский язык и литература», еще недавно изъятой из учебного плана. Возвращение в университетское образование русского языка предназначено для удовлетворения растущего спроса на специалистов со знанием русского языка в условиях ускорения развития западных регионов Китая в ходе реализации идей их открытости в контексте ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI в. и, конечно, сопряжения с ЕАЭС.

Китай не только сосредоточен на распространении китайского языка, но и с помощью все увеличивающихся образовательных, культурных, научно-технологических обменов студентами глубоко влияет на молодое поколение Центральной Азии. Ки-

¹Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. Летняя школа РСМД [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=18701 (дата обращения: 17.03.2015).

²Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. Летняя школа РСМД // [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=18701 (дата обращения: 17.03.2015).

тайские преподаватели в институтах и классах Конфуция часто повторяют гуманистическую мысль Мэн-цзы: «В бедности занимайся собой, а в достатке пытайся помочь миру». Не в этом ли кроется стремление властей Поднебесной проповедовать свое искреннее желание содействовать процветанию зарубежья? Особо надо отметить просветительскую работу по ознакомлению молодежи с конфуцианством — этим кладезем мудрости, в том числе в сфере человеческого взаимообщения и взаимоповедения. Главным понятием конфуцианства является принцип «Жэнь» — гуманность. В частности, он пронизывает книгу Конфуция «Беседы и суждения». Отдельные ее постулаты освещаются в обучении детей в соответствующих классах Конфуция при младших и средних школах.

В последние годы произошло повышение уровня студенческих и академических контактов между государствами Центральной Азии и КНР. Подписанные соглашения о сотрудничестве в сферах образования и культуры между ними стали большим подспорьем для развития двухсторонних и многосторонних связей Китая, в том числе в области создания условий для перспективных проектов ЭПШП. Много студентов из стран Центральной Азии учится в Китае, получая стипендии, в том числе от правительства КНР или Института Конфуция, либо провинций и городов Китая.

Университетское образование в Китае было усилено программами приглашения зарубежных ученых для чтения лекций, проведения семинарских занятий, лабораторных работ, научных исследований. Прежде всего из-за границы откликнулись крупные специалисты китайского происхождения. Они повысили научный потенциал подготовки элит из разных стран¹. По данным Министерства образования КНР, количество иностранных учащихся в Китае достигло 377 054 чел. из 203 стран и регионов. Среди них 225 490 чел. из Азии (59,8% от общего числа), их количество увеличивалось ежегодно на 2,58% по сравнению с предыдущим годом. Так, число учащихся в Китае из Казахстана достигло 11 764 чел., занимая 9-е место по количеству студентов из-за рубежа, обучающихся в Китае².

Заметное влияние на молодежную среду в центральноазиатских странах оказывают проводимые в них дни или недели культуры Китая, различные промышленные, сельскохозяйственные, художественные и литературные выставки. В этом отношении показательны усилия, которые предпринимаются в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, население которого во многом, включая мусульманское вероисповедание, схоже с теми, кто живет в Центральной Азии. Университеты в Синьцзяне готовят специалистов в области медицины, этнологии, археологии, лингвистики, географии, истории. По данным Департамента образования Синьцзян-Уйгурского автономного района, число учащихся в Синьцзяне из Центральной Азии достигло 6888 чел. в 2012 г., выросло на 67% в сравнении с прошедшими тремя годами [9].

Другим ярким примером привлекательности Китая для центральноазиатской молодежи служит провинция Шэньси, откуда в средние века начинался Великий шелковый путь. Приобретая соответствующие знания, общаясь с коллегами по учебе, познавая тонкости шелкопутьных проектов, студенты из Центральной Азии по окончании учебы, возвращаясь в свои родные пенаты, становятся яркими сторонниками реализации указанных идей. В 2013 г., по данным Департамента образования провинции Шэньси, в ее университетах учились 614 студентов из Центральной Азии, составляя 10% от всех иностранных студентов. В уже упоминавшемся документе

¹Ministry of Education PRC. The Overall Situation of Studying Abroad (2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3917/201007/91574.html> (дата обращения: 12.03.2015).

²Ministry of Education PRC [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201503/t20150318_186395.html (дата обращения: 16.07.2015).

«Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» отмечено, что необходимо использовать уникальные региональные преимущества Синьцзяна, чтобы построить основную зону Экономического пояса Шелкового пути и сформировать в ней важный культурный и научный центр. Рекомендовано расширить обмен студентами и межшкольное сотрудничество. Китай предоставляет 10 000 государственных стипендий студентам из Центральной Азии ежегодно¹.

Китай пошел с января 2015 г. на заметное повышение стипендий, чтобы привлечь еще больше студентов из-за рубежа для обучения в своих вузах [9]. Тем самым расширяется культурно-цивилизационная сфера влияния Китая в Центральной Азии, включая формирование элиты, ориентированной на Поднебесную. Тому же самому служит, как было отмечено выше, китайско-центральноазиатское партнерство в области культуры. Оно удачно сочетает модернизационные и инновационные инициативы с базовыми ценностями Китая и аналогичными цивилизационными основами центральноазиатских стран. При таком подходе они не противоречат друг другу, а наоборот, укрепляется их противодействие глобализации, ведущей к унификации культур, устранению их национальных особенностей, к общемировому универсализму. Это создает также возможности для преодоления в конечном счете мироустройства по западному образцу, хотя устранить полностью процессы вестернизации незападного мира не удастся, да к этому ни одно из государств во взаимодействующей системе «Китай-Центральная Азия» и не стремится.

Во избежание конфликтных ситуаций, порожденных культурной экспансией, в Пекине прилагают усилия к тому, чтобы его культурно-цивилизационное присутствие в Центральной Азии не воспринималось как проявление гегемонизма, а лишь только как партнерское взаимодействие в целях обоюдного участия в развитии мультицивилизационных отношений, межцивилизационных дружеских связей и укрепления суверенитета каждой страны-участницы. Возникающий таким образом межцивилизационный синтез способствует национальной, региональной и глобальной безопасности, а также бесконфликтному развитию человечества.

Но полностью избежать осторожности в восприятии своих культурных ценностей Китаю пока не удается [9]. Сказываются ли в этом психологические оттенки культурного наследия, сочетающее восточные, мусульманские и русские ценности, а также возникшие в ходе совместного развития в царское и советское время стереотипы — вопрос, требующий самостоятельного, вне рамок этой статьи, исследования. Наряду с активизацией партнерства в области культуры, власти Китая придают немало внимания научным связям с центральноазиатскими странами. В Пекине отдают себе отчет в том, что Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан накопили большой опыт в научных, проектно-конструкторских и практических работах в области добычи, обогащения и переработки полезных ископаемых, имеющих для Китая огромное стратегическое и, конечно, производственное значение (нефти, газа, урана, угля, меди и др.). В Поднебесной учитывают также, что они располагают уникальными технологическими изобретениями в области металлургии, нефтехимической промышленности, геологоразведки, углехимической, аэрокосмической промышленности, атомной науки и техники, сельского хозяйства, животноводства, физики, химии, водных ресурсов.

Эти страны еще со времен СССР обладают высококвалифицированными научно-исследовательскими и проектными институтами в тяжелой и легкой промышленности, в некоторых других научных отраслях (например, атомной науке и технике). Они уже достигли мирового продвинутого уровня [9]. Учитывая все эти обстоятель-

¹Ministry of Education PRC [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201504/t20150430_187671.html (дата обращения: 16.07.2015).

ства, еще в 1991–1995 гг. власти Синьцзяна направили во все 5 центральноазиатских стран 190 делегаций, насчитывавших более 800 чел., для переговоров и бесед в научно-исследовательских и технических учреждениях, знакомства с их работой. В свою очередь Синьцзян принял в это же время 237 научно-технических делегаций в составе 1147 чел. из Центральной Азии, интересовавшихся научными достижениями и технологическими новинками. В 2001–2006 гг. только Департамент науки и технологии Синьцзяна послал 247 делегаций в составе 841 чел. в Центральную Азию; а принял 123 делегации (286 чел.) из этого региона [7]. И в последующие годы взаимный обмен делегациями из Пекина, Урумчи, Шанхая, Астаны, Ашхабада, Ташкента, Душанбе и других городов пространственной системы «Китай-Центральная Азия» увеличился, обеспечивая тем самым успешность мягкой силы Китая и увеличивая научный потенциал среднеазиатских республик и Казахстана.

В декабре 2013 г. Департамент науки и технологии Синьцзян-Уйгурского автономного района приступил к строительству Центра науки и технологического сотрудничества Китай — Центральная Азия, дав импульс для развития стратегического проекта «Шелковый путь науки и технологии», тем самым началась подготовка реализации проекта Экономический пояс Шелкового пути. Этот центр играет важную роль в координации и обслуживании научно-технического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, и постепенно превращается в центр научно-технического партнерства между странами-членами Шанхайской организации сотрудничества¹. Его значение в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС несомненно.

Электронные и печатные СМИ, и особенно телевидение, в настоящее время активно задействованы в распространении разносторонней информации об «Экономическом поясе Шелкового пути», о его позитивной роли в развитии Центральной Азии, и предстоящем процветании ее стран в результате этой китайской инициативы. По замыслу Пекина подобные сообщения в СМИ должны содействовать созданию существенных предпосылок для сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. В своем выступлении в Астане в 2013 г. Си Цзиньпин сказал, что «расположенный в провинции Шэньси мой родной город находится в начальной точке древнего Шелкового пути» и что «Казахстан — это земля, через которую шел древний Шелковый путь, внес важный вклад в диалог цивилизаций между Востоком и Западом, а также способствует взаимодействию и сотрудничеству разных национальностей и разных культур. Восточные и Западные дипломаты, караваны, туристы, ученые, ремесленники использовали этот путь для взаимных поездок в целях учебы, достижения нужных договоренностей, обмена культурными ценностями, духовными идеями, что содействовало развитию человеческой цивилизации»².

Китайские ученые, высоко оценивая экономическое содержание ЭПШП, вместе с тем характеризуют его как значимое событие в мировом масштабе. По мнению Син Гуанчэна (директора Научно-исследовательского центра по китайской пограничной истории и географии Китайской академии наук)³ Лю Хонубиня, (Президента Института исследования Африки Чжэцзян педагогического университета)⁴, Ван

¹ CRI online [Электронный ресурс]. URL: <http://gb.cri.cn/42071/2014/12/09/6891s4797012.htm> 09-12-2014 (дата обращения: 16.07.2015).

² Агентство Синьхуа. Полный текст речи Си Цзиньпина в Университете Назарбаева [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079_2.htm (дата обращения: 14.02.2015).

³ 邢广程. 海陆两个丝路-通向世界的战略之梯 // 学术前沿. 2014. 04 (上) P. 90–95 (перевод: Син Гуанчэн. Два Шелковых пути: лестница к миру. Академическая граница. 2014. № 4(1). С. 90–95).

⁴ 刘鸿武. 新“丝路”之道与魂, 中非合作崛起与全球共享 // China Investment. 2014 (10). P. 1–4 (перевод: Лю Хонубинь. Путь и сущность нового Шелкового пути: сотрудничество Китая и Африки и глобального разделения // Инвестиции Китая. 2014 (10). С. 1–4.

Чжэнчу (из университета Ноттингема, Великобритания)¹, «Экономическому поясу Шелкового пути» принадлежит ключевая роль в дальнейшем развитии Китая. Многие специалисты и политики Китая считают, что сочленение проектов ЭПШП и ЕАЭС — историческая необходимость.

Одновременно они подчеркивают стратегическое значение в его реализации Центральной Азии. Россия также признает такую точку зрения. Стоит, разумеется, прислушаться и к словам министра иностранных дел КНР Ван И о том, что развитие экономики — ключ к решению многих, если не всех, проблем². Необходимо, конечно, мягкосиловое сопровождение такого грандиозного проекта. Дело в том, что, как отмечалось выше, он вызвал неоднозначную реакцию в мире³: Ведь долгое время, целые десятилетия, Китай молчаливо держался в стороне от масштабных предложений на международной арене, от мирозначимых инициатив, не вступал, как правило, открыто в соперничество с ведущими державами мира. Ситуация изменилась ныне, и Китай вышел на мировую арену, претендуя на равное сотрудничество с глобальными региональными и внерегиональными державами⁴.

Пекин действует в соответствии с международным правом, не стремится к господству в Центральной Азии. Это подтверждается не только характером его отношений с центральноазиатскими странами, но и призывом к Москве сотрудничать в регионе⁵. Примечательно в этой связи высказывание О. В. Зотова о том, что трехтысячелетний опыт исторического развития позволил Китаю понять раньше Запада, что «влияние важнее власти». По его мнению, китайская внешняя политика — это не диктат, а дипломатически направляемое стремление «побеждать, не сражаясь» [3].

В своей книге «Китай — Россия 2050: стратегия со-развития» Б. Н. Кузык и М. Л. Титаренко отмечают, что «внешнеполитическая стратегия Китая на ближайшие 50 лет определена. Она нацелена на обеспечение национальных интересов страны, ее целостности и стабильности» [4, с. 525–526]. Вот почему не будет серьезного столкновения между Китаем и Россией в Центральной Азии по поводу развития проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Как сказал министр иностранных дел России С. В. Лавров, в Москве убеждены, что во взглядах ведущих международных игроков на наиболее острые проблемы современности все-таки больше общего, чем расхождений, особенно в том, что касается не тактических подходов, а конечных целей [5]. Это замечание касается и деятельности Китая в Центральной Азии. Оно ценно для взаимодействия ЭПШП и ЕАЭС.

Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» реален. Создав Азиатский банк инвестиционного развития и Фонд Шелкового пути с капиталом 40 млрд долл., Пекин показал, что он формирует финансовую многостороннюю базу Экономического пояса Шелкового пути. Кроме того, Поднебесная заявила о своей открытости в его осуществлении и готовности сотрудничать со всеми государствами, желающими участвовать совместно в создании этого экономического пояса.

¹ 王正绪. 中国崛起的规范性力量 // 《联合早报》05.02.2015 (перевод: Ван Чжэнчу. Нормативная сила подъема Китая) // Lianhe Zaobao.

² Агентство Синьхуа // [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-01/16/c_127390959.htm (дата обращения: 13.02.2015).

³ См. также: Тавровский Ю. В. Пекин собирает горы и моря: Стратегия «Китайская мечта» пополнилась двумя новыми внешнеполитическими концепциями // Независимая газета. 15.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-11-15/5_china.html (дата обращения: 14.02.2015).

⁴ Изимов Р. «Мягкая сила» Китая: на прицеле Центральная Азия. 25.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://radiotochka.kz/1581-.html> (дата обращения: 13.02.2015).

⁵ Агентство Синьхуа. Полный текст речи Си Цзиньпина в Университете Назарбаева [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079_2.htm (дата обращения: 14.02.2015).

В подтверждение таких принципов можно привести одно очень точное и важное положение Совместного заявления РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, подписанного по итогам визита президента России В. В. Путина в Китай в мае 2014 г.: «Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации»¹.

Яркий пример тому — состыкование положений Экономического пояса Шелкового пути и принятых в государствах Центральной Азии своих концепций развития: «Казахстан-Новый Шелковый путь» и «Стратегия Казахстана-2050», «План благополучия и процветания» Узбекистана, «Национальная стратегия развития 2016–2030 годы» Таджикистана, «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызстана на 2013–2017 гг.». Пять центральноазиатских стран, используя возможности «Экономического пояса Шелкового пути» и свои перспективные программы развития, в том числе и при посредстве Евразийского экономического союза, интегрируются в глобальные рынки и в мировую экономику. А Китай укрепляет свое глобальное положение в мировом сообществе и станет в перспективе ведущей державой на Земле.

«Экономический пояс Шелкового пути» в сочетании с ЕАЭС придаст новые черты конфигурации международных экономических и политических отношений. Глобальная мир-система интегрирует Китай как мощный локомотив политического и экономического развития в XXI в. всего мирового сообщества, в структуре которого Центральная Азия станет крупным соучастником противовеса Евроатлантическому региону. Произойдут также перемены в центрально-периферических отношениях. Китай, опирающийся в том числе на центральноазиатские страны, и, несомненно, на Россию, займет лидирующие позиции в глобальном мире.

Литература

1. Белозеров Ю. В список лучших вузов попадали сразу // Москва–Пекин: Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, сентябрь, № 4. С. 75
2. Глебова Л. Россотрудничеству — 90! // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 8.
3. Зотов О. В. Большая Центральная Азия и принципы геополитики КНР // Сб. материалов «круглого стола»: «Интересы ЕС, КНР, России и США в Центральной Азии». Бишкек, 2004.
4. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
5. Лавров С. Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.
6. Ягья В. С., Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
7. He Xian, Ren Hong, Zhang Xiaoyun, Li Jiang. Scientical and technical cooperation between Xingjiang and five countries in Central Asia // Scientical and technical information and economy. Vol. 21. N 6. 2012. P. 160–165.
8. Nye J., Jr. Soft power // Foreign Policy, N 80. Autumn 1990. P. 48–58.
9. Zhang Quansheng, Guo Wei. Humanitarian and cultural cooperation and exchanges between China and Central Asian Countries // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). Vol. 35. N 4. Aug. 2014. P. 66–67.

References

1. Belozеров Yu. *Were included in the list of the best higher education institutions at once* [V spisok luchshikh vuzov popadali srazu] // Moscow-Beijing: Russian-Chinese business revue [Moskva–Pekin : Rossiisko-kitaiskoe biznes-revyu]. 2015, September. N 4. P. 75. (rus)

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642 (дата обращения: 14.02.2015).

2. Glebova L. *Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) – 90th anniversary! [Rossotrudnichestvu – 90!]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2015. N 12. P. 8. (rus)
3. Zotov O. V. *Big Central Asia and principles of geopolitics of the People's Republic of China [Bol'shaya Tsentral'naya Aziya i printsipy geopolitiki KNR]* // Collection of materials of «a round table»: «Interests of the EU, the People's Republic of China, Russia and the USA in Central Asia» [Sb. materialov «kruglogo stola»: «Interesy ES, KNR, Rossii i SShA v Tsentral'noi Azii»]. Bishkek, 2004. (rus)
4. Kuzyk B. N., Titarenko M. L. *China – Russia 2050: strategy of co-development [Kitai — Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya]*. M. : The Institute of economic strategies [Institut ekonomicheskikh strategii], 2006. (rus)
5. Lavrov S. *Foreign philosophy of Russia [Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2013. N 3. P. 1–8. (rus)
6. Yagya V. S., Li Minfu. *Confucius's institute as a factor of «the soft force» in foreign policy of the People's Republic of China in the XXI century [Institut Konfutsiya kak faktor «myagkoi sily» vo vneshnei politike KNR v XXI veke]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2015. N 7. P. 84–93. (rus)
7. He Xian, Ren Hong, Zhang Xiaoyun, Li Jiang. *Scientical and technical cooperation between Xingjiang and five countries in Central Asia* // Scientical and technical information and economy. Vol. 21. N 6. 2012. P. 160–165.
8. Nye J., Jr. *Soft power* // Foreign Policy. N 80. Autumn 1990. P. 48–58.
9. Zhang Quansheng, Guo Wei. *Humanitarian and cultural cooperation and exchanges between China and Central Asian Countries* // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). Vol. 35. N 4. Aug. 2014. P. 66–67.

Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.

Инновационность биолого-фармацевтического кластера или импортозамещение: приоритеты развития отраслевой экономики*

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры финансового менеджмента
 Доктор экономических наук, профессор
 Почетный работник высшего профессионального образования РФ
 vash_64@mail.ru

Цацулин Борис Александрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
 Магистрант

РЕФЕРАТ

Авторы анализируют комплекс проблем, связанных с формированием региональных производственных кластеров по-настоящему инновационного типа, с внедрением в деятельность реального сектора экономики схемы государственно-частного партнерства, с возрождением национальной медицинской промышленности, в частности — отрасли фармацевтических препаратов. Решение перечисленных проблем, по мнению авторов статьи, обеспечит процедуру импортозамещения зарубежных лекарственных препаратов качественными российскими фармацевтическими средствами, что в настоящее время является самой важной задачей, которая встала перед обществом и государством. Излагаемые материалы свидетельствуют об актуальности поднимаемых в статье вопросов.

Авторы рассматривают состав фармацевтических кластеров Санкт-Петербурга, виды деятельности участников, входящих в эти сравнительно новые по форме территориальные образования, анализируют инновационные активности ряда уже действующих предприятий, производящих как дженерики, так и оригинальную товарную продукцию с признаками инновационности. Для выявления инновационных лидеров в кластере применена методика многомерного сравнительного анализа. Сделаны выводы, даны предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

региональный производственный кластер, инновационные технологии, государственно-частное партнерство, особая экономическая зона, импортозамещение, лекарственное средство, фармацевтическая отрасль, закупки импортных препаратов, российский рынок медикаментов, цены на аптечные товары, дженерики, рейтинг инновационной активности, стратегическое развитие экономического субъекта

Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A.

The Innovativeness of Bio-Pharmaceutical Cluster or Import Substitution: the Development Priorities of the Economy Sector

Tsatsulin Alexander Nickolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Financial Management
 Doctor of Sciences (Economy), Professor
 vash_64@mail.ru

Tsatsulin Boris Alexandrovich

Saint-Petersburg State University of Economics (Russian Federation)
 Master's student

* Продолжение. Начало см.: «Управленческое консультирование». 2016. № 2. С. 81–96.

ABSTRACT

The authors analyze the complex problems associated with the formation of regional industrial clusters of really innovative type, with the introduction into the activities of the real economy scheme of public-private partnership, with the revival of the national pharmaceutical industry, in particular pharmaceutical industry. Solution of these problems, according to the authors, provide a procedure for import of foreign drugs quality Russian pharmaceuticals, which is currently the most important problems facing the society and the state. Degradable materials demonstrate the relevance of the issues raised in the article.

The authors consider the pharmaceutical cluster of St. Petersburg, activities, participants, members of these relatively new form of territorial units, analyze the innovative activity of a number of existing companies a bearing producing both generic and original commercial products with innovative features. To identify innovative leaders in the cluster technique used multidimensional comparative analysis. The end of the article contains the conclusions and the proposals.

KEYWORDS

regional industrial clusters, innovative technology, public-private partnerships, special economic zone, import substitution, drug, pharmaceutical industry, purchases of imported drugs, the Russian market of medicines, the prices of pharmaceutical products, generics, the rating of innovation activity, the strategic development of the economic entity

Появление новых лекарств и исчезновение старых продуктов образуют взаимозаменяемые пары.

М. М. Жванецкий, литератор

Потребитель ЛС/ЛП и государство оказались в затруднительном положении.

Широко известно, что согласно тексту «Стратегии лекарственного обеспечения населения РФ до 2025 г.», в 2015 г. в разных регионах страны стартовали пилотные проекты по апробации новых вариантов лекарственного обеспечения россиян. В качестве одной из таких моделей рассматривается *система лекарственного возмещения*, которая должна будет заменить существующую сейчас систему государственных закупок. В этом случае определяются список и наименование препаратов, за покупку которых пациент получит полное возмещение их стоимости. Если пациент желает приобрести более дорогие ЛС/ЛП той же фармакологической группы, разницу в цене ему придется доплатить. При этом не должны пострадать те, кто сейчас имеет право на бесплатное получение препаратов.

Тема лекарственного возмещения, так или иначе, поднимается на страницах печати и в дискуссиях на научных форумах. Чаще всего споры возникают по взаимоотношениям на рынке оригинальных ЛС/ЛП и дженериков. Как известно, во многих европейских странах именно расходы на дженериковые препараты компенсируются страховкой, а если пациент предпочитает лечиться оригинальными ЛС/ЛП, то доплачивает за них он сам. Исходя из такого посыла, формируются и продажные цены: аналог часто стоит не дороже, чем 65% стоимости оригинального препарата.

Тем не менее в государственных программах с концептуальными положениями содержится существенное противоречие: с одной стороны, промышленность взяла курс на создание инновационных отечественных препаратов, но с другой стороны, система государственных закупок четко ориентирована на лекарства именно дженериковые. Как в этой ситуации должен чувствовать себя производитель? Здесь необходимо уточнить понятийный аппарат, определиться с терминологией, разметить и закрепить места инновационных и дженериковых препаратов на товарных рынках.

Если сегодня первым регистрируется какой-нибудь брендовый, достаточно дорогой зарубежный дженерик, для которого установленная процедура экспертизы существенно упрощена, то оригинальному отечественному препарату крайне труд-

но после него выходить на рынок со своей согласованной ценой. Синхронизация усилий российской фармацевтической отрасли с интересами государства и его граждан оказывается самой актуальной задачей в настоящее время. А система лекарственного обеспечения представляется краеугольным камнем в решении глобальных проблем системы здравоохранения.

Не вызывает сомнения, что создание аналогов оригинальных ЛС/ЛП — это путь длительного эволюционного развития рынка, и иного пути просто нет. По подсчетам специалистов, в XVII–XVIII вв. за каждые 20 лет в мире появлялось в среднем одно новое эффективное лекарство. В конце XIX в. появлялось три новых лекарства за два года. В конце XX столетия на нашей планете ежегодно создавалось уже 8–10 принципиально новых ЛС/ЛП. От начала своей многовековой истории до начала XX в. медицина имела в своем арсенале всего около двухсот основных ЛС/ЛП. К 70-м годам ушедшего века их число увеличилось более чем в 20 раз, а в 80-х годах мировая фармацевтическая промышленность производила уже более 100 000 различных ЛС/ЛП¹. Но сколько действительно новых ЛС/ЛП оказывается среди этого угрожающе растущего множества? Создавать принципиально новую молекулу оказывается делом все более сложным, и гораздо проще модифицировать уже существующие молекулярные структуры. В этом смысле интересными представляются отдельные положения концепции компании *BIOCAD* из СПб ОЭЗ

При решении задачи повышения доступности тех или иных ЛС/ЛП компания определяется с приоритетами важности их для экономики и потребителя. Если компания создает некий биологический аналог уже существующего продукта, то снижение цены на такой препарат не оказывается главной целью. И в целомполагании закладывается триада: во-первых, приобретение необходимых профессиональных компетенций; во-вторых, научиться самостоятельно производить достойный, конкурентоспособный рыночный продукт; в-третьих, стать реальным игроком на мировом фармацевтическом рынке. Таким образом, по приоритетам расставляются следующие позиции — овладение инновационными технологиями; обучение и подготовка производственного и обслуживающего персонала; снижение цен, с подчас первоначально задранными уровнями, отложить на более поздние этапы жизненного цикла фармацевтического товара, как это может быть показано на рис. 1.

Тем не менее, процессы кластеризации в СЗФО сопровождаются не только победными реляциями. Так, Объединенный кластер медицинской, фармацевтической промышленности и радиационных технологий СПб и Ленобласти распался. Городские власти отказались подписывать соглашение с областью, «Роснано» и «Росатомом», сославшись на непроработанность документа и приняли решение сосредоточиться на собственном кластере в ОЭЗ, который должен заниматься медицинским и биолого-фармацевтическим производством, а также прикладными научными исследованиями в этих и смежных сферах. Ленобласть, в свою очередь, преодолев комплекс несамостоятельности, намеревается собственными силами развивать накопленный потенциал в области ядерной медицины на базе соответствующего научного комплекса в Гатчине. Таким образом, удачно задуманный в интересах потребителя (как говорят основатели *Start up*, *B2C* — бизнес для потребителя) на самом веру власти альянс распался.

Перспективный кластер потерял свое единство еще и потому, что на создание общей с ЛО ОЭС требуются инвестиции не только от федерального правительства, но и от субъекта федерации. Именно здесь возникают основные сложности фи-

¹ Лекарства и лекарственная болезнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medn.ru/statyi/lechenie-solyu-skipidarom-kerosinom/lekarstva-i-lekarstvennaya-bolezn.html> (дата обращения: 07.03.2016).

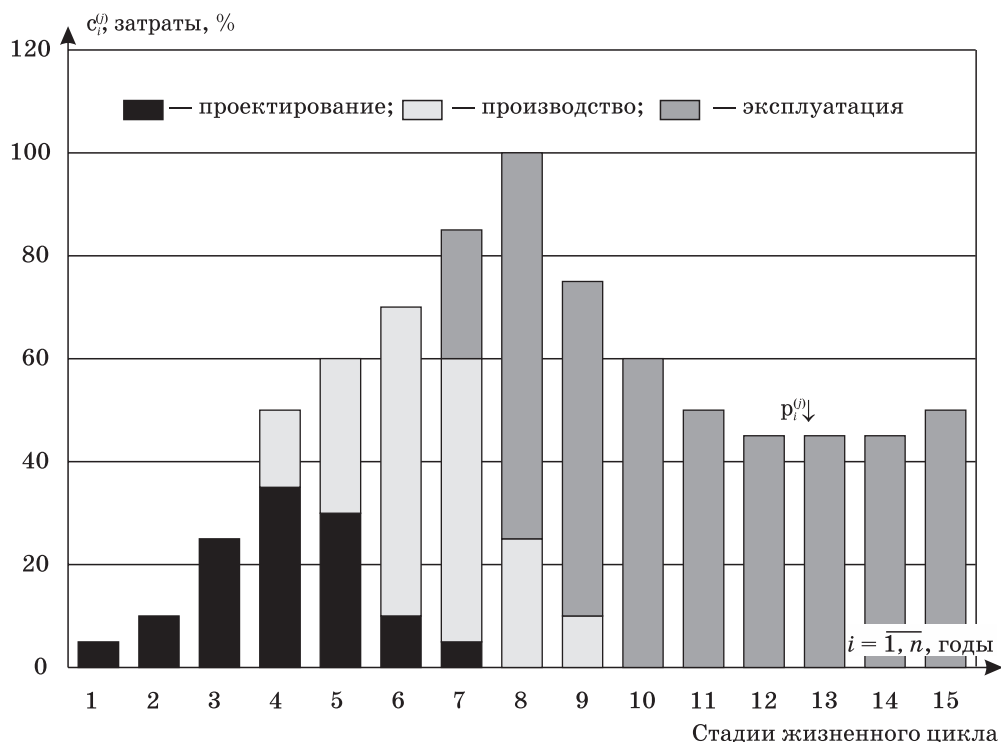

Рис. 1. Гистограмма примерного изменения характера издержек на создание инновационного фармацевтического продукта по стадиям *LCA* (*Life Cycle Analysis* — Анализ жизненного цикла товара). Снижение продажных цен обычно осуществляется на нижнем «плато» стадии эксплуатации ЛС/ЛП в период с 2011 по 2015 гг. — $p_i^{(j)} \downarrow$

нансового порядка — бюджеты регионов в текущих экономических условиях не могут позволить себе нести дополнительные траты.

Статистические инструменты анализа качества продукции в фармацевтической отрасли. Помимо поиска финансовых источников развития фармкластера в целом и отдельных его участников, в частности, самостоятельный интерес представляют возможности измерения инновационной активности по результатам деятельности либо конкретного экономического субъекта, либо в режиме *деятельностной компаративистики* по группе субъектов [6]. И здесь возникает множество счетно-технических вопросов. По версии *BCG* (*Boston Consulting Group*) в 2014 г. наиболее инновационными признаны мировые гиганты *Apple*, *Google*, *Samsung*, *Microsoft*, *IBM*, *Amazon*, *Tesla Motors*, *Toyota Motors*, *Facebook* и *Sony*. Примечательно, что место в рейтинге напрямую не связано с рыночной капитализацией компании. Так, компания *Samsung* со своими \$137,9 млрд обгоняет по уровню инновационности *Microsoft* с официальной оценкой капитализации в 347,9 млрд долл.

Окончательного решения по объективизации критериев инновационности пока не существует; имеют хождение многочисленные подходы к анализу инновационной активности [5] разной степени пригодности для исследования. Например, отсутствие аналогичных патентов на изобретение, что проверяется тщательно по базам данных патентных бюро Европы и США, уже является достаточным основанием для

его дальнейшего финансово-инвестиционного анализа по общепринятой методике оценки инвестиционных проектов, предполагающих изучение таких показателей, как *NPV* (от англ. *Net present value* — чистый дисконтированный доход, или чистая текущая стоимость), *IRR* (от англ. *Internal rate of return* — внутренняя норма доходности), срок окупаемости понесенных затрат, пороговая ставка рентабельности и пр. Не случайно, что, вообще, размытые критерии используются мировыми рейтинговыми агентствами при отнесении той или иной страны, корпорации в нужную классификационную группу по политическим соображениям. Тем не менее, достоин удивления тот замечательный факт, что всемирно известное агентство финансовых новостей *Bloomberg* по итогам 2015 г. присвоило 12-е место (?) России в категории инновационных держав.

Тем не менее, у понятия инновационности все же есть конкретные признаки, и их три: использование высоких технологий, новизна продукта для рынка и выпуск продукции с качественно новыми свойствами и характеристиками. Поэтому инновационная компания, как правило, имеет в своем активе объекты интеллектуальной собственности. Эти объекты как нематериальные активы должны быть непременно зарегистрированы [2] и должны быть обязательно отражены в бухгалтерском балансе компании.

В качестве удачного примера отечественной инновационной компании можно назвать закрытую социальную сеть для врачей с высшим медицинским образованием «Доктор на работе». У компании постоянно росли размеры капитализации, улучшались внутренние отчетные показатели, и в рамках последнего раунда внешнего аудита ее рыночная стоимость была оценена в 1 млрд руб.¹

Примером же неудачного измерения инновационности проекта может служить попытка банковских аналитиков оценить реализацию создания сети явно новаторских по своему характеру медицинских центров позитронно-эмиссионной томографии и лечения онкологических заболеваний. При решении вопроса о получении/неполучении банковского финансирования этого заведомо инновационного проекта сотрудники аналитического департамента банка не смогли оценить разнообразные коммерческие риски, самостоятельно провести нестандартную экспертизу, рассмотреть финансовую схему с учетом ее прозрачности [3] и понимания экономической состоятельности проекта.

Что касается проверки соответствия современных требований к ЛС/ЛП с позиций регламента *GMP*, то здесь следует отечественным производителям руководствоваться обязательной процедурой, которая ориентирована на возможности и профессионализм специалистов по контролю качества (ОКК), специалистов по обеспечению качества (ООК), и/или технологов производства, а также на компетентность менеджеров высшего звена и специалистов по фармацевтической разработке лекарственных средств (с точки зрения понимания взаимосвязи *GMP* и принципов статистического управления процессами), специалистов по регистрации лекарственных средств. Основные требования имеет смысл перечислить, и они по заведенному в мировой практике опыту предъясняются:

- 1) к мониторингу процессов и качества ЛС/ЛП (*GMP* — ч. 3, *ICH Q9*);
- 2) к технике статистического управления технологическими процессами (*SPC*);
- 3) к первичному тестированию участников производственного процесса на предмет понимания содержания статистического управления процессами;
- 4) к применению статистического инструментария: а) формирование стратегии контроля качества (обоснование выборочной схемы отбора проб; обработка результатов испытаний); б) уточнение результатов фармацевтической разработки и валидации технологических процессов; в) обработка данных для Годового

¹ Гасникова В. Деньги идут на риск // Коммерсантъ *Business Guide*, № 184 от 07.10.2015.

обзора качества (*Product Quality Review*); г) составление вероятностных шкал для оценки рисков (*ICH Q9*); д) определение периодичности технического обслуживания оборудования и инженерных систем.

При этом специалист по качеству фармацевтического предприятия должен в своей работе знать, уметь и владеть следующими средствами измерения:

1. Индексы возможностей процесса (*Cp, Cpk*).
2. Разновидности контрольных карт для управления процессами.
3. Контрольные карты Шухарта¹ как методология построения контрольных карт по количественному и альтернативному признакам.
4. Аналитическая работа по сформированным контрольным картам Шухарта, умение интерпретировать результаты анализа.
5. Применение статистических методов для оценки данных по валидационным работам: а) подходы к обработке данных, диаграммы рассеивания, точечные оценки; б) функция распределения, понятие доверительного интервала, интервальные оценки для основных метрологических характеристик; в) проверка статистических гипотез — общие подходы, частные примеры, сравнение средних, сравнение дисперсий, выявление «грубых промахов»; г) дисперсионный анализ (*ANOVA*).
6. Применение статистических методов для оценки функциональных связей (на примерах данных, полученных при изучении стабильности и качества фармацевтической разработки): а) корреляционный анализ; б) регрессионный анализ (линейная, нелинейная, множественная регрессия); в) ковариационный анализ (*ANCOVA*) на примере проверки возможности объединения данных по стабильности нескольких серий ЛС/ЛП; г) умение профессионально вести дискуссию по оценке отклоняющихся результатов *OOT (Out Of Trend)*; д) владение методологией планирования эксперимента (*DoE*).

Но то, чего боялись многие российские медики и пациенты, может случиться в ближайшее время. Внесение в середине октября 2014 г. разработанного Минпромторгом РФ постановления об ограничении закупок зарубежных лекарств, которое эксперты прозвали документом о «третьем лишнем» и которое 02.12.2015 оказалось подписанным председателем правительства РФ². Факт утверждения такого нормативного акта вызвал в обществе серьезную обеспокоенность, а защитники прав пациентов называют эту меру геноцидом против россиян и грозятся привлечь авторов документа к уголовной ответственности. Нормативный акт, призванный запретить иностранным производителям участвовать в российских тендерах на госзакупки ЛС/ЛП при условии, что их конкурентами являются хотя бы два российских предприятия, сейчас, в период взаимных санкций, пришелся, что называется, ко двору. Хотя, как уверяют эксперты, это уже была третья попытка законодателя так своеобразно «поддержать отечественного производителя». Здесь хочется добавить — как и в случае с отечественными производителями *сыра*.

Ограничения коснулись закупок лекарственных средств, которые были произведены не в странах Таможенного союза, — т. е. не в России, Белоруссии или Казахстане. Кстати, сегодня доля российских ЛС/ЛП от закупок государства составляет всего 22%. Разработчики акта полагали, что новый документ исправит ситуацию и доведет к 2018 г. долю отечественных медикаментов до 90% в перечне стратегически значимых ЛС/ЛП и перечне жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП), где их пока 26%.

¹ Контрольная карта Шухарта, используемая в управлении фармацевтическим производством и бизнес-процессами, — это визуальный инструмент в виде графика изменения параметров динамического процесса. Контрольная карта используется для обеспечения статистического контроля стабильности и качества технологического процесса.

² Росбалт — Калининград [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/kaliningrad/2015/12/03/1467767.html> (дата обращения: 02.12.2015).

На практике действие постановления в первую очередь ощутят пациенты с заболеваниями крови, нервной системы, диабетом и онкологией, т. е. около 30% всех больных, аналоги импортных ЛС/ЛП для которых выпускают в России. Многие эксперты считают, что эта мера может обернуться ростом смертности и болезней россиян. Ведь чаще всего российские аналоги ЛС/ЛП, как деликатно замечено в обоих эпитафиях, либо менее действенны, либо дают массу побочных эффектов.

По мнению специалистов *AIPM*, в России (а также Белоруссии и Казахстане) пока нет конкурентоспособной фармацевтической промышленности, работающей в соответствии с международными стандартами *GMP* (по ним работает лишь 15% наших предприятий), которая была бы способна обеспечить выпуск качественных ЛС/ЛП. Поэтому для начала государство должно создавать условия для привлечения инвестиций, а не запрещать поставки препаратов. Эта инициатива может привести к исчезновению импортных лекарств из российского госпитального сегмента — а их доля в стационарах доходит до 80–85%, причем это наиболее эффективные, безопасные и качественные лекарства.

И если импортных ЛС/ЛП не будет в больницах, пациентам придется, как это было в 1990-е гг., покупать их за свой счет (но, где?). Скажем, в больницах не будет зарубежного инсулина (прошедшего весьма длительную и дорогостоящую процедуру экспертизы уже в РФ) — только отечественный, но пациенты хорошо осведомлены, чей лучше. Федеральная антимонопольная служба РФ данный проект постановления не согласовала: по мнению этого органа, проект необоснованно ограничит доступ иностранных компаний на российский рынок. К тому же есть особые медицинские показания — как-то непереносимость отечественных аналогов импортных лекарств, что повлечет за собой колоссальные риски для пациентов.

Многомерный сравнительный анализ при оценке инновационной активности субъектов предпринимательства. Как известно, новшества могут быть покупными и собственной разработки, а инновации, как результат внедрения новшеств, могут осуществляться только в самой организации. Инновации не могут продаваться; продаются новшества для превращения их в инновации в сфере потребления. Эти превращения подвержены своим жизненным циклам (*LCA*). При этом жизненный путь любых новшеств может развиваться по одному из трех путей: 1) накопление новшеств в инновационной организации (ИО); 2) превращение новшества в «якорной» ИО в собственно инновацию в режиме коммерциализации; 3) продажа инновационной разработки как рыночного товара.

Эффективность деятельности ИО выражается через систему технико-экономических и финансово-экономических показателей. В условиях рыночных отношений не может быть какой-либо унифицированной системы показателей. Каждый инвестор самостоятельно определяет эту систему исходя из особенностей инновационного проекта, профессионализма специалистов и менеджеров и других факторов. Но для управления инновационными процессами требуется все-таки система показателей, позволяющая единообразно оценить эффективность инновационной деятельности. Наличие системы предусмотрено и создаваемой в России Национальной инновационной системой. Для чего же нужно измерять инновации и инновационную активность?

Показатели, или, как их еще называют, *метрики инноваций*, помогают проанализировать способность ИО к инновационным решениям и служат мерой рыночного успеха компании в выбранной области. И хотя большинство экономических субъектов пока не использует метрики инноваций в своей работе, существует несколько очевидных доводов в пользу того, почему это следует делать. Система показателей задает формализованную базу (объективные числовые данные) для принятия обоснованных управленческих решений. Это особенно важно, если учесть, что многие инновационные проекты имеют долгосрочную перспективу и высокие риски. Показатели инноваций выражают стратегические интересы ИО, позволяя

«встраивать» инновации в бизнес-процессы и налаживать отношения между теми, кто генерирует новые идеи, и менеджментом ИО [1].

Система показателей помогает обоснованно распределять ресурсы между корпоративной системой управления идеями и инновационными инициативами. Плановые метрики устанавливают ожидания в отношении инновационного потенциала ИО, а сравнение плановых показателей с их значениями за отчетные периоды позволяет увидеть и расширить узкие места бизнес-процессов, финансирование которых не соответствует поставленным целям. Система показателей инновационной активности мотивирует персонал к инициативной работе. Четко сформулированные и достаточно амбициозные цели делают сотрудников более предприимчивыми, побуждая их стремиться к выполнению поставленных задач [7].

В существующей корпоративной практике анализа инновационной активности ограничиваются в основном следующими показателями: 1) размер годового бюджета на новые разработки (*R&D*); 2) процентное отношение *R&D*-бюджета к объему годовых продаж; 3) количество патентов, полученных компанией за отчетный период; 4) количество рацпредложений, поступивших от сотрудников организации за отчетный период. Эти метрики, безусловно, могут оказаться полезными, но они не измеряют потенциальные инновационные возможности компании и, соответственно, не будут иметь существенного значения при выработке стратегических решений [4].

Основные показатели инновационной активности непрерывно разрабатываются. Оптимальные наборы метрик и значения для каждого показателя могут различаться в зависимости от профильной деятельности организации, однако существует группа базовых метрик, которые можно применить в любой компании, организации.

Показатель *ROI* (от англ. *Return on innovation investment* — коэффициент рентабельности инноваций), рассчитывается по традиционным формулам и может быть оценен как для успешно выполненных проектов, так и для проектов, подготовленных к реализации, при условии, что сделаны прогнозные расчеты по росту валовой выручки (доходов) или сокращению понесенных затрат (издержек производства и обращения).

Например, финансовый результат от инновационной деятельности может представлять собой: 1) дополнительный доход, который получила ИО от реализации нового рыночного продукта; 2) величину превышения фактического дохода от вывода нового продукта на рынок над плановым показателем в результате более эффективного выхода на рынок; 3) величину сокращенных операционных издержек на реализацию какой-либо услуги ИО; 4) прибыль ИО от проникновения ее продуктов на новый сегмент рынка и т. д. Затраты на инновации складываются из стандартных составляющих, причем, в знаменатель формулы не включаются расходы, связанные с процессом реализации инновационного проекта.

Доля выручки от реализации новых продуктов в общем объеме прибыли за последние n лет. Это одна из самых популярных метрик, которые используют ИО — лидеры современного инновационного движения, в частности компания «3М», изобретатель самоклеящихся листочков «*Post-it*».

Изменение относительного роста рыночной стоимости компании по сравнению с относительным ростом отраслевого рынка за последние n лет. В основе этого показателя лежит постулат о том, что именно инновации являются тем ключевым ресурсом компании, который обеспечивает ей дополнительные конкурентные преимущества и позволяет опередить своими темпами среднеотраслевой рост рынка конкретного экономического блага.

Количество новых продуктов, сервисов и бизнесов, которые ИО вывела на рынок за последние n лет. Эту метрику целесообразно использовать для сравнения результатов, достигнутых анализируемой ИО, со значениями аналогичных показателей

конкурентов (например, участников кластера), а также с собственными показателями прошлых периодов.

Однако инновации — это не совокупность отдельных проектов, а непрерывный процесс инициирования, развития и отбора инновационных идей, в результате которого рождаются и претворяются в жизнь новые проекты. Инновационные идеи и концепции скорее можно считать новыми платформами, которые служат основой для появления новых продуктов или дополнений к существующим продуктовым линейкам. Поэтому применять «проектные» показатели к измерению инновационной активности не совсем корректно [4].

Анализ инновационной активности осуществляется по отдельным группам показателей: показатели, которые характеризуют организации, занимающиеся инновационной деятельностью; показатели результатов инновационной деятельности; показатели использования результатов инновационной деятельности; показатели эффекта от инновационной деятельности.

Показатели результатов инновационной активности охватывают: стоимостные объемы научно-исследовательской, научно-технической деятельности, проектно-конструкторских работ; натурально-вещественные объемы изготовленных для разных целей опытных образцов; стоимостные объемы научно-технических услуг по сопровождению инновационных разработок. Указанные показатели приводятся в следующих разрезах — всего; по отдельным источникам финансирования; по годам; изменение показателей в динамике как в абсолютном выражении, так и в относительном виде.

К показателям использования результатов инновационной деятельности обычно относятся: количество наименований новых видов продукции по годам; доля новых видов продукции в общем объеме производства по годам; уровень конкурентоспособности продукции на внутреннем и мировом рынках; степень прогрессивности используемых технологий; объем работ по техническому совершенствованию производства, их абсолютное и относительное изменение по годам; конечные экономические результаты. Экономические же результаты определяются как прирост прибыли за счет внедрения результатов инновационной деятельности; снижения ресурсоемкости продукции и пр. Все показатели роста и прироста также рассчитываются по годам с оценками в абсолютном и относительном выражениях.

Уровневый эффект инновационной активности изучаемых экономических субъектов может определяться в отдельно взятых случаях и по внедряемым проектам по таким специализированным финансовым показателям, как коммерческий эффект; бюджетный эффект; общеэкономический эффект.

Коммерческий эффект отражает финансовые последствия реализации результатов инновационной деятельности для ее непосредственных участников. Рассчитывается как разность между финансовыми результатами и расходами и может быть положительным или отрицательным. Бюджетный эффект характеризует финансовые последствия реализации результатов инновационной активности организаций-резидентов для государственного и местных бюджетов. Он оценивается как разница между доходами от инновационной деятельности и расходами соответствующего бюджета на ее целевое осуществление или долевую поддержку (участие).

Общеэкономический эффект определяет результаты инновационной деятельности ИО для всей национальной экономики, регионов и отраслей и характеризуется следующими типовыми показателями: выручка от реализации на внешнем и внутреннем рынках инновационного продукта; выручка от продажи лицензий, интеллектуальной собственности *Know How*, программного обеспечения; социальные и экологические последствия; поступления от импортных пошлин; кредиты иностранных государств и международных финансовых организаций, отечественных банков и кредитных организаций и т. д.

В состав понесенных затрат входят необходимые для обеспечения инновационной активности отраслевого производственного кластера издержки всех ее участников на уровне национальной экономики, региона (субъекта федерации), отрасли. Анализ инвестиционной активности осуществляется в целях выявления того, насколько благоприятным является инвестиционный климат в стране/регионе, какие источники финансирования задействованы и насколько эффективно они используются. А также, происходят ли обеспеченные в полном объеме ресурсами благоприятные и ожидаемые структурные сдвиги в национальной экономике.

В угрожающе складывающихся условиях инновационная активность является важнейшей компонентой процесса обеспечения успешного функционирования не только отдельно взятого экономического субъекта и/или кластера муниципального или регионального масштаба, но и страны в целом. В связи с этим возникает настоятельная потребность и необходимость проведения специального экономического анализа именно предметной деятельности каждого из участников инновационной деятельности.

Поиск оптимальных экономических, а следовательно, принятие обоснованных управленческих решений по результатам системного и детального анализа, их последующее тиражирование предполагает знание различных способов исследования возможных вариантов, образующих, кстати, контент так называемого кластерного анализа¹ [8]. К этим способам оценки мер различия в отношении количественных признаков в зависимости от принадлежности параметров, описывающих деятельность экономических субъектов в различных шкалах измерения, традиционно относят: «Евклидово расстояние», «Квадрат Евклидова расстояния», «Манхэттенское расстояние» (*Manhattan distance*), «Сумма мест», супремум-норма (*Supremum-norm*), «расстояние Махаланобиса», «расстояние Пирсона» и другие известные метрики.

Рассмотрим также еще одну весьма распространенную методику анализа, которая широко применяется при построении и подсчетах всевозможных рейтингов, экспертных заключений и суждений, в том числе в отношении инновационной активности экономического субъекта. Это методика многомерного статистического анализа, которая предусматривает решение любой рейтинговой задачи и получения экспертной оценки в четыре этапа (итерации, шага) [6].

На *первом этапе* осуществляется построение матрицы стандартных (стандартизованных, нормированных, нормализованных и т. п.) коэффициентов, получаемых привычным образом. Пусть имеются следующие данные, представленные в табл. 1, о результатах производственно-хозяйственной деятельности разных i -х предприятий ($i = \overline{1, n}$) одного профиля, инновационного вида основной экономической деятельности по предварительно отобранному перечню отчетных j -х показателей ($j = \overline{1, m}$). Величины этих показателей представляют собой распределение y_{ij} . По каждому предприятию оценивается стандартный коэффициент из ряда технико-экономических показателей следующего вида

$$\mathfrak{R}_{ij} = \frac{y_{ij}}{y_{ij}^{\max}}, \quad (1)$$

где $i = \overline{1, n}$ — номер экономического субъекта; $j = \overline{1, m}$ — типовые j -е показатели инновационной активности субъекта.

¹ Кластерный анализ — одно из перспективных современных направлений алгоритмизации действий аналитика при решении задач распознавания образов в условиях нечеткой, неполной, размытой информации. Понятие *кластер* используют для обозначения множества точек в пространстве признаков, не пересекающегося с другим множеством.

На *втором этапе* по результатам измерений стандартных коэффициентов составляется прямоугольная матрица так называемых квадратичных форм размерностью $[n \times m]$ в следующей записи:

$$\|M_{ij}\| = \begin{vmatrix} \mathfrak{R}_{11}^2 & \mathfrak{R}_{12}^2 & \dots & \mathfrak{R}_{1m}^2 \\ \mathfrak{R}_{21}^2 & \mathfrak{R}_{22}^2 & \dots & \mathfrak{R}_{2m}^2 \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \mathfrak{R}_{n1}^2 & \mathfrak{R}_{n2}^2 & \dots & \mathfrak{R}_{nm}^2 \end{vmatrix}. \quad (2)$$

Поскольку переменные y_{ij} принимают действительные значения, то квадратичная форма называется действительной. Матрица M_{ij} в выражении (2) называется матрицей квадратичной формы, ее ранг — рангом квадратичной формы ($\text{rang} M_{ij}$). Данная действительная квадратичная форма имеет полный ранг, поскольку $\text{rang} M_{ij} = \min\{m, n\}$, и ее называют невырожденной, поскольку $\det M_{ij} \neq 0$. Главные миноры матрицы M_{ij} называются главными минорами квадратичной формы в данном базисе. Более того, эта квадратичная форма является положительно определенной, так как все угловые миноры ее матрицы строго положительны. Соответственно, ранг матрицы — наивысший из порядков миноров этой матрицы, отличных от нуля.

На *третьем этапе*, согласно методике многомерного сравнительного анализа, квадратичные значения элементов строк и столбцов необходимо в зависимости от цели и задач анализа, специфики деятельности субъекта хозяйствования «взвесить», т. е. умножить на заданные экспертами весовые характеристики. Эти характеристики в виде коэффициентов λ_j , которые отражают значимость, «весомость» тех или иных технико-экономических показателей при проведении сравнительного анализа, в реальной практике работы специальных экспертов могут располагаться в диапазоне значений $1,00 \geq \lambda_j \geq 0,30$.

Если значение коэффициента λ_j меньше $0,30$, то такой технико-экономический показатель из рассмотрения изымается. Если же эксперты полагают все показатели деятельности равнозначными, т. е. $\lambda_j = 1$, то в этом случае процедура взвешивания квадратичных форм отменяется.

Наконец, на последнем *четвертом этапе* реализации рассматриваемой методики необходимо просуммировать взвешенные значения квадратичных форм по матрице из выражения (2) по каждому из анализируемых предприятий, участвующих в сравнении друг с другом, с получением соответствующего рейтинга R_i . Чем выше значение этого рейтинга, тем более высокое положение занимает соответствующее предприятие по совокупности выбранных критериев. В конкретном случае на первом месте находится тот i -й экономический субъект инновационной активности, который соответствует требованию

$$R_i^{\max} = \max \left\{ \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{ij}^2 \right\}. \quad (3)$$

Разобранную методику многомерного сравнительного анализа применительно к инновационной активности полезно проиллюстрировать самостоятельным примером из реальной хозяйственной жизни Санкт-Петербургского медико-фармацевтического кластера.

Пусть, в соответствии с российским законодательством о государственных закупках, на некую конкурсно-тендерную комиссию городской администрации СПб поступили заявки от предприятий, претендующих выиграть тендерные испытания на поставку ЛС/ЛП в аптечную и больничную сеть города либо на получение причитающихся льгот

на предстоящий период. Победитель тендера или аукциона в этом случае на законном основании заключит с администрацией договор на поставку продукции.

К подготовке предстоящего заседания конкурсно-тендерной комиссии (или даже аукциона) и рассмотрению представленных документов привлечена группа экспертов, которые формируют перечень показателей с учетом особенностей рода деятельности предприятий-конкурсантов и измеряют значимость каждого показателя с помощью согласованных весовых коэффициентов. При этом существует модификация методики, в которой каждый эксперт предлагает свою индивидуальную оценку весового коэффициента. На рассмотрение экспертов предлагаются следующие восемь оценочных показателей, сведенных в табл. 1.

Среди учтенных признаков-факторов должен, по мнению авторов, в обязательном порядке присутствовать коэффициент производственной локализации включенных в сравнительный анализ участников фармацевтического кластера из СПб ОЭЗ. Следует напомнить, что *локализация производства* по своей сути является процессом организации нового производства на территории страны с использованием производственных площадей, местного сырья и материалов, в основе которого, как правило, лежит зарубежная технология. Но *уровень локализации* представляет собой долю добавленной стоимости, созданной на национальной территории, в себестоимости товарной продукции или же в валовой выручке, полученной от ее реализации.

На сегодня существуют различные методики оценки уровня локализации, однако ни одна из них не учитывает специфики фармацевтического и медицинского производства. Методики отличаются разной степенью сложности и детализации, количеством задействованных информационных источников, необходимых для проведения расчетов, их доступностью для аналитика. Более продвинутые методики учитывают и локализацию НИОКР (*R&D*), что естественным образом отражает инновационную сущность производственного процесса и характеризует компоненту локализации.

Однако ни одна из известных методик не может считаться универсальной, поскольку не учитывает рисков, связанных с недостатками отечественной системы учета стоимости объектов интеллектуальной собственности, и отраслевой специфики. Отсюда приблизительность любых оценок *коэффициента локализации*. Тем не менее, авторы включили в расчет этот признак-фактор (см. гр. 10 табл. 1) как показатель доли производственной локализации в авторской оценке.

Согласно процедуре первого шага реализации методики выстраиваем матрицу стандартных коэффициентов \mathfrak{R}_{ij}

$$\mathfrak{R}_{ij} = \begin{vmatrix} 1,000 & 0,538 & 0,557 & 0,794 & 0,541 & 0,474 & 0,468 & 0,819 \\ 0,656 & 0,419 & 0,448 & 0,501 & 0,429 & 0,718 & 1,000 & 0,755 \\ 0,495 & 0,821 & 1,000 & 1,000 & 0,849 & 1,000 & 0,701 & 0,428 \\ 0,232 & 1,000 & 0,778 & 0,861 & 1,000 & 0,372 & 0,854 & 1,000 \\ 0,585 & 0,949 & 0,930 & 0,718 & 0,611 & 0,551 & 0,223 & 0,880 \end{vmatrix}. \quad (4)$$

Следующим шагом на базе прямоугольной матрицы стандартных коэффициентов \mathfrak{R}_{ij} из выражения (4) строится матрица квадратичных форм \mathbf{M}_{ij} .

$$\|\mathbf{M}_{ij}\| = \begin{vmatrix} 1,000 & 0,289 & 0,310 & 0,630 & 0,293 & 0,225 & 0,219 & 0,671 \\ 0,430 & 0,176 & 0,201 & 0,251 & 0,184 & 0,516 & 1,000 & 0,570 \\ 0,245 & 0,674 & 1,000 & 1,000 & 0,721 & 1,000 & 0,491 & 0,183 \\ 0,054 & 1,000 & 0,605 & 0,741 & 1,000 & 0,138 & 0,729 & 1,000 \\ 0,342 & 0,901 & 0,865 & 0,516 & 0,373 & 0,304 & 0,050 & 0,774 \end{vmatrix}. \quad (5)$$

Исходные данные для многомерного сравнительного анализа рейтинга инновационной активности экономического субъекта, входящего в медико-фармацевтический кластер ОЭЗ Санкт-Петербурга

№ п/п	Наименование предприятия СПб МФК	Доля затрат на НИОКР, %	Годовая производительность живого труда, тыс. руб. /чел	Доля продукции, предназначенной на экспорт, %	Обновляемость номенклатуры и ассортимента продукции, %	Коэффициент обновления основных средств, %	Доля инновационной продукции	Доля нематериальных активов в стоимости продукта, %	Доля производственной локализации*, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	ООО «Самсон-Мед»	65,20	12 673	11,80	8,42	12,13	0,37	23,41	32,15
2	НПАО «Биокад»	42,80	9 876	9,50	5,32	9,62	0,56	49,98	29,66
3	ООО «Новартис-Нева»	32,30	19 344	21,20	10,61	19,04	0,78	35,03	16,79
4	ООО «Герофарм»	15,10	23 569	16,50	9,13	22,43	0,29	42,67	39,27
5	ООО «Балтфармацветика»	38,16	22 376	19,72	7,62	13,70	0,43	11,13	34,55

* Примечание: данная характеристика в конкретный расчет инновационного рейтинга включена, но именно региональный коэффициент производственной локализации, построенный по методике 2008 года, которая в настоящее время пересматривается МЭРТ РФ, представляется наименее достоверным технико-экономическим показателем из имеющихся в распоряжении авторов характеристик. По мнению авторов, более-менее надежная и достоверно полная статистика имеется именно по представленной выборке из пяти предприятий, что временно ограничивает дальнейшее исследование других участников кластера.

Работа экспертов на следующем шаге свелась к построению консолидировано согласованной между специалистами матрицы-строки средних весовых коэффициентов (с вероятностью в **0,954**), которая выглядит следующим образом применительно к специфике хозяйственной деятельности медико-фармацевтического кластера и с учетом того или иного аспекта эффективности инновационной деятельности экономического субъекта

$$\lambda_j = | 0,92 \ 0,64 \ 0,87 \ 0,90 \ 0,76 \ 1,00 \ 0,85 \ 0,71 |. \quad (6)$$

Это позволило измерить рейтинг каждого из предприятий-претендентов на лучшую практику инновационной активности в соответствии с записью из выражения (3):

$$\begin{aligned} R_1 &= \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{1j}^2 = 0,920 + 0,185 + 0,270 + 0,567 + 0,223 + 0,225 + 0,186 + 0,476 = 3,052; \\ R_2 &= \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{2j}^2 = 0,396 + 0,113 + 0,174 + 0,226 + 0,140 + 0,516 + 0,850 + 0,405 = 2,820; \\ R_3 &= \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{3j}^2 = 0,225 + 0,431 + 0,870 + 0,900 + 0,548 + 1,000 + 0,417 + 0,130 = 4,521; \quad (7) \\ R_4 &= \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{4j}^2 = 0,050 + 0,640 + 0,526 + 0,667 + 0,760 + 0,138 + 0,620 + 0,710 = 4,111; \\ R_5 &= \sum_{j=1}^m \lambda_j \mathfrak{R}_{5j}^2 = 0,315 + 0,577 + 0,753 + 0,464 + 0,283 + 0,304 + 0,042 + 0,550 = 3,288. \end{aligned}$$

Как видно из величин оценок в выражении (7), максимальным инновационным рейтингом обладает предприятие с № 3 в табл. 1 (т. е. компания «Новартис-Нева»), что, правда, необязательно гарантирует ему предпочтение в выборе его в качестве официального вендора и исполнителя государственного или муниципального заказа после конкурсных испытаний.

Рассмотренная методика в ее модификации позволяет также обнаружить определенную, небескорыстную заинтересованность в исходе тендерных испытаний и скрытую аффилированность (от англ. *to affiliate* — связывать) отдельных экспертов, что в настоящее время уже находит применение для противодействия коррупционным схемам при распределении Госзаказа и выделении бюджетных средств на поддержку инновационных процессов. Графическая иллюстрация рассмотренного метода многомерного сравнительного анализа инновационной активности представлена на рис. 2.

Выводы. Необходимость срочного принятия стратегических решений по вопросам развития отечественной фармацевтической и медицинской промышленности обусловлена следующими острыми *проблемами*:

- Продолжает накапливаться технологическое отставание российской фармацевтической и медицинской промышленности, поэтому выпуск конкурентоспособной импортозамещающей продукции становится попросту невозможным (например, невозможность перехода отрасли на стандарты *GMP, GLP, GCP, ISO 9001* без масштабных инвестиций);
- Не разработана какая-либо приемлемая система стимулирования предприятий отечественной фармацевтической и медицинской промышленности к разработке и производству собственных инновационных ЛС/ЛП, медицинской техники и изделий медицинского назначения;

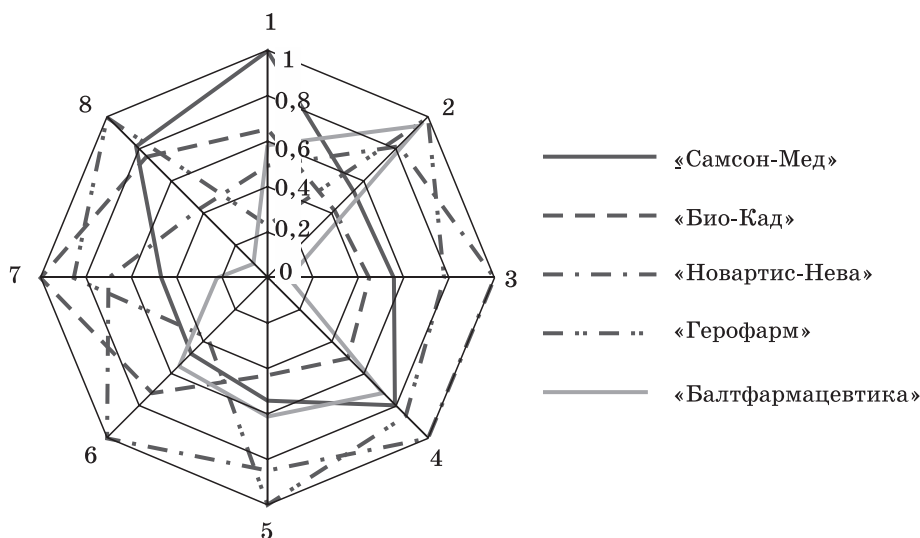

Рис. 2. Диаграмма сравнительных характеристик инновационной активности пяти выборочных предприятий СПб МФК ОЭЗ по группе выбранных технико-экономических показателей, пересчитанных на уровни стандартных коэффициентов \mathfrak{R}_{ij} по состоянию на начало 2014 г.: 1 — доля затрат на НИОКР, %; 2 — производительность живого труда; 3 — доля продукции, предназначенной на экспорт, %; 4 — обновляемость номенклатуры и ассортимента продукции, %; 5 — коэффициент обновления основных средств, %; 6 — доля инновационной продукции; 7 — доля нематериальных активов в стоимости продукта, %; 8 — региональный коэффициент (доля) производственной локализации

- Отсутствует современная отраслевая и региональная инфраструктура венчурных инвестиций в новые разработки медико-фармацевтических кластеров и в коммерциализацию старых отечественных запатентованных разработок;
- По результатам опросов руководителей фармацевтических предприятий и по мнениям экспертов, одна из лидирующих проблем, с которыми им приходится сталкиваться — это острый дефицит квалифицированных кадров для отрасли.

Соображения же, изложенные в данной статье, предельно сжато позволяют авторам сделать, по крайней мере, три существенных и взаимосвязанных вывода более общего порядка:

1. Инновационный потенциал страны складывается из соответствующих потенциалов хозяйствующих субъектов, экономических территорий, регионов и конкретных субъектов федераций, а также долговременного инвестирования в человеческий потенциал/капитал и в индустрию нового знания.
2. Только общность территории, природно-климатических особенностей, ответственное место и сложившаяся роль в общественном разделении труда страны позволяют региону быстро и с минимальными затратами решать в инновационном ключе и в режиме кластеризации крупные народно-хозяйственные проблемы, стоящие перед отдельным регионом и страной.
3. При преодолении любой серьезной народно-хозяйственной проблемы модернизации независимо от ее масштаба на уровне отдельно взятого региона особое значение приобретает оперативное решение на местах вопросов социально-экономического развития и создание необходимого инновационного потенциала.

При этом роль государства состоит в создании и финансировании необходимой инфраструктуры для инновационной активности всех видов и форм и желательного по работоспособным схемам ГЧП/ЧГП.

Литература

1. *Валеахметов Н. И., Цацулин А. Н.* Формирование инновационной стратегии развития предпринимательской структуры кластерного типа в регионе. СПб. : ЦНИТ «Астерион», 2009.
2. *Воронов В. С.* Финансовое посредничество на рынке интеллектуальной собственности: институты и инструменты. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2011.
3. *Скляр А. В., Цацулин А. Н.* О моделировании налоговых поступлений в региональные бюджеты // *Управленческое консультирование*. 2012. № 1(45). С. 100–111.
4. *Хомутский Д.* Как измерить инновации? // *Управление компанией*. 2006. № 2. С. 47–54.
5. *Цацулин А. Н., Яковлев М. А.* Показатели инновационной активности хозяйствующих субъектов: мифы и реалии // *Вестник национальной академии туризма*. 2013. № 2. С. 58–62.
6. *Цацулин А. Н.* Экономический анализ: учебник для вузов в 2 т. / Под ред. проф. А. Н. Цацулина. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2012.
7. *Keller W. W., Samuels R. J.* *Crisis and Innovations in Asian Technology*. Cambridge University Press, 2003.
8. *Valente de Oliveira J., Pedrycz W.* *Advances in fuzzy clustering and its application*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2007.

References

1. Valeakhmetov N. I., Tsatsulin A. N. *Formation of innovative strategy of development of enterprise structure of cluster type in the region* [Formirovanie innovatsionnoi strategii razvitiya predprinimatel'skoi struktury klasterного типа v regione]. SPb. : «Asterion», 2009. (rus)
2. Voronov V. S. *Financial mediation in the market of intellectual property: institutes and tools* [Finansovoe posrednichestvo na rynke intellektual'noi sobstvennosti: instituty i instrument]. SPb. : Publishing house of Polytechnic University [Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta], 2011. (rus)
3. Sklyar A. V., Tsatsulin A. N. *On the modeling of tax revenues to regional budgets* [O modelirovani nalogovykh postuplenii v regional'nye byudzhety] // *Administrative consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 1(45). P. 100–111. (rus)
4. Homutsky D. *How to measure innovations?* [Kak izmerit' innovatsii?] // *Company management* [Upravlenie kompaniei]. 2006. N 2. (rus)
5. Tsatsulin A. N., Yakovlev M. A. *Indicators of innovative activity of economic entities: myths and realities* [Pokazateli innovatsionnoi aktivnosti khozyaistvuyushchikh sub"ektov: mify i realii] // *Bulletin of National Academy of Tourism* [Vestnik natsional'noi akademii turizma]. 2013. N 2. P. 58–62. (rus)
6. Tsatsulin A. N. *Economic analysis* [Ekonomicheskii analiz]. Textbook, V. 1, 2nd edition, the standard of the third generation /Ser. Textbook for Higher Education Institutions. SPb. : Publishing house «Piter», 2014. (rus)
7. Keller W. W., Samuels R. J. *Crisis and Innovations in Asian Technology*. Cambridge University Press, 2003.
8. Valente de Oliveira J., Pedrycz W. *Advances in fuzzy clustering and its application*. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2007.

Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Бурилина М. А.

Разработка математической модели для количественной оценки последствий незаконных финансовых операций*

Макаров Валерий Леонидович

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)
 Директор
 Академик РАН
 Доктор физико-математических наук, кандидат экономических наук, профессор
 makarov@cemi.rssi.ru

Бахтизин Альберт Рауфович

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)
 Заместитель директора по научной работе
 Доктор экономических наук, профессор РАН
 albert.bakhtizin@gmail.com

Сушко Елена Давидовна

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)
 Ведущий научный сотрудник
 Кандидат экономических наук
 sushko_e@mail.ru

Бурилина Мария Алексеевна

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)
 Научный сотрудник
 maribu@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье в краткой форме описывается вычисляемая модель общего равновесия социально-экономической системы России, позволяющая провести количественную оценку последствий незаконных финансовых операций (изъятие бюджетных средств; уклонение от уплаты налогов физическими и юридическими лицами; вывод финансовых активов за рубеж) на основные макроэкономические показатели. С помощью модели были проведены вычислительные эксперименты, оценивающие связь между некоторыми составляющими теневой экономики и основными макроэкономическими показателями страны (ВВП и индексом потребительских цен), результаты которых приводятся в конце статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

незаконные финансовые операции, коррупция, вычисляемые модели общего равновесия, CGE модели

Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Sushko E. D., Burilina M. A.

Development of Mathematical Model for a Quantitative Assessment of Consequences of Illegal Financial Operations

Makarov Valery Leonidovich

The Central economic-mathematical institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 Director
 Academician of Russian Academy of Sciences
 Doctor of Physical and mathematical sciences, Candidate of Economic sciences, professor
 makarov@cemi.rssi.ru

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Финансово-правовые механизмы обеспечения прозрачности ведения бизнеса».

Bakhtizin Albert Raufovich

The Central economic-mathematical institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Deputy Director for science
Doctor of Economic Sciences
Professor of the Russian Academy of Sciences,
albert.bakhtizin@gmail.com

Sushko Elena Davidovna

The Central economic-mathematical institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Leading researcher
Candidate of Economic sciences
sushko_e@mail.ru

Burilina Maria Alekseevna

The Central economic-mathematical institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Research associate
Research Associate
maribu@mail.ru

ABSTRACT

In this article we observe a short form of the computable model of the general equilibrium of social and economic system in Russian Federation. It is allowing to carry out a quantitative assessment of consequences of illegal financial operations is described (withdrawal of budgetary funds; evasion of taxes by natural and legal entities; a conclusion of financial assets abroad) on the main macroeconomic indicators. By means of model the computing experiments are estimating communication between some components of shadow economy and the main macroeconomic indicators of the country (GDP and a consumer price index), the results of it are given in the end of article.

KEYWORDS

illegal financial operations, corruption, computable models of the general equilibrium, CGE model

Введение

В настоящее время одними из основных проблем отечественной (равно как и мировой) экономики являются незаконные финансовые операции, направленные на сокрытие источников доходов.

Не вызывает сомнения то, что незаконные финансовые операции, связанные с различными коррупционными схемами, уклонением от уплаты налогов и/или выводом финансовых активов за рубеж, наносят значительный ущерб экономике, поскольку достигли масштабов, объем которых превращает их в фактор политического влияния на национальном, региональном и муниципальном уровнях, тем самым угрожая национальной безопасности многих стран мира. И Россия здесь, к сожалению, не является исключением.

Кроме того, если в 1990-е гг. незаконные финансовые операции обеспечивали незаконный оборот наркотиков, торговлю оружием, то с начала 2000-х гг. они стали использоваться для финансирования террористических актов и организаций.

В связи с вышесказанным также не вызывает сомнения, что важно обладать надежным инструментарием для объективной (желательно, количественной) оценки величины этого ущерба в зависимости как от особенностей экономики страны и правил ее регулирования, так и от масштаба теневой экономики. Все чаще отмечается необходимость междисциплинарных исследований в целях повышения эффективности международно-правовых и национально-правовых механизмов борьбы с данным явлением [9].

Основная цель исследования, проведенного совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и инициированного Росфинмониторингом, заключалась в построении вычислимой модели общего равновесия социально-экономической системы России, позволяющей провести количественную оценку последствий незаконных финансовых операций с точки зрения их влияния на основные макроэкономические показатели страны.

По своей сути вычислимая модель общего равновесия (Computable General Equilibrium models — CGE model) представляет собой систему уравнений, решением которой является общее экономическое равновесие, сводящееся, как правило, к уравниванию спроса и предложения на рынках товаров и услуг, рассматриваемых в модели. CGE моделирование — это новое направление в прикладной экономике, позволяющее найти подходы к решению широкого круга задач, относящихся, в основном, к государственному регулированию экономики; оно сформировалось и получило широкое распространение во всем мире благодаря появлению компьютеров.

Ниже перечислены основные преимущества моделей этого класса, определившие выбор инструмента для упомянутой выше оценки:

1. Возможность прогнозирования последствий структурных изменений в экономической системе.
2. Возможность оценки мультипликативного эффекта от влияния оцениваемого параметра.
3. CGE модели являются более тонким инструментом для анализа благодаря учету экономического поведения агентов.

Сегодня вычислимые модели общего равновесия активно используют Федеральная резервная система США, Банк Англии, центральные банки некоторых других европейских стран, а также Международный валютный фонд.

В свою очередь ЦЭМИ РАН имеет большой опыт разработки CGE моделей, разработанных для различных органов государственного управления России (Счетная палата РФ, Контрольно-счетная палата г. Москвы, Министерство экономического развития РФ, Министерство экономики Московской области, Федеральная служба по тарифам, Фонд социального страхования).

CGE моделям посвящено большое количество литературы, однако в нашей стране моделям этого класса не уделялось должного внимания. Тем не менее, в публикациях последних лет [1–8; 11] были описаны недавно созданные CGE модели России и ее регионов, а также был проведен широкий обзор зарубежных аналогов. В связи с этим мы не будем проводить анализ работ в области CGE моделирования, но ниже рассмотрим некоторые аспекты разработанной нами модели.

Применительно к оценке некоторых негативных явлений теневой экономики, связанных с незаконными финансовыми операциями и коррупцией, были разработаны и использованы несколько CGE моделей. Так, с использованием данных Проекта анализа глобальной торговли (Global Trade Analysis Project, GTAP) была построена CGE модель для оценки влияния институциональных реформ на прозрачность торговой политики стран Азиатско-Тихоокеанского региона [10; 12]. Известная CGE модель, разработанная в Каирском университете, была использована для оценки уровня коррупции в стране в результате либерализации торговых отношений как внутри государства, так и с другими странами¹.

Успешное применение моделей данного класса дает основание предполагать правильность выбора инструмента для нашего исследования.

¹ Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., Бурилина М. А. Отчет по Программе фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Финансово-правовые механизмы обеспечения прозрачности ведения бизнеса», 2015. С. 346.

Далее мы приведем краткое описание разработанной модели, затем — результаты имитации некоторых незаконных финансовых операций и их влияния на основные макроэкономические показатели.

1. CGE модель для количественной оценки последствий незаконных финансовых операций

В первую очередь, разработанная нами модель позволяет получить количественную оценку различных сценариев следующих действий:

- 1) изъятие бюджетных средств;
- 2) уклонение от уплаты налогов физическими и юридическими лицами;
- 3) вывод финансовых активов за рубеж.

Помимо этого, с помощью разработанной модели можно получить количественные оценки эффекта от воздействий на экономическую систему, выражающегося в изменении следующих основных показателей:

- 1) объема инвестиций в основные фонды предприятий и организаций России;
- 2) ставок НДС, налога на прибыль предприятий и организаций, налога на имущество, налога на доходы физических лиц и социальных налогов;
- 3) ставок депозитов для предприятий и физических лиц;
- 4) объема социальных трансфертов домашним хозяйствам России (пенсии, пособия и т. д.);
- 5) объема денежной массы в экономике.

Далее мы перечислим экономических агентов и основные взаимосвязи между ними, в последующих пунктах приведем конечные формулы, а затем проверим адекватность модели.

1.1. Краткое описание модели (экономические агенты и основные взаимосвязи)

Модель представлена 5 экономическими агентами.

Экономический агент № 1 — совокупный производитель товаров и услуг. Сюда входят все легально зарегистрированные участники экономической системы, производящие товары и услуги.

Экономический агент № 2 — совокупный потребитель, объединяющий в себе домашние хозяйства России.

Экономический агент № 3 — правительство, представленное совокупностью федерального, региональных и местных правительств, а также внебюджетными фондами. Кроме того, в этот сектор входят некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства (политические партии, профсоюзы, общественные объединения и т. д.).

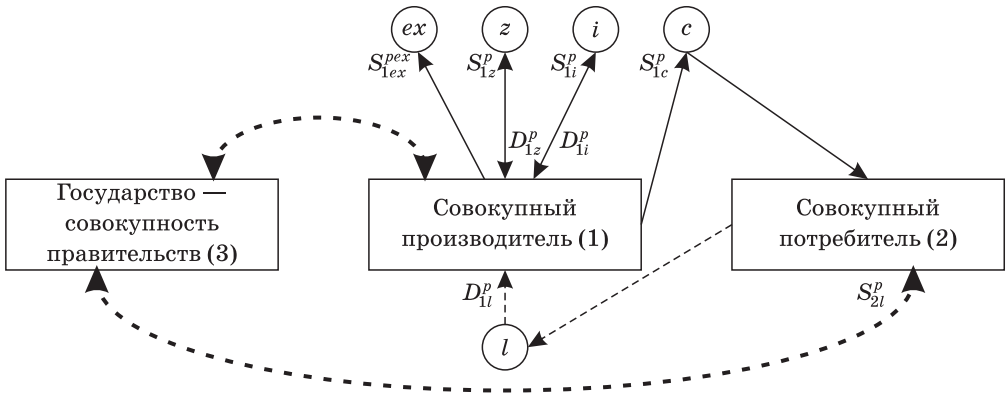
Экономический агент № 4 — банковский сектор, включающий в себя Центральный банк России и коммерческие банки.

Экономический агент № 5 — внешний мир.

На рис. 1 представлена концептуальная схема, отражающая работу модели в общем виде.

Согласно рис. 1, сектор-производитель производит продукт, распределяемый по 4 направлениям:

- 1) конечные товары для совокупного потребителя S_{1c}^p , включающие в себя потребительские товары текущего потребления (продукты питания и т. д.), товары длительного потребления (бытовая техника, автомобили и т. д.), а также услуги;

Обозначения на схеме: прямоугольник — экономический агент; окружность — рынок, на котором происходит торговля соответствующим товаром между рассматриваемыми в модели экономическими агентами.
 c — рынок конечных товаров для совокупного потребителя (домашних хозяйств);
 z — рынок промежуточных товаров; i — рынок инвестиционных товаров; l — рынок рабочей силы; ex — рынок экспортных товаров. «Входящая» на рынок стрелка означает, что агент предлагает товар на рынке, а «исходящая» — что агент покупает товар. Тонкая пунктирная стрелка отражает действия агентов, связанные со спросом и предложением рабочей силы, а жирная пунктирная стрелка — налоговые платежи и субсидии.

Рис. 1. Концептуальная схема CGE модели

- 2) промежуточные товары S_{lz}^p , включающие в себя товары и услуги, потребленные в течение отчетного периода в качестве затрат на производство товаров и услуг;
- 3) инвестиционные товары — затраты на улучшение произведенных и произведенных материальных активов (иными словами, затраты на создание основного капитала) — S_{li}^p ;
- 4) экспортные товары — S_{lex}^p .

Таким образом всего в модели используется 4 вида товаров.

Для производства перечисленных товаров агент-производитель покупает факторы производства:

- 1) рабочую силу — D_{li}^p ;
- 2) промежуточные товары — D_{lz}^p ;
- 3) инвестиционные товары — D_{li}^p .

Экономический агент № 3 устанавливает налоговые ставки, определяет доли бюджета, идущие на субсидирование производителей и на социальные трансферты.

Банковский сектор определяет проценты для привлеченных депозитов и выпускает в обращение деньги.

Совокупный потребитель покупает конечные товары — D_{2c}^p . Кроме того, в рамках этого сектора определяется предложение рабочей силы — S_{2l}^p .

Подсчитаем количество рынков в модели: 1 рынок конечных товаров для совокупного потребителя + 1 рынок промежуточных товаров + 1 рынок инвестиционных товаров + 1 рынок экспортных товаров = 4 товарных рынка. В модель также включен рынок труда. Таким образом, общее число рынков в модели $4 + 1 = 5$.

Конечные формулы модели приведены в итоговом отчете по Программе фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Финансово-правовые механизмы обеспечения прозрачности ведения бизнеса», но для данной статьи они не

имеют принципиального значения, поскольку мы уделяем больше внимания результатам проведенных расчетов. В этой связи ограничимся кратким описанием модели, приведенным выше.

1.2. Адекватность модели — ретроспективный прогноз

Перед проведением вычислительных экспериментов необходимо проверить адекватность модели с целью выяснения ее способности давать точные прогнозные значения.

Модель откалибрована на период с 2000 по 2013 гг. При этом известны фактические значения интегральных показателей модели (ВВП и индекса потребительских цен) за 2014 г.

Для проверки адекватности модели мы продлили значения всех экзогенных показателей модели на проверяемый период. При этом их калибровка не проводилась.

Таким образом, после расчета эндогенных переменных мы можем посмотреть отклонение данных, полученных в результате расчетов, от фактических значений.

В табл. 1 представлены расчетные и фактические значения для ВВП и индекса потребительских цен России.

Как видно из таблицы, за проверяемый период расчетные значения незначительно отклонились от фактических, что дает основания предполагать получение относительно достоверных оценок на весь рассматриваемый период (до 2020 г.).

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели России (2000–2013 гг. — откалиброванный период, 2014 г. — проверяемый период)

Период	ВВП России в ценах базового периода (2000 г.)		Индекс потребительских цен, в % к предыдущему году	
	Расчетные показатели	Фактические показатели	Расчетные показатели	Фактические показатели
2000	7305,6	7305,6	120,8	120,8
2001	7677,586	7677,586	121,5	121,5
2002	8041,793	8041,793	115,8	115,8
2003	8632,743	8632,743	113,7	113,7
2004	9249,432	9249,432	110,9	110,9
2005	9841,396	9841,396	112,7	112,7
2006	10 648,39	10 648,39	109,7	109,7
2007	11 553,50	11 553,50	109,0	109,0
2008	12 154,29	12 154,29	114,1	114,1
2009	11 206,25	11 206,25	111,7	111,7
2010	11 710,53	11 710,53	106,9	106,9
2011	12 214,09	12 214,09	108,4	108,4
2012	12 629,36	12 629,36	105,1	105,1
2013	12 793,55	12 793,55	106,8	106,8
2014	12 870,31	12 542,75	111,4	111,9

2. Результаты расчетов

Как говорилось выше, с помощью разработанной модели нами была произведена оценка последствий некоторых незаконных финансовых операций с точки зрения их влияния на основные макроэкономические показатели. Оценка последствий осуществлялась для различных сценариев следующих действий (реализованных в виде трех серий расчетов):

- 1) изъятие бюджетных средств (т. е. имитация коррупционных схем);
- 2) уклонение от уплаты налогов физическими и юридическими лицами;
- 3) вывод финансовых активов за рубеж.

2.1. Первая серия расчетов. Изъятие средств из консолидированного бюджета

Первая серия вычислительных экспериментов представляет собой имитацию процесса изъятия денежных средств из консолидированного бюджета страны и направления этих средств домашним хозяйствам. Таким образом, нами имитировался процесс хищения напрямую или, что встречается чаще, вполне «легальный» процесс освоения бюджетных средств. К примеру, на бюджетные деньги происходят закупки различного оборудования, офисной техники для государственных учреждений. При этом объявляется конкурс поставщиков-производителей, но только формально, поскольку на самом деле победитель уже известен. После выделения соответствующих средств происходит процесс отката довольно существенной суммы наличными непосредственно чиновникам.

Конкретно в модели мы рассматриваем следующие варианты изъятия бюджетных средств с последующим перенаправлением их домашним хозяйствам:

- Вариант № 1: изъятие 10% средств консолидированного бюджета.
- Вариант № 2: изъятие 20% средств консолидированного бюджета.
- Вариант № 3: изъятие 30% средств консолидированного бюджета.

В 2014 г. расходы консолидированного бюджета составили 26 766,1 млрд руб. Суммы, эквивалентные 10%, 20% и 30%, изъятые и перенаправленные домашним хозяйствам, составляют соответственно 2676,6, 5353,2 и 8029,8 млрд. руб. В модели мы проигрываем варианты предполагаемого развития экономики с 2016 по 2020 гг. Пролонгированные значения изъятых денежных средств в 2020 г. составляют при-

Таблица 2

Результаты расчетов последствий изъятия денег из консолидированного бюджета и перенаправления их домашним хозяйствам: отклонения от индексов ВВП и ИПЦ, рассчитанных для инерционного варианта развития экономики, в процентных пунктах (+) прирост, (-) снижение

	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП России					
Вариант 1	-1,062	-1,011	-0,998	-0,960	-0,934
Вариант 2	-2,074	-2,035	-1,920	-1,856	-1,754
Вариант 3	-3,149	-3,046	-2,880	-2,790	-2,624
Индекс потребительских цен					
Вариант 1	1,165	1,062	0,973	0,896	0,845
Вариант 2	2,317	2,125	1,946	1,792	1,702
Вариант 3	3,482	3,187	2,906	2,701	2,547

мерно 3616,5, 7233,0 и 10 849, 4 млрд руб. соответственно. Средства изымаются ежегодно вплоть до последнего рассматриваемого в модели года (2020 г.). В табл. 2 представлены результаты расчетов.

Вырисовывается следующая картина. Поступившие домашним хозяйствам бюджетные деньги спровоцировали рост расходов на потребительские товары, что в свою очередь вызвало рост цен, поскольку с одной стороны вырос спрос, а с другой — недополученные производителем субсидии из бюджета спровоцировали снижение объема производства товаров и услуг.

В итоге при реализации всех вариантов мы получили снижение среднегодовых темпов роста ВВП, и таким образом к 2020 г. нереализованный потенциал прироста ВВП за 5 лет к 2015 г. составил 4,966; 9,638 и 14,490 процентных пунктов для трех вариантов соответственно.

Что касается индекса потребительских цен, то мы имеем прирост среднегодовых значений на 0,988, 1,976 и 2,964 процентных пунктов для рассмотренных случаев.

2.2. Вторая серия расчетов. Уклонение от уплаты налогов физическими и юридическими лицами

Вторая серия вычислительных экспериментов представляет собой имитацию процесса уклонения от уплаты налогов физическими и юридическими лицами и направления этих средств домашним хозяйствам.

Конкретно в модели мы рассматриваем следующие варианты этого процесса:

- Вариант № 1: уклонение от уплаты налогов на 10% от общего объема налоговых поступлений.
- Вариант № 2: уклонение от уплаты налогов на 20% от общего объема налоговых поступлений.
- Вариант № 3: уклонение от уплаты налогов на 30% от общего объема налоговых поступлений.

В 2014 г. поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации составило 12 669,5 млрд руб. Суммы, эквивалентные 10%, 20% и 30%, направленные домашним хозяйствам, составляют соответственно 1267,0, 2 533,9 и 3 800,9 млрд. рублей. В модели мы проигрываем варианты предполагаемого развития экономики с 2016 по 2020 гг. Пролонгированные значения этих величин в 2020 г. составляют примерно 1725,6, 3451,2 и 5176,8 млрд руб.

Таблица 3

Результаты расчетов последствий уклонения от уплаты налогов физическими и юридическими лицами и направления этих средств домашним хозяйствам: отклонения от индексов ВВП и ИПЦ, рассчитанных для инерционного варианта развития экономики, в процентных пунктах (+) прирост, (–) снижение

	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП России					
Вариант 1	-0,508	-0,468	-0,492	-0,455	-0,446
Вариант 2	-0,956	-0,990	-0,911	-0,848	-0,867
Вариант 3	-1,499	-1,504	-1,437	-1,342	-1,223
Индекс потребительских цен					
Вариант 1	0,558	0,499	0,469	0,414	0,419
Вариант 2	1,085	0,998	0,916	0,826	0,792
Вариант 3	1,660	1,483	1,326	1,342	1,249

соответственно. Средства перераспределяются согласно описанной выше схеме ежегодно вплоть до последнего, рассматриваемого в модели года (2020 г.). В табл. 3 представлены результаты расчетов.

В данном случае мы получили тот же негативный эффект, что и в предыдущей серии расчетов, но с меньшими значениями. Поступившие домашним хозяйствам бюджетные деньги спровоцировали рост расходов на потребительские товары, что в свою очередь вызвало рост цен, поскольку с одной стороны вырос спрос, а с другой — недополученные производителем субсидии из бюджета спровоцировали снижение объема производства товаров и услуг. В итоге, при реализации всех вариантов мы получили снижение среднегодовых темпов роста ВВП, и, таким образом, к 2020 г. нереализованный потенциал прироста ВВП за 5 лет к 2015 г. составил 2,368, 4,570 и 7,005 процентных пунктов для трех вариантов соответственно.

Что касается индекса потребительских цен, то мы имеем прирост среднегодовых значений на 0,472, 0,923 и 1,412 процентных пунктов для рассмотренных случаев.

2.3. Третья серия расчетов. Вывод финансовых активов за рубеж

Третья серия вычислительных экспериментов представляет собой имитацию процесса изъятия денежных средств из консолидированного бюджета страны и вывода их за рубеж.

Денежные средства будут такие же, как и в первой серии расчетов, но при этом они не поступают домашним хозяйствам, а просто выводятся из модели.

- Вариант № 1: изъятие 10% средств консолидированного бюджета.
- Вариант № 2: изъятие 20% средств консолидированного бюджета.
- Вариант № 3: изъятие 30% средств консолидированного бюджета.

Так же, как и в первой серии расчетов, пролонгированные значения изъятых денежных средств в 2020 г. составляют примерно 3616,5, 7233,0 и 10 849,4 млрд руб. для трех вариантов соответственно. Средства изымаются ежегодно вплоть до последнего рассматриваемого в модели года (2020 г.). В табл. 4 представлены результаты расчетов.

Как видно, процесс изъятия из бюджета средств, в итоге не поступивших ни домашним хозяйствам, ни совокупному производителю, приводит к крайне негативным последствиям. Недополученные производителем субсидии из бюджета спровоцировали снижение объема производства товаров и услуг. При реализации

Таблица 4

Результаты расчетов последствий от изъятия денег из консолидированного бюджета и вывода их из модели: отклонения от индексов ВВП и ИПЦ, рассчитанных для инерционного варианта развития экономики, в процентных пунктах (+) прирост, (-) снижение

	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП России					
Вариант 1	-2,050	-1,842	-1,948	-1,825	-1,757
Вариант 2	-3,998	-3,791	-3,580	-3,665	-3,309
Вариант 3	-6,170	-5,784	-5,243	-5,338	-4,918
Индекс потребительских цен					
Вариант 1	-1,236	-1,092	-1,049	-0,938	-0,930
Вариант 2	-2,509	-2,190	-2,131	-1,903	-1,835
Вариант 3	-3,608	-3,259	-3,074	-2,855	-2,772

всех вариантов мы также получили снижение среднегодовых темпов роста ВВП, и, к 2020 г. нереализованный потенциал прироста ВВП за 5 лет к 2015 г. составил 9,422, 18,344 и 27,453 процентных пунктов для трех вариантов соответственно.

Что касается индекса потребительских цен, то, хотя мы имеем снижение среднегодовых значений на – 1,049, – 2,113 и – 3,114 процентных пунктов для рассмотренных случаев, это никак не компенсирует резкое снижение индексов ВВП.

Заключение

В рамках исследования нами была проанализирована связь между некоторыми незаконными финансовыми операциями и основными макроэкономическими показателями страны (ВВП и индексом потребительских цен).

Резюмируя, отметим, что рассмотренные аспекты теневой экономики — хищения из бюджета и уклонения от уплаты налогов — приводят к негативным последствиям для экономики страны. Зачастую производитель транслирует издержки, идущие на взятки, в цену своей продукции, что также приводит к росту цен. В любом случае, в конечном счете, страдает большая часть населения страны, не имеющая отношения к дележу бюджетных средств и получению взяток и откатов. Что касается вывода средств, то этот процесс имеет еще более негативные последствия, и, хотя происходит снижение инфляции, оно никак не компенсирует резкое падение индексов ВВП.

Понятно, что проведенные нами расчеты представляют собой приближительные оценки, поскольку разработанная модель является агрегированной, не учитывает межотраслевого взаимодействия и реакцию агентов микроуровня. В этой связи, дальнейшее исследование может заключаться как в дезагрегировании модели по отраслям, так и в рассмотрении более подробно отдельных групп домохозяйств.

Литература

1. Бахтизин А. Р. Вычислимая модель «Россия: Центр — Федеральные округа». Препринт WP/2003/151. М. : ЦЭМИ РАН, 2003.
2. Бахтизина Н. В. CGE модель конкурирующих партий России // Материалы четвертого Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М. : ЦЭМИ РАН, 2003.
3. Бекларян Г. Л. Анализ эффективности экономической политики России с помощью вычислимой модели общего равновесия, описывающей взаимодействие совокупного потребителя, совокупного производителя и государства. Препринт WP/2002/143. М. : ЦЭМИ РАН, 2002.
4. Бесстремьянная Г. Е., Бахтизин А. Р. Вычислимая модель «Социальная Россия». Препринт WP/2004/173. М. : ЦЭМИ РАН, 2004.
5. Макаров В. Л. Вычислимая модель российской экономики (RUSEC) / Препринт WP/99/069. М. : ЦЭМИ РАН, 1999.
6. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р. Эффективный способ оценки государственной политики // Экономика и управление. Уфа, 2001. № 4.
7. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Бахтизина Н. В. (2005): CGE модель социально-экономической системы России со встроеными нейронными сетями. М. : ЦЭМИ РАН, 2005.
8. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сулакшин С. С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М. : Научный эксперт, 2007.
9. Хабриева Т. Я. Правовые механизмы имплементации международных антикоррупционных конвенций в национальное законодательство // Правовые проблемы противодействия коррупции (материалы Международной научной конференции «Правовые проблемы противодействия коррупции». Москва, 2 ноября 2011 г.) / отв. ред. Л. В. Андриченко, О. О. Журавлева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012.
10. Abe, Wilson (2008): Governance, Corruption, and Trade in the Asia Pacific Region, Policy Research. Working Paper 4731.
11. Alekseev A., Tourdyeva N., Yudaeva K. (2003): Estimation of the Russia Trade Policy with the Help of the Computable General Equilibrium Model. CEFIR Academic papers.

12. Helble Matthias, Shepherd Ben and John S. Wilson (2007): *Transparency and Trade Facilitation in the Asia Pacific: Estimating the Gains from Reform*. Mimeo, World Bank Development Research Group.
13. Zaki Chahir (2009): *Towards an Explicit Modeling of Trade Facilitation in CGE models: Evidence from Egypt*, Preliminary version April, 2009.
14. Zaki Chahir (2011): *Assessing the global effect of trade facilitation: evidence from the mirage model* Working Paper 659, December 2011.

References

1. Bakhtizin A. R. *Computable model "Russia: The center — Federal districts"* [Vychislimaya model' «Rossiya: Tsentr — Federal'nye okruga»]. Preprint WP/2003/151. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 2003. (rus)
2. Bakhtizina N. V. *CGE model of the competing parties of Russia* [CGE model' konkuriruyushchikh partii Rossii] // Materials of the fourth Russian symposium "Strategic planning and development of the enterprises" [Materialy chetvertogo vserossiiskogo simpoziuma «Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatii»]. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 2003. (rus)
3. Beklaryan G. L. *The analysis of efficiency of economic policy of Russia by means of the computable model of the general balance describing interaction of the cumulative consumer, cumulative producer and state* [Analiz effektivnosti ekonomicheskoi politiki Rossii s pomoshch'yu vychislimoi modeli obshchego ravnovesiya, opisyvayushchei vzaimodeistvie sovokupnogo potrebitelya, sovokupnogo proizvoditelya i gosudarstva]. Preprint WP/2002/143. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 2002. (rus)
4. Besstremyannaya G. E., Bakhtizin A. R. *Computable model «Social Russia»* [Vychislimaya model' «Sotsial'naya Rossiya»]. Preprint WP/2004/173. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 2004. (rus)
5. Makarov V. L. *Computable model of the Russian economy (RUSEC)* [Vychislimaya model' rossiiskoi ekonomiki (RUSEC)] / Preprint WP/99/069. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 1999. (rus)
6. Makarov V. L., Bakhtizin A. R. *Effective way of an assessment of a state policy* [Effektivnyi sposob otsenki gosudarstvennoi politiki] // *Economy and management* [Ekonomika i upravlenie]. 2001. N 4. (rus)
7. Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Bakhtizina N. V. (2005). *CGE model of social and economic system of Russia with the built-in neural networks* [CGE model' sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy Rossii so vstroennymi neironnymi setyami]. M. : CEMI of the Russian Academy of Sciences [TsEMI RAN], 2005. (rus)
8. Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Sulakshin S. S. *Application of computable models in public administration* [Primenenie vychislimyykh modelei v gosudarstvennom upravlenii]. M.: Scientific expert [Nauchnyi ekspert], 2007. (rus)
9. Habriyeva T. Ya. *Legal mechanisms of implementation of the international anti-corruption conventions in the national legislation* [Pravovye mekhanizmy implementatsii mezhdunarodnykh antikorrupcionnykh konventsii v natsional'noe zakonodatel'stvo] // Legal problems of counteraction of corruption (materials of the International scientific conference «Legal Problems of Counteraction of Corruption». Moscow, on November 2, 2011) [Pravovye problemy protivodeistviya korruptsii (materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pravovye problemy protivodeistviya korruptsii». Moskva, 2 noyabrya 2011 g.)] / executive edition of L. V. Andrichenko, O. O. Zhuravleva. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence» [Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; ID «Yurisprudentsiya»], 2012. (rus)
10. Abe, Wilson (2008): *Governance, Corruption, and Trade in the Asia Pacific Region, Policy Research*. Working Paper 4731.
11. Alekseev A., Tourdyeva N., Yudaeva K. (2003): *Estimation of the Russia Trade Policy with the Help of the Computable General Equilibrium Model*. CEFIR Academic papers.
12. Helble Matthias, Shepherd Ben and John S. Wilson (2007): *Transparency and Trade Facilitation in the Asia Pacific: Estimating the Gains from Reform*. Mimeo, World Bank Development Research Group.
13. Zaki Chahir (2009): *Towards an Explicit Modeling of Trade Facilitation in CGE models: Evidence from Egypt*, Preliminary version April, 2009.
14. Zaki Chahir (2011): *Assessing the global effect of trade facilitation: evidence from the mirage model* Working Paper 659, December 2011.

Кириянен А. И., Лабудин А. В., Самодуров А. А.

Бизнес-процессный подход управления экономической безопасностью предприятий с привлечением уравнения доходности

Кириянен Александр Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры моделирования социально-экономических систем
Кандидат физико-математических наук, доцент
Kirjanen@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
Labudin59@mail.ru

Самодуров Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры финансового менеджмента
Кандидат технических наук, доцент
alexanders-2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения финансовой устойчивости организации (предприятия) на основе единства всех сторон хозяйственной деятельности. Предложена математическая модель доходности финансовых потоков компании (предприятия). Выявляется взаимосвязь уравнения доходности финансовых потоков компании и уравнения кругооборота капитала, разработанного К. Марксом. Дан анализ этих уравнений. Рассмотрена роль фактора времени в хозяйственной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

математическая модель, доходность, финансовый поток, бизнес-процессный подход, экономическая безопасность, фактор времени, кругооборот капитала, экономия ресурсов, воспроизводство

Kirjanen A. I., Labudin A. V., Samodurov A. A.

Business-Process Approach to Economic Security Management of the Enterprises with Attraction of the Equation of Profitability

Kirjanen Alexander Ivanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associated Professor of the Faculty of Applied Mathematics and Control Processes
Associate Professor of the Chair of Modeling of Social and Economic Systems
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
Kirjanen@mail.ru

Labudin Alexander Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Financial Management
Doctor of Science (Economy), Professor
Labudin59@mail.ru

Samodurov Aleksandr Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

The article deals with topical issues of ensuring the financial stability of the organization on the basis of the unity of all aspects of business. The authors consider the mathematical model of profitability of financial flows of the company. The relationship between the equation of profitability of the company's financial flows and the capital circulation equation, developed by K. Marx is held. The analysis of these equations is given. The role of the time factor in economic activity is shown.

KEYWORDS

mathematical model, profitability, cash flow, business process approach, economic security, time factor, capital circulation, resources economy, reproduction

Управленческие ресурсы экономической безопасности включают различные подходы рассмотрения динамики достижения хозяйственно-финансового результата. Один из современных подходов, используемый в хозяйственной практике, — бизнес-процессный подход. Цель данной работы состоит в том, чтобы с помощью этого подхода представить эффективный алгоритм обеспечения экономической безопасности предприятия, что является актуальной задачей. Эта задача решается с привлечением уравнения доходности.

Предлагаемый алгоритм может быть применен при рассмотрении комплексных вопросов бизнес-процессов, включающих ресурсы банковского, производственного и регионального капиталов. В отечественной и зарубежной литературе [3; 9] особое значение придается вопросам экономической безопасности. При этом следует выделить трансформацию инновационного процесса, который становится базовым внутри хозяйственной деятельности и определяет успешность как отдельных процессов (финансовых, инвестиционных, производственных, маркетинговых), так и всего экономического процесса в целом.

При анализе экономической безопасности организации в литературе многие авторы останавливаются на применении бизнес-процессных подходов для достижения эффективного результата в динамике [3]. В рамках обеспечения экономической безопасности с учетом современного состояния кризисных предприятий в экономике РФ выделяется такое перспективное направление, получившее широкое распространение, как финансовое оздоровление предприятий (бизнеса).

Таким образом, при анализе подобных направлений в динамике бизнес-процессного подхода следует принимать во внимание ресурсы финансовых потоков предприятий при неперменном учете фактора времени и взаимосвязи различных сторон хозяйственного процесса.

В основу динамического уравнения финансовых потоков должны входить функциональные модули, которые отражают состояние финансов организации на данный момент, темпы развития бизнеса, а также ускорение (замедление) бизнес-процесса. Ранее отмечалось, что характеристика бизнес-процесса может быть представлена индикатором $V_{\text{БП}}$ [8]. Этот индикатор характеризует бизнес-процесс и на практике может быть удобной характеристикой бизнеса предприятия:

$$\begin{aligned} V_{\text{БП}} &> 0, \text{ Б} \uparrow \text{ — рост бизнеса предприятия} \\ V_{\text{БП}} &< 0, \text{ Б} \downarrow \text{ — снижение бизнеса предприятия} \\ V_{\text{БП}} &= 0, \text{ Б} \rightarrow \text{const — предельное значение бизнеса (min или max значение)}. \end{aligned} \quad (1)$$

Следующим индикатором бизнес-процесса следует считать характер снижения (повышения) самой скорости бизнеса, то есть отнесение приращения $V_{\text{БП}}$ к единице времени:

$$\frac{dV_{\text{БП}}}{dT} \left\{ \begin{array}{l} > 0, \text{ Б} \text{ — увеличение скорости роста бизнеса} \\ < 0, \text{ Б} \text{ — уменьшение скорости роста бизнеса} \\ = 0, \text{ Б} \text{ — стабилизация скорости бизнеса} \end{array} \right\}. \quad (2)$$

Величина $\frac{dV_{\text{БП}}}{dT}$ является производной от скорости потока и также подлежит учету в бизнес-процессе. Поэтому бизнес-процесс любой организации включает финансовые потоки двух видов:

- 1) базисную часть, характеризуемую величиной $V_{\text{БП}}$;
- 2) производную часть, характеризуемую величиной $\frac{dV_{\text{БП}}}{dT}$.

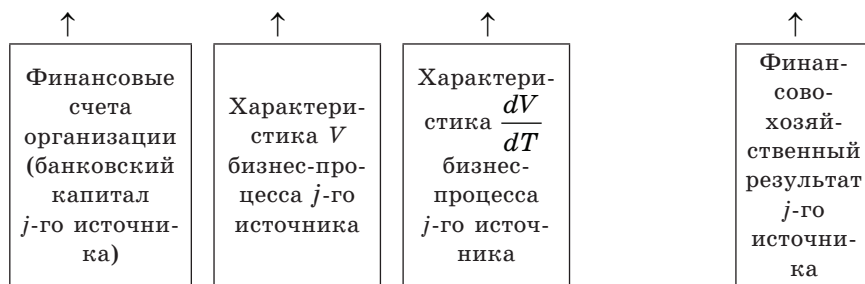
При этом в бизнес-процессе участвует собственный и привлеченный (заемный) капитал. Для того чтобы выявить динамику финансовых потоков, представим соответствующую прибыль до уплаты налогов и процентов бизнес-процесса $\Pi_{\text{БП}}$:

$$\Pi_{\text{БП}}(T) = V_{\text{БП}} \cdot T + \Pi_0, \quad (3)$$

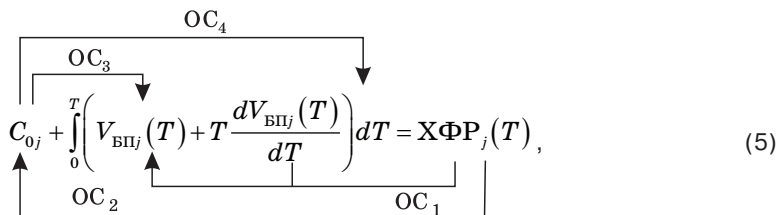
где $V_{\text{БП}}$ — прибыль бизнес-процесса; Π_0 — начальная прибыль; T — текущее время.

В общем виде с учетом начального капитала можно охарактеризовать финансово-хозяйственный результат бизнес-процесса организации в виде уравнения доходности:

$$C_{0j} + \int_0^T \left(V_{\text{БП}j}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT} \right) dT = \text{ХФР}_j(T). \quad (4)$$

Это уравнение может быть представлено в виде системы с обратной связью, так как в реальной практике особый интерес представляет динамика бизнес-процесса при достижении хозяйственно-финансового результата $\text{ХФР}_j(T)$ организации [1]. В этом случае система может быть представлена следующим образом:

где OC_1 — обратная связь динамики бизнес-процесса с собственными финансовыми ресурсами (режим самофинансирования); OC_2 — обратная связь динамики

бизнес-процесса, определяющая перевод части средств предприятия (бизнеса) на финансирование собственных бизнес-продуктов и на развитие предприятия; OC_3 — обратная связь динамики самофинансирования на производственные расходы предприятия; OC_4 — обратная связь динамики самофинансирования на развитие предприятия.

Примечание: стрелками показано направление движения финансовых потоков организации.

Для получения представлений о финансовых ресурсах организации в динамике необходим анализ как ее финансовых потоков, так и всей системы в целом, включающей эти потоки. Чтобы решить эту основную задачу, следует разделить ее на два основных направления:

- 1) получение уравнения доходности типа (4), которое представляет моделирование финансовых потоков бизнес-процесса организации;
- 2) составление конкретных системных задач бизнес-процесса организации.

Для анализа управления финансовыми потоками системное управление (5) представим в виде двух подсистем S_1 и S_2 .

1. Анализ решения подсистемы S_1 .

Хозяйственно-финансовый результат $XФР_j(T)$ определяется в виде двух основных финансовых потоков OC_1 и OC_2 . В свою очередь каждый из них имеет определенное финансово-экономическое значение.

1.1. Решение задачи управления финансовыми потоками типа OC_1 , OC_2 .

В этом случае целевая задача состоит в формировании бюджета организации от j -го источника хозяйствования. Поскольку финансовые потоки организации аккумулируются в виде ее банковского капитала, то конечный результат структуры уравнения (5) выглядит следующим образом:

$$C_{0j} + \int_0^T \left(V_{БПj}(T) + T \frac{dV_{БПj}(T)}{dT} \right) dT = XФР_j(T). \quad (6)$$

В качестве исходных данных в данной задаче следует считать величины $\Pi_{БПj}$ и $\frac{d\Pi_{БПj}(T)}{dT}$. Тогда скорость и ускорение бизнес-процесса вычисляются по формулам

$$\begin{aligned} V_{БПj}(T) &= \frac{d\Pi_{БПj}(T)}{dT}, \\ \frac{dV_{БПj}(T)}{dT} &= \frac{d^2\Pi_{БПj}(T)}{dT^2}, \end{aligned} \quad (7)$$

где $\Pi_{БПj}$ — прибыль бизнес-процесса до уплаты налогов и процентов.

При решении подобных задач следует определить финансовые ресурсы организации в зависимости от внешних источников, которые в дальнейшем аккумулируются на счетах организации. С другой стороны, динамика внешних источников отражается в уравнении (6) и предполагает использование $V_{БПj}$ и $\frac{dV_{БПj}(T)}{dT}$ в качестве производительных сил, которые, в конечном счете, и формируют финансовые счета организации.

Другой важной задачей управления финансовыми потоками организации является перераспределение внешних производительных сил, если полагать их структуру в качестве основных источников бизнес-процессов и производных источников роста капитала. В этом случае представляет интерес выделение коэффициента

перераспределения внешних ресурсов K_{pj} , который может быть определен, если продифференцировать (6). В результате получаем выражение (8), из которого определяется K_{pj} :

$$V_{\text{БП}j}(T) + K_{pj}T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT} = 0, \quad (8)$$

$$K_{pj} = -\frac{V_{\text{БП}j}(T)}{T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT}}. \quad (9)$$

На практике эти уравнения могут быть использованы в качестве инструментария при реализации двух типов обратных связей ОС₁ и ОС₂.

А. Реализация задачи с обратной связью ОС₁.

Реализация задачи с обратной связью типа ОС₁ сводится к организации банковского капитала j -го источника бизнес-процесса или части $\text{ХФР}_j(T)$. Следовательно, можно обозначить финансовые счета всей организации следующим образом (10):

$$C_0 = \sum_{j=1}^n C_{0j} W_j, \quad (10)$$

где C_0 — банковский капитал организации от всех источников; C_{0j} — финансовые счета j -го источника; w_j — удельный вес j -го источника капитала. При этом

$$\sum_{j=1}^n W_j = 1, \quad (11)$$

где: n — число источников капитала.

Если полагать полный перевод финансово-хозяйственных результатов в банковский капитал, то уравнение (6) можно представить в виде следующей системы (12):

$$C_0 = \sum_{j=1}^n \text{ХФР}_j(T). \quad (12)$$

В. Реализация задачи с обратной связью ОС₂.

При реализации задачи другого вида с обратной связью ОС₂, в отличие от (10), структура уравнения доходности приобретает следующий вид (13):

$$\sum_{j=1}^n \int_0^T \left(V_{\text{БП}j}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT} \right) dT = \text{ХФР}_c(T) = \sum_{j=1}^n \text{ХФР}_j(T), \quad (13)$$

где $\text{ХФР}_c(T)$ — финансово-хозяйственный результат всей системы от n источников.

Как и в задаче А, экономический смысл решения сводится к организации обратной связи $\text{ХФР}_c(T)$ с бизнес-процессными ресурсами [4] $V_{\text{БП}}$ и $T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT}$.

1.2. Оценка хозяйственной деятельности предприятия региона с привлечением уравнения доходности в общем виде [9].

Полагаем, что инвестиционная доходность (ИД) соответствует сумме платежа или капитала предприятия региона ($S(T)$). Поэтому в дальнейших выводах следует использовать следующее дифференциальное уравнение (14):

$$\frac{dS}{dT} = a(T)dT, \quad (14)$$

где $a(T)$ — сила роста или процент начисления.

Возможна и другая форма уравнения (15):

$$S = T \frac{dS}{dT}. \quad (15)$$

В этом случае предполагается, что $\frac{1}{a(T)} = T$. Данный случай соответствует временной зависимости S , пропорциональной времени бизнес-процесса.

Если предположить, что в формуле (15) в правой части есть влияние внешних финансовых источников и обозначить скорость бизнес-процесса как $V = \frac{d\Pi}{dT}$ (Π — прибыль бизнес-источника), то соответствующее уравнение примет следующий вид:

$$S = T \frac{d\Pi}{dT}. \quad (16)$$

Продифференцируем (16) как сложную функцию:

$$dS = V_{\text{БП}} + T \frac{dV_{\text{БП}}}{dT}. \quad (17)$$

После интегрирования (17) в пределах от 0 до T получаем динамическое уравнение (18)

$$C_0 + \int_0^T \left(V_{\text{БП}}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}}(T)}{dT} \right) dT = \text{XФР}(T). \quad (18)$$

Величина C_0 в этом уравнении характеризует накопительные ресурсы в виде банковского капитала от n источников, а $\text{XФР}(T)$ — финансово-хозяйственный результат деятельности предприятия.

Таким образом, уравнения (18) и (6) по существу совпадают, и их нужно идентифицировать как уравнения доходности в общем виде [3].

2. Анализ решения подсистемы S_2 .

В данном случае при анализе бизнес-процесса компании [2] следует выделить два основных финансовых потока (19):

- 1) OC_3 — данный поток характеризует финансирование основной хозяйственной деятельности, определяемой скоростью бизнеса $V_{\text{БП}}$;
- 2) OC_4 — данный поток характеризует финансирование дополнительной хозяйственной деятельности, определяемой ускорением бизнеса $\frac{dV_{\text{БП}}}{dT}$.

Оба финансовых потока составляют структуру финансово-хозяйственной деятельности компании, которая характеризует подсистему S_2 :

$$C_{0j} + \int_0^T \left(V_{\text{БП}j}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT} \right) dT = \text{XФР}_j(T). \quad (19)$$

Фактически формула (19) содержит обратные финансовые связи, которые включают финансово-хозяйственную деятельность компании с привлечением банковского капитала C_{0j} .

Подсистема S_2 позволяет составлять уравнения, подобные предыдущей задаче **A**, с разницей в источниках финансирования — C_{0j} . При реализации задачи с об-

ратной связью (OC_3 , OC_4) необходимо формализовать ее по известной схеме, но в качестве источника финансирования следует брать банковский капитал. Поэтому уравнение, позволяющее находить $V_{\text{БП}}$ и $\frac{dV_{\text{БП}}(T)}{dT}$, можно определить следующим образом:

$$\sum_{j=1}^n C_{0j} W_j + \sum_{j=1}^n \int_0^T \left(V_{\text{БП}j}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT} \right) dT = X\Phi P(T). \quad (20)$$

Но в этой задаче следует определить $V_{\text{БП}}$ и $\frac{dV_{\text{БП}}(T)}{dT}$ при заданном финансовом источнике C_{0j} и известном финансово-хозяйственном результате $X\Phi P_c(T)$. Таким образом, подобные задачи можно назвать обратными по отношению к типу **A** и **B**. В самом общем виде задачи этого типа сводятся к решению системы интегрально-сумматорных уравнений, где в качестве ядра уравнения выступает совокупность типа $V_{\text{БП}j}(T) + T \frac{dV_{\text{БП}j}(T)}{dT}$.

Далее в зависимости от характера финансирования основного производства от источников развития следует выбирать соответствующие решения по типам **A**, **B**.

Проблема фактора времени в экономике имеет принципиальное значение. Не случайно ей уделил очень большое внимание К. Маркс, особенно во II томе своего главного экономического труда «Капитал», посвященного процессу обращения капитала. Будучи сторонником исторического метода в общественных исследованиях и полагая, что капитализм в силу факторов внутреннего развития будет сменен коммунизмом (как до него менялись другие общественно-экономические формации), К. Маркс, тем не менее, видел сильные стороны капиталистического способа производства, заключающегося прежде всего в его мобильности и ориентации, в силу этого экономического механизма, на внедрение инноваций в различных сферах и областях¹.

Творческую роль предпринимателя К. Маркс видит в том, что он, во-первых, находит такие отрасли, которые обеспечивают наиболее быструю отдачу, получение прибыли в кратчайшие сроки. В связи с этим он ввел в научный оборот категории «цикловая» («разовая») и «годовая» норма и масса прибавочной стоимости. Чем быстрее оборачивается капитал, тем больше прибавочной стоимости, а значит и прибыли. Таким образом, быстрее оборачиваемый капитал в состоянии принести за год большую прибыль при одной и той же сумме первоначального капитала. Обеспечить выбор сферы (отрасли) приложения капитала — это одна из задач, стоящих перед предпринимателем, инвестором. Кроме того, от предпринимателя в значительной степени зависит скорость реализации создаваемой продукции, работ, услуг, что также непосредственно влияет на скорость оборота капитала. Во-вторых, предприниматель призван обеспечивать режим жесткой экономии всех факторов производства и воспроизводства (непрерывного, постоянно возобновляющегося производства), в том числе и во времени.

Всемерное сокращение времени производства и времени обращения экономического блага за счет как технического прогресса (в том числе внедрения продуктовых и технологических инноваций), так и рационального использования ресурсов в режиме их экономии, оказывается действенным инструментом формирования заметных преимуществ экономического субъекта в его конкурентной борьбе на товарных рынках, что убедительно прописано в работе проф. А. Н. Цацулина [10].

¹ Маркс К. Капитал Т. 1, 2, 3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23, 24, 25, ч. 1 и ч. 2.

Но в этих двух, казалось бы, совершенно положительных с точки зрения общества, процессах К. Маркс видел и «подводные камни», которые невозможно преодолеть без помощи государства, его активного воздействия на экономику. Прежде всего, при «свободной стихии рынка» остаются без инвестиций отрасли с медианным оборотом капитала. А это, как правило, наукоемкие отрасли, где вложения в фундаментальные разработки предполагают длительный срок окупаемости. Их обеспечение должно взять на себя государство: либо в порядке бюджетных инвестиций, либо в порядке «административного воздействия» на крупные компании с целью побудить их финансировать и осуществлять «долгоиграющие» общественно значимые проекты.

Именно в этом в современных российских условиях и заключается смысл фонда национального благосостояния и мощных государственных корпораций и компаний, созданных — и это совершенно правильно! — как некоммерческие организации, целью которых, по определению данной организационно-правовой формы, не является извлечение прибыли (т. е. они могут сосредоточиться на долговременных, медленно окупаемых проектах).

Также, экономя на всем, предприниматели экономят и на условиях труда, его безопасности, социальном страховании работников, их заработной плате и т. п., что ведет к социальному напряжению, авариям, а иногда и к техногенным катастрофам. Здесь также должны сказать свое веское слово государство и законы, стоящие (или, по крайней мере, призванные стоять) на страже интересов общества.

К. Маркс во II томе «Капитала» разработал формулу кругооборота капитала, которая выглядит следующим образом:

$$D - T < \begin{matrix} P. c. \\ C. п. \end{matrix} \dots \Pi \dots T' - D' . \quad (21)$$

Из нее ясно видна роль различных участников экономического процесса на уровне предприятия. В формуле (21):

D — деньги, инвестируемые в хозяйственную деятельность; T — приобретаемые на эти деньги инвестиционные товары (средства производства и нанимаемая рабочая сила); $P. c.$ — рабочая сила; $C. п.$ — средства производства; Π — производственный процесс (производство продукции, выполнение работ, оказание услуг); T' — результат производства, содержащий в своей стоимости « \prime », «штрих», т. е. прибыль; D' — денежный капитал, т. е. деньги, в которые после реализации превращается результат производства.

Формула К. Маркса (21) интересна еще и тем, что она связывает воедино различные формы и фазы кругооборота капитала: денежную, производительную и товарную. Именно в единстве этих трех форм и фаз возможно функционирование и накопление, т. е. прирост капитала. Даже если взять «усеченные» формулы кругооборота капитала, то «за кадром» в них непременно присутствует производство. Например, кругооборот торгового капитала выглядит проще, чем производственного: $D - T - D'$ («купи — продай»). Каждому ясно, что объект купли-продажи (товары) должен иметь производственный этап (их где-то должны произвести). Или еще более усеченная форма кругооборота банковского или финансового капитала: $D - D'$. Возникает впечатление, что деньги порождают деньги. Но чтобы это произошло, надо либо кредитовать производство или торговлю, либо инвестировать в ценные бумаги, за которыми стоят, в конечном счете, производственные или торговые компании, выплачивающие доходы держателям ценных бумаг из своей прибыли, или государство. Государство «гасит» свои ценные бумаги, облигации, из расходной части бюджета, которая обеспечивается доходной его частью, если речь не идет о неустойчивых долговых пирамидах, когда одни долги погашаются другими.

А источник доходной части бюджета — налоги и сборы, источниками которых, в свою очередь, являются доходы юридических и физических лиц, создаваемые, в конечном счете, в производстве продукции, работ и услуг или в их реализации (оптовой и розничной торговле).

Прирост денег, живого капитала, т. е. «'», является основным источником внутренних инвестиций каждого экономического субъекта. Это — прибыль, которую нельзя проедать, ее нужно инвестировать. Именно в этом заключается смысл христианского постулата: «Не в себя, но в Бога богатеите» (см. Лк. 12:21). Тратить надо не на себя, на свои удовольствия (это — грех!), а на дело, вменное тебе Богом и принадлежащее Ему. Ведь в этом суть евангельской притчи о хозяине и трех рабочих, которым он, уезжая, доверил свой капитал, приказав им использовать его рачительно (см. Мф. 25: 14–30).

Формула К. Маркса характеризует также роль различных социальных сил в экономическом процессе на уровне предприятия. На первой денежной стадии кругооборота ($D - T < \begin{matrix} P. c. \\ C. п. \end{matrix}$) решающая роль принадлежит предпринимателю (инвестору), принимающему решение о вложении капитала и осуществляющему соответствующее решение о вложении, приобретая материальные факторы производства и нанимая работников, способных эффективно привести в движение материальную составляющую производственного процесса.

На второй производительной стадии кругооборота (...П ... Т') решающая роль принадлежит работникам, создателям продукции, работ, услуг. В этом случае именно труд оплодотворяет производственный процесс и, соединяясь с материальными факторами, обеспечивает создание новой ценности.

Наконец, на третьей стадии кругооборота (Т' — Д'), которую К. Маркс назвал товарной, решающую роль вновь приобретают предприниматели и примыкающие к ним менеджеры, способные осуществить маркетинговую подготовку и сбыт результатов производства и, тем самым, сделать кругооборот капитала его оборотом, т. е. непрерывным и постоянным возобновляющимся процессом.

Надо отметить, что роль фактора времени и связанной с ним экономии ресурсов четко выделил и отметил выдающийся реформатор и государственный деятель нашей страны Ю. В. Андропов, что подробно рассмотрено в ряде работ авторов этой статьи, с участием также доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. В. Круглова и кандидата экономических наук, доцента А. А. Куприна [см.: 5, с. 108–109, 123; 6, с. 180–181; 7, с. 126].

В период, когда у нас особенно не привыкли считать затраты, в том числе время, и сопоставлять их с результатами, он поставил экономию как важнейшую государственную задачу, о чем было сказано в первом его основополагающем выступлении в роли первого лица государства на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС. А на последнем при жизни Ю. В. Андропова декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС он призвал дополнительно к заданиям государственного плана на уровне предприятий добиться снижения себестоимости продукции на 0,5% и повышения производительности труда (а это, по сути, выражение, причем в концентрированном виде, экономии времени) на 1%.

В современных условиях рыночной экономики и глобальной конкуренции значение фактора времени в деятельности экономических субъектов, предпринимателей не только не снижается, а напротив, неуклонно возрастает, становясь важнейшим фактором успехов в конкурентной борьбе и общественного прогресса.

Литература

1. Алушкин Ю. А., Самодуров А. А. Реструктуризация как эффективное средство финансово-го оздоровления предприятий и отраслей: метод. пособие. СПб. : Компьютербург, 2008.
2. Бобылева А. З. Финансовое оздоровление фирмы: Теория и практика: учеб. пособие. 2-е издание, испр. М. : Дело, 2004.
3. Кирьянен А. И., Самодуров А. А. Оценка бизнеса с привлечением уравнения доходности и алгоритм управления экономической безопасностью организации // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2014. Т. 5, вып. 3 (15). С. 205–211.
4. Клоков В. И. Инвестиции: учеб. пособие. СПб. : Издательство СЗАГС, 2009.
5. Круглов В. В. и др. Ретроспективный анализ политического наследия Ю. В. Андропова / В. В. Круглов, А. В. Лабудин, А. А. Куприн, И. В. Жук. СПб. : Астерион, 2014.
6. Круглов В. В., Лабудин А. В. Иная стратегия реформ (к 95-летию Ю. В. Андропова) // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 164–186.
7. Круглов В. В., Лабудин А. В. Стратегия экономических реформ Ю. В. Андропова // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 116–139.
8. Мухачев В. М., Самодуров А. А. Управление доходами и оценка влияния различных факторов на финансовый результат предприятия (бизнеса) // Юрист и бухгалтер. 2004. № 1 (14).
9. Самодуров А. А., Буга А. В., Куприн А. А. Управление экономической безопасностью организации. СПб. : Речь, 2010.
10. Цацулин А. Н. Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 2 (80). С. 12–21.

References

1. Alushkin Yu. A., Samodurov A. A. *Restructuring as effective remedy financial means of financial improvement of the enterprises and branches: Tutorial* [Restrukturizatsiya kak effektivnoe sredstvo finansovogo sredstvo finansovogo ozdorovleniya predpriyatii i otraslei: Metod. posobie]. SPB.: Computerbourg [Komp'yutербург], 2008. (rus)
2. Bobyliova A. Z. *Financial improvement of firm: Theory and practice: Tutorial* [Finansovoe ozdorovlenie firmy: Teoriya i praktika: Uchebnoe posobie]. 2nd edition. M.:Delo, 2004. (rus)
3. Kiryanen A. I., Samodurov A. A. *Assessment of business with attraction of the equation of profitability and a control algorithm of economic security of the organization* [Otsenka biznesa s privlecheniem uravneniya dokhodnosti i algoritm upravleniya ekonomicheskoi bezopasnosti organizatsii] // Scientific works of the NWIM of RANEPА [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2014. V 5, issue 3(15). p. 205–211. (rus)
4. Klovov V. I. *Investments: Tutorial* [Investitsii: Uchebnoe posobie]. SPB.: SZAGS publishing house [Izdatel'stvo SZAGS], 2009. 200 p. (rus)
5. Kruglov V. V., etc. *Retrospective analysis of political heritage of Yu. V. Andropov* [Retrospektivnyi analiz politicheskogo naslediya Yu. V. Andropova] / Kruglov V. V., Labudin A. V., Kuprin A. A., Zhuk I. V. SPB.: Asterion, 2014. (rus)
6. Kruglov V. V., Labudin A. V. *Other strategy of reforms (to Yu. V. Andropov's 95 anniversary)* [Inaya strategiya reform (k 95-letiyu Yu. V. Andropova)] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. № 1. p. 164–186. (rus)
7. Kruglov V. V., Labudin A. V. *Strategy of economic reforms of Yu. V. Andropov* [Strategiya ekonomicheskikh reform Yu. V. Andropova] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. № 2. p. 116–139. (rus)
8. Mukhachev V. M., Samodurov A. A. *Management of the income and assessment of influence of various factors on financial result of the enterprise (business)* [Upravlenie dokhodami i otsenka vliyaniya razlichnykh faktorov na finansovyi rezul'tat predpriyatiya (biznesa)] // Lawyer and accountant [Yurist i bukhgalter]. 2004. N 1 (14). (rus)
9. Samodurov A. A., Buga A. V., Kuprin A. A. *Management of economic security of the organization* [Upravlenie ekonomicheskoi bezopasnost'yu organizatsii]. SPB.: Speech [Rech'], 2010. (rus)
10. Tsatsulin A. N. *Approaches to the economic analysis of complex innovative activity* [Podkhody k ekonomicheskomu analizu kompleksnoi innovatsionnoi aktivnosti] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. No. 2(80). P. 12–21. (rus)

Макаров И.Н., Круглова И.А., Назаров П.В.

Особые экономические зоны как фактор обеспечения безопасности социально-экономического развития территории

Макаров Иван Николаевич

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Доцент кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг»
Кандидат экономических наук, доцент
Докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета
excellenz@mail.ru

Круглова Инна Александровна

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт»
(Санкт-Петербург)
Доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
Кандидат экономических наук, кандидат юридических наук
inna_kruglova@mail.ru

Назаров Павел Владимирович

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт»
(Санкт-Петербург)
Профессор кафедры «Экономика и финансы предприятий и отраслей»
Доктор экономических наук, доцент
olhen22@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу инструментария особых экономических зон как средства обеспечения безопасности социально-экономического развития территории. Рассмотрен канадский опыт регионального развития на основе особых экономических зон и проектной формы государственно-частного партнерства. Особое внимание уделяется взаимодействию экономических зон с другим инструментарием управления территориальным развитием, в частности, системой индикативного планирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

регион, территориальное развитие, управление, особые экономические зоны, государственно-частное партнерство, экономическая безопасность

Makarov I.N., Kruglova I.A., Nazarov P.V.

Special Economic Zones as a Factor in Ensuring Security of Social and Economic Development of the Territory

Makarov Ivan Nikolaevich

Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Associate Professor of the Chair «Economics, management and marketing»
PhD in Economics, Associate Professor
Doctoral degree Applicant of the St. Petersburg State University of Economics
excellenz@mail.ru

Kruglova Inna Aleksandrovna

Autonomous non-profit organization of the higher education «International Bank Institute» (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of World Economy and Management
PhD in Economics, PhD in Jurisprudence
inna_kruglova@mail.ru

Nazarov Pavel Vladimirovich

Autonomous non-profit organization of the higher education «International Bank Institute» (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair «Economy and Finance of the Enterprises and Branches»

Doctor of Science (Economics), Associate Professor

olhen22@mail.ru

ABSTRACT

This article analyzes the tools of special economic zones as a means of ensuring security of socio-economic development of the territory. Considered Canadian experience of regional development on the basis of special economic zones and project forms of public-private partnership. Particular attention is paid to the interaction of special economic zones with different management tools of territorial development, in particular the system of indicative planning.

KEYWORDS

region, territorial development, management, special economic zones, public-private partnerships, economic security

Многими современными экономистами в качестве особой формы государственно-частного партнерства выделяются получающие в последнее время широкое применение особые экономические зоны (ОЭЗ) [4]. Точнее, как можно судить по контексту, речь идет о свободных экономических зонах (СЭЗ). Вместе с тем в других публикациях ОЭЗ также рассматриваются в качестве инструментария активизации государственно-частного партнерства (ГЧП) или одновременно в качестве формы ГЧП и института развития [4].

Как, в частности, пишет В. Кабашкин, «к отдельной форме государственно-частного партнерства следует отнести функционирование нефинансовых институтов — свободных экономических зон, кластерных научно-производственных, технико-внедренческих зон и иных зон, как правило, связанных с инновационной деятельностью» [6, с. 235]. С целью приведения в единую систему представлений о государственно-частном партнерстве и роли особых экономических зон в реализации государственной региональной политики и инструмента интенсификации социально-экономического развития территорий, необходимо установить соотношение между свободными (особыми) экономическими зонами и государственно-частным партнерством, исходя из их сущности и экономического содержания [10].

В мировой практике в настоящее время ОЭЗ рассматриваются, прежде всего, в качестве средства реализации государственной региональной политики, которое способно «в равной степени и реанимировать депрессивную территорию, и дать дополнительный импульс региональным точкам роста» [3, с. 5]. И в этом также заключается сходство ОЭЗ и ГЧП. Также, при рассмотрении ОЭЗ как сложного социально-экономического явления обращает на себя внимание тот факт, что зона представляет собой особую систему, имеющую связи с национальной и региональной экономическими системами. Вместе с тем для особых экономических зон характерна некоторая обособленность.

Необходимо отметить, что наряду с рядом традиционных форм ГЧП в настоящее время в экономической практике уже присутствуют и «нетрадиционные» формы партнерства, порожденные реалиями постиндустриальной экономики: квазиконцессия и проект. Как отмечают ряд исследователей, ОЭЗ третьего поколения (промышленно-производственные и технико-внедренческие зоны) обладают генетическими признаками ГЧП, но не могут быть отнесены к традиционным формам партнерства и рассматриваются в качестве особой среды реализации государственно-частного партнерства.

Подобный подход рассматривался в том числе и в наших публикациях [7]. На наш взгляд, данное утверждение может быть верным применительно к ОЭЗ вто-

рого и третьего поколения. Однако, в ряде случаев, ОЭЗ выступают в качестве одного из видов проектной формы ГЧП. Основанием для этого вывода является наличие генетического родства ОЭЗ и ГЧП, соответствие ряда ОЭЗ третьего поколения ранее выявленным признакам ГЧП и наличие проектной (управляющей) компании, а также охват нескольких сфер социально-экономической системы, что в сочетании с наличием четких целевых установок, которых необходимо достичь в ходе реализации проекта, является признаком проектной формы ГЧП.

Рассматривая возможность применения проектной формы государственно-частного партнерства совместно с инструментарием особых экономических зон с целью обеспечения модернизации и развития территорий в регионах нашей страны, мы считаем необходимым использовать зарубежный опыт при разработке проектов промышленного и регионального развития в России.

Одним из наиболее интересных в мире представляется опыт промышленного развития в регионах Канады. Это обусловлено тем, что именно в Канаде накоплен один из самых значительных в мире опыт использования государственно-частного партнерства для создания «полюсов роста». В этой стране в качестве основы реализации проектной формы ГЧП выступают программы регионального развития, разрабатываемые и реализуемые федеральным правительством Канады с привлечением частного капитала. Основанием для данного утверждения является соответствие параметров программ регионального развития Канады (FedNor), выявленным рядом авторов признакам государственно-частного партнерства и проектной формы ГЧП (необходимо упомянуть, главным образом, соответствие функционирования FedNor принципу институционального равенства, производство опекаемых благ, наличие локальной институциональной среды и проектной компании) [7].

Проведя анализ канадского опыта регионального развития, необходимо отметить, что «всеобъемлющий подход к проблеме локального экономического развития должен ставить во главу угла поддержку существующего бизнеса, формирование новых предприятий и привлечение компаний, находящихся за пределами данной местности. Еще более важным представляется то, что данный подход должен предусматривать именно такую последовательность действий» [3, с. 86].

Одним из самых ярких примеров применения проектной формы государственно-частного партнерства с целью обеспечения регионального развития является принятая в 1987 году правительством Канады Федеральная инициатива «FedNor» (рис. 1).

Как значится на сайте проекта, «FedNor — это федеральная организация по региональному развитию в провинции Онтарио, которая сотрудничает с множеством партнеров в качестве вспомогательной структуры и катализатора, способствующего созданию среды, в которой сообщества на местах будут развиваться, бизнес расти, а население — процветать». FedNor действует под эгидой правительства в качестве федеральной организации и обладает достаточным для эффективной реализации инициатив национального масштаба организационным потенциалом. Основным организационным принципом деятельности FedNor является осуществление эффективного взаимодействия с местным бизнесом. То есть фактически мы можем заключить, что целью данного проекта ГЧП является развитие социально-экономической среды, способствующей экономическому росту территорий провинции Онтарио.

В нашей стране эта концепция частично находит отражение в формировании в некоторых регионах (например в Липецкой области) двухуровневой системы взаимосвязанных особых экономических зон — Особой экономической зоны «Липецк» (федерального уровня) и особых экономических зон регионального уровня (ОЭЗ РУ «Астапово», ОЭЗ РУ «Данков», ОЭЗ РУ «Елец», ОЭЗ РУ «Елецпром», ОЭЗ РУ «Задонщина», ОЭЗ РУ «Измалково», ОЭЗ РУ «Липецк-Технополис», ОЭЗ РУ «Хлевное», ОЭЗ РУ «Тербуны», ОЭЗ РУ «Чаплыгинская») [5]. Вместе с тем явным недостатком является рассогласованность стратегии развития ОЭЗ федерального уровня и ОЭЗ

* Комиссионер по вопросам конкуренции подотчетен заместителю министра по административным и финансовым вопросам и парламенту (через министра) в отношении независимого информсента законодательства.
 ** Генеральный директор отделения аудита и анализа подотчетен заместителю министра как председателю Комитета по вопросам аудита и анализа.

Рис. 1. Организационная структура FedNor [3, с. 89]

регионального уровня, стратегии кластерного развития области, реализуемых в области целевых программ (федеральных и региональных), а также отсутствие единого «семейства» стратегий развития региона и составляющих территорий (муниципальных районов и городов).

Как следствие, у участников — резидентов ОЭЗ, а также у представителей бизнеса и гражданского общества территорий, прилегающих к особым экономическим зонам, нет четкого представления о желаемой, прогнозируемой и оптимальной траекториях социально-экономического развития территории или муниципалитета. При этом подобное представление, очевидно, отсутствует и у представителей муниципальных властей.

Решение подобной ситуации видится нам в разработке и институциональном оформлении многоуровневой системы индикативного планирования [11]. Внедрение подобной системы позволит решить помимо отмеченной сложности — т. е. отсутствия скоординированности различных инструментов управления экономикой

территории и региона, задачу формирования стратегического видения перспектив развития территории (региона) и доведения этого видения до сознания большинства лиц, принимающих решения в сфере власти, муниципального управления, бизнеса и гражданского общества территории [8, 9].

Соответственно, если в настоящее время не возникает координационного эффекта от функционирования хозяйствующих субъектов территории, принадлежащих как к государственному, так и к частному секторам экономики, который потенциально может существенно повысить итоговую интегральную эффективность развития бизнеса территории, взаимодействия ОЭЗ и территории, и в конечном итоге всей социально-экономической системы территории, то в случае формирования системы стратегического индикативного планирования, как свидетельствует опыт Канады и Китайской Народной Республики, формирование данного эффекта возможно и с весьма высокой вероятностью.

При этом существует вероятность, что координационный эффект в случае применения индикативного планирования развития территории будет сопровождаться ускоренным развитием территорий, прилегающих к «зонам» реализации адресных проектов социального и экономического развития (эффективный «полус рост», как правило, инициирует развитие окружающего пространства).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что особые экономические зоны несут в себе существенный потенциал экономического развития территории. Данный потенциал может быть усилен за счет совместной реализации инструментария ОЭЗ и адресных целевых программ развития территории [1, 2]. На итоговую эффективность территориального развития может оказать существенное влияние внедрение и институциональное оформление системы индикативного планирования и стратегирования территориального социально-экономического развития.

Литература

1. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Некипелова А. С. Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 15–19.
2. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Реализация инновационного подхода к мониторингу траекторий социально-экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 2. С. 26–36.
3. Воловик Н. П. Особые экономические зоны / Н. П. Воловик, С. В. Приходько. Консорциум по вопросам приклад. экономических исследований. Канадское агентство по международному развитию. М. : ИЭПП, 2007.
4. Еганян А. Инвестиции в инфраструктуру. Деньги, проекты, интересы. ГЧП, концессии, проектное финансирование. М. : Альпина Паблишер, 2015.
5. Затевахина А. В., Ковалева Е. Е. Анализ инвестиционной привлекательности региона: перспектива развития Назаровского района Красноярского края // Ученые записки Международного банковского института. 2015. № 11 (2).
6. Кабашкин В. А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. М. : ООО «МИЦ», 2010.
7. Макаров И. Н. Механизм государственно-частного партнерства в условиях трансформации российской экономики. М. : Издательство «Современная экономика и право», 2010.
8. Плотников В. А., Федотова Г. В. Программно-целевой метод в управлении экономикой региона // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 7. С. 2–9.
9. Пролубников А. В. Программно-целевое управление конкурентоспособностью экономики (на примере развития электроэнергетики) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 4 (26). С. 44–49.
10. Сигова М. В. Вопросы разработки теоретических основ государственного регулирования национальных экономических систем в условиях глобализации // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1.

11. Федотова Г. В., Плотников В. А. Развитие национальной системы стратегического контроля // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 4 (94). С. 31–36.

References

1. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S., Nekipelova A. S. *Differentiation of regions according to development phases: the modified technique of an assessment of a structural cycle* [Differentiatsiya regionov v sootvetstvii s fazami razvitiya: modifitsirovannaya metodika otsenki strukturnogo tsikla] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. N 3 (93). P. 15–19. (rus)
2. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. *Realization of innovative approach to monitoring of trajectories of social and economic development of the region* [Realizatsiya innovatsionnogo podkhoda k monitoringu traektorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona] // News of Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2014. N 2. P. 26–36. (rus)
3. Volovik N. P. *Special economic zones* [Osobyie ekonomicheskie zony] / N. P. Volovik, S. V. Prikhodko. Consortium on questions of applied economic researches, Canadian International Development Agency [Konsortsium po voprosam priklad. ekonomicheskikh issledovaniy, Kanad. agentstvo po mezhdunarodnomu razvitiyu]. M. : IEPP, 2007. (rus)
4. Eganyan A. *Investments into infrastructure. Money, projects, interests. PPP, concessions, project financing* [Investitsii v infrastrukturu. Den'gi, proekty, interesy. GChP, kontsessii, proektnoe finansirovanie]. M. : Alpina Publisher, 2015. (rus)
5. Zatevakhina A. V., Kovaleva E. E. *Analysis of investment appeal of the region: prospect of development of Nazarovsky district of Krasnoyarsk Region* [Analiz investitsionnoi privlekatel'nosti regiona: perspektiva razvitiya Nazarovskogo raiona Krasnoyarskogo kraya] // Scientific notes of the International Bank Institute [Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta]. 2015. N 11 (2).
6. Kabashkin V. A. *Public-private partnership: international experience and Russian prospects* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie perspektivy]. M. : LLC MITs, 2010. (rus)
7. Makarov I. N. *The public-private partnership mechanism in the conditions of transformation of the Russian economy* [Mekhanizm gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v usloviyakh transformatsii rossiiskoi ekonomiki]. M. : «Modern Economy and Law» publishing house [Izdatel'stvo «Sovremennaya ekonomika i pravo»], 2010. (rus)
8. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. *A program and target method in management of region economy* [Programmno-tselevoi metod v upravlenii ekonomikoï regiona] // Financial analytics: problems and decisions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2013. N 7. P. 2–9. (rus)
9. Prolubnikov A. V. *A program goals management of competitiveness of economy (on the example of development of power industry)* [Programmno-tselevoe upravlenie konkurentosposobnost'yu ekonomiki (na primere razvitiya elektroenergetiki)] // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2015. N 4 (26). P. 44–49. (rus)
10. Sigova M. V. *Questions of development of theoretical bases of state regulation of national economic systems in the conditions of globalization* [Voprosy razrabotki teoreticheskikh osnov gosudarstvennogo regulirovaniya natsional'nykh ekonomicheskikh sistem v usloviyakh globalizatsii] // Bulletin of the Chuvash University [Vestnik Chuvashskogo universiteta]. 2008. N 1. (rus)
11. Fedotov G. V., Plotnikov V. A. *Development of national system of strategic control* [Razvitie natsional'noi sistemy strategicheskogo kontrolya] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. N 4 (94). P. 31–36. (rus)

Особенности формирования международного имиджа российской промышленности

Родина Валерия Владимировна

Референт заместителя Министра промышленности и торговли Российской Федерации
Кандидат политических наук

РЕФЕРАТ

Вопросы формирования международного имиджа российской промышленности в российских научных исследованиях затрагиваются косвенно. Как в теоретическом, так и в практическом плане назрела объективная необходимость целостного политологического осмысления процесса формирования международного имиджа российской промышленности. Автор полагает, что воспроизводство международного имиджа российской промышленности является комплексной информационной системой, обеспечивающей внешнеполитические интересы государства. Сильный имидж российской промышленности становится условием достижения устойчивого развития, он способствует привлечению инвестиций, а также облегчает доступ российских компаний к ресурсам разного рода: финансовым, информационным, человеческим.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

имидж, промышленность, СМИ, санкции, промышленная политика, инвестиции

Rodina V. V.

Features of Formation of the International Image of the Russian Industry

Rodina Valeria Vladimirovna

Assistant of the Deputy Minister of the Industry and Trade of the Russian Federation
PhD in Political Sciences

ABSTRACT

Questions of formation of the international image of the Russian industry in the Russian scientific researches are raised indirectly. Both in theoretical and on the practical level objective necessity of complete political judgment of process of formation of the international image of the Russian industry has ripened. The author believes that reproduction of the international image of the Russian industry is the complex information system providing foreign interests of the state. Strong image of the Russian industry becomes a condition of achievement of a sustainable development, it promotes attraction of investments, and also facilitates access of the Russian companies to any resources: financial, information, human.

KEYWORDS

image, industry, mass media, sanctions, industrial policy, investments

Зарубежные СМИ регулярно пишут о новых экономических санкциях. Расхожим стал тезис: «Против кого дружим? — Против России!» Большое евразийское пространство — от Лиссабона до Владивостока — стало полем битвы новых идейных смыслов, которые удобно использовать для экономического и политического манипулирования. Современные антироссийские санкции в условиях виртуализации и медиатизации современной политики стали в том числе механизмом легализации экономического вмешательства государств и их союзов в действие субъектов предпринимательской деятельности. Своей целью они ставят прекращение и разрыв гражданско-правовых отношений, тем самым воздействуя на экономику. Поскольку современное международное право препятствует проявлению подобного вмешательства, разыгрывание

информационных баталий является стратегическим механизмом оправдания агрессивных экономических действий международных акторов.

Таким образом, международные коммуникации стали одной из основ современного мирового процесса, они позволяют осуществлять не только взаимодействие, развивать экономическое сотрудничество [7], но и оказывать политическое и экономическое давление. В связи с этим возрастают роль и участие государства и его институтов в международных информационных процессах, что способно принести национальным интересам ощутимую пользу: разрушить негативные представления, повысить конкурентоспособность, расширить многостороннее сотрудничество, обеспечить рост престижа и влияния страны в целом.

Тем не менее в условиях внешнеполитических рисков, угрозы санкций, роста барьеров для трансфера технологий перед Россией стоит первоочередная задача — формирование не просто положительного международного имиджа России в целом, но и российской промышленности в частности, ведь санкционные меры затронули прежде всего различные отрасли российской индустрии. В связи с этим такие показатели, как уровень и рост промышленного производства, ВВП страны, объемы экспорта и импорта, торговый баланс, инфляция из сугубо экономических показателей приобрели политическую окраску. Положительный международный имидж промышленности становится не просто прагматическим, но и политическим феноменом, формирующим альтернативный западному представлению взгляд на Россию как на промышленную державу, способную противостоять экономическим и геополитическим вызовам.

Приоритетное формирование положительного имиджа российской промышленности требуется не только в западных странах, присоединившихся к антироссийским санкциям, но и в странах, которые, как и Россия, стремятся сохранить свой экономический суверенитет на международной арене. Например, все пять стран, входящих в группу БРИКС, поддерживают принципы многополярного мира, независимости участников мирового хозяйства. Эффективность этих процессов, безусловно, зависит, в первую очередь, от действий правительственных структур и политической воли участников Союза. Но принятие решений в пользу интеграции с Россией и с ее промышленным сектором будет зависеть и от формирования представлений об экономических и стратегических выгодах, которые могут возникнуть в результате подобного сотрудничества. Способность сформировать это представление и есть задача международного имиджа, который призван осуществлять программирование субъектов экономической деятельности и создавать эталон желаемого впечатления, закрепляя символический образ, обладающий мотивационными свойствами.

Например, в Ирландии благодаря эффективному механизму государственных и международных программ по продвижению выросли иностранные инвестиции: за 12 лет работы Агентства по индустриальному развитию объем иностранных инвестиций вырос с 1 до 25 млрд долл. В большинстве стран такие агентства созданы при участии государства. Для сравнения: Чехия тратит на PR 12–13 млн долл. в год, а Великобритания — 700 млн долл.

Последствия отсутствия эффективной системы формирования международного имиджа российской промышленности уже неоднократно заявляли о себе. В качестве негативных примеров можно привести попытку «Северстали» стать крупнейшим акционером компании Arcelor, и попытку «Лукойла» войти на американский рынок АЗС. Так, британская компания Mittal Steel, оценив, что может проиграть «Северстали» борьбу за Arcelor, наняла ряд PR-компаний, которые работали на европейском рынке. В СМИ появились многочисленные заказные публикации о «шалых русских деньгах», которые могут «погубить европейскую промышленность». Алексей Мордашов после этого говорил про «предубежденность», а Виктор Христенко назвал отказ

Argelora «руссофобией». Данный случай является уже классическим примером международных информационных войн, которые российские компании проигрывали из-за недооценки влияния на экономические процессы имиджевого фактора.

Тем не менее в научной литературе до сих пор отсутствуют работы, связанные с изучением принципов формирования международного имиджа российской промышленности. Проблемы, с которыми сталкиваются специалисты при решении этого вопроса, достаточно серьезны и масштабны. Однако следует констатировать определенный дефицит комплексных исследований в отечественной науке по данной проблематике: отсутствует концептуальная база в виде теоретических работ по изучению формирования имиджа российской промышленности. В настоящее время чаще всего предметом исследований становятся социологические и политологические аспекты формирования имиджа России внутри страны и за рубежом [10].

При этом практически не изучен имидж российской промышленности, не определены особенности функционирования и развития информационных механизмов его конструирования. Кроме того, системной проблемой является недостаточная сопряженность теории и практики создания и оптимизации международного имиджа, в том числе в рамках внешнеполитической составляющей. Таким образом, серьезная работа в России по улучшению имиджа российской промышленности только начинается.

Несмотря на то, что отсутствуют работы в части имиджмейкинга российской промышленности, встречаются публикации, касающиеся российского бизнеса. Некоторые исследователи дают следующую оценку сложившемуся имиджу российского бизнеса: в настоящий момент имидж российского бизнеса в большинстве стран западного полушария преимущественно отрицательный, причем сложилось два образа России. С одной стороны, частью образа страны являются достижения культуры и инженерной мысли. Но, с другой стороны, необъективная оценка внутриполитической ситуации в России приводит к формированию негативного имиджа российского бизнеса. Опираясь на данные характеристики Российской Федерации, представители бизнеса зарубежных стран воспринимают российские деловые круги отрицательно. В журналистской среде происходит определенная селекция новостей: при выборе отрицательной или положительной новости из России выбирается негативная. Стоит обратить особое внимание на отсутствие организованных усилий со стороны государственных структур переадресовать или отразить, используя СМИ, поток неблагоприятного освещения событий. Ни бизнес, ни государство не обладают развитыми навыками позиционирования себя на международной арене [5].

По мнению автора данной статьи, подобные оценки явно преувеличены и не имеют под собой адекватной доказательной базы, тем не менее, не стоит недооценивать существующие у мировой общественности отрицательные стереотипы времен «холодной войны». На восприятие как современной России, так и российской промышленности за рубежом влияют стереотипы, образы-архетипы и мифы, сложившиеся в общественном сознании в советском и постсоветском периодах. Развал СССР и период реформирования России, а также последующий экономический кризис привели к потере ею большинства положительных имиджевых характеристик: промышленность стала восприниматься скорее как отсталая, не соответствующая высоким западным стандартам и технологиям. В результате вокруг имиджа российской промышленности сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда «великая промышленная держава», обладающая ядерным оружием, находится по представлениям мировой общественности в глубокой технологической зависимости и перешла в разряд стран «третьего мира».

При этом современные достижения российской промышленности вообще остаются за скобками: они не транслируются как для внутренней, так и для внешней общественности. В связи с этим автор полагает, что «производство» международ-

ного имиджа российской промышленности должно стать комплексной информационной системой, обеспечивающей внешнеполитические интересы государства. В ее основу может быть положена непосредственно сама промышленность, а также государственная промышленная политика. Последняя заслуживает особого внимания, ведь осуществляемые меры государственной поддержки могут стать сигналом для привлечения иностранных инвестиций.

Вопреки сложившемуся представлению о всеохватывающей российской коррупции, бюрократизации, инертности государственного аппарата в информационном поле может быть сформирован совершенно иной смысловой блок, транслируемый по различным каналам коммуникации и рассчитанный на международную аудиторию. Во-первых, в условиях снижения курса рубля снизилась стоимость рабочей силы и сырья. Во-вторых, в рамках федерального закона о промышленной политике предусмотрены налоговые льготы. В-третьих, расширяются механизмы возвратного финансирования для доступа субъектов промышленности к получению долгосрочных займов на конкурентоспособных условиях. В-четвертых, определены новые принципы финансирования НИОКР в промышленности. В-пятых, создание государственной информационной системы промышленности позволяет более эффективно применять меры стимулирования промышленной деятельности. В-шестых, различные формы субсидирования, финансовая помощь ключевым проектам начала оказываться не только через предусмотренные в отраслевых госпрограммах меры, а также через Фонд развития промышленности. В-седьмых, запрет импорта для осуществления государственных закупок; российской власти, закрепляя за национальным бизнесом гарантируемую долю рынка, дают сигнал иностранным инвесторам: локализуйте производство на территории России и в дальнейшем будете обеспечены государственным заказом. В-восьмых, Постановлением Правительства № 719 «О критериях отнесения промышленной продукции к промышленной продукции, не имеющей аналогов, произведенных в Российской Федерации» определено, что считать российским.

Таким образом, перечисленные аспекты промышленной политики могут сформировать благоприятную инвестиционную среду. Остается предусмотреть ряд положений для формирования положительного образа самой российской промышленности в глазах международного сообщества. По мнению автора, имидж промышленности представляет собой комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик различных отраслей промышленности (химической, судостроительной, фармацевтической, авиационной, оборонной и т. д.). Основные составляющие международного имиджа промышленности будут возникать на основе так называемых первичных образов: природно-ресурсный образ России, образ прогресса, национально-ценностный образ [2].

Специфика формирования позитивного имиджа российской промышленности будет основываться и на исторических парадигмах. Опора на исторические достижения — такие, как запуск человека в Космос, успехи оборонно-промышленного комплекса, работа в условиях Крайнего Севера, атомная промышленность — способны сформировать имидж российской промышленности как всесторонне развитой высокотехнологичной индустрии. На международный образ промышленности как стратегический государственный ресурс будет оказывать влияние имидж власти (демократии), имидж экономики, имидж внешней политики, имидж вооруженных сил государства [1].

Международный имидж российской индустрии неотъемлемо связан с национальными ценностями, с учетом интересов страны и обеспечения ее безопасности. В то же время на формирование внешнего имиджа влияет глобализация. Она открывает новые возможности улучшения имиджа благодаря развитию средств коммуникации и открывает дополнительные каналы коммуникации, прежде недоступные. Субъектами коммуникативных имиджевых связей могут выступать государство в лице представи-

телей власти, СМИ (российские и зарубежные), дипломатические службы, торговые представительства, субъекты промышленной и предпринимательской деятельности, неправительственные организации, государственные и общественные культурные организации и центры за рубежом, спорт, отдельные индивиды, специалисты в области PR.

В связи с тем что в литературе отсутствует определение международного имиджа промышленности, автор приводит определения, косвенным образом связанные с данной тематикой. Так, в своей диссертации М. Д. Абдраимов внешнеполитический имидж определяет следующим образом: это целенаправленно и активно формируемый (посредством использования определенных технологий) образ, призванный эмоционально-психологически воздействовать на определенные аудитории с целью повышения эффективности проводимой его обладателем политики [1].

В диссертации А. Н. Соломатина под внешнеполитическим имиджем понимается информационный продукт целенаправленной деятельности властных структур, преломляющийся через массовое сознание зарубежной аудитории с помощью различных информационно-коммуникативных средств, а также и новых информационных технологий, таких как глобальная информационная сеть интернет и мультимедийная коммуникация [8].

На основании перечисленных определений можно заключить, что международный имидж промышленности является результатом специально организованной деятельности, предполагающей создание динамической системы эмоционально окрашенных образов российской промышленности, продвигаемых в рамках адекватных коммуникативных стратегий. Они включают в себя следующую последовательность действий: определение и идентификация конкурентов, союзников, партнеров и противников; определение и разработка наиболее эффективных по своему воздействию аспектов имиджа российской промышленности и форм их воплощения; определение каналов коммуникации; применение всех имеющихся средств коммуникативного воздействия для трансляции заданного имиджа в сознание мировой общественности.

Остановимся подробнее на наиболее эффективных аспектах имиджа российской промышленности. По мнению автора статьи, международный имидж промышленности необходимо развивать в тех отраслях промышленности, где минимальна доля импортной продукции и высока доля локализации производства. К ним относятся металлургия, энергетическое и транспортное машиностроение, вертолетостроение, лесная промышленность, химическая промышленность.

Наименьший уровень импортной зависимости наблюдается в металлургии — 10%. При этом уже существуют различные положительные примеры в этой отрасли. ОАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» полностью обеспечивает потребности бразильской авиастроительной компании «Эмбраер» в титановых полуфабрикатах. ОАО «Силловые машины» поставляет в Бразилию оборудование для гидроэлектростанций. Сотрудничество с индийскими компаниями в области черной металлургии в настоящее время осуществляется по трем направлениям: по контрактам на поставку оборудования и запасных частей; путем командирования специалистов по контрактам на оказание технического содействия в эксплуатации металлургических заводов; по контрактам на строительство или модернизацию отдельных комплектных объектов.

В энергетическом машиностроении зависимость от импорта наблюдается в размере 19,7%, в транспортном машиностроении — 24%. На сегодняшний день ОАО «Внешнеэкономическое объединение «Тяжпромэкспорт» является единственной российской организацией, осуществляющей строительство металлургических объектов за рубежом на условиях генподряда. Соглашение о производстве тяжелых буровых установок на территории Российской Федерации между ОАО «НПК «Уралвагонзавод», ОАО «ВТБ Лизинг» и китайской компанией Honghua Group Limited

предусматривает производство в России тяжелых буровых установок. ОАО «РЖД», ЗАО «Группа Синара» и «Сименс» взаимодействуют по контракту поставки электропоездов «Ласточка».

Отрасль вертолетостроения зависима от импорта на 24%. В настоящее время АО «Вертолеты России» прорабатывает вопрос совместного обслуживания с южноафриканской стороной парка МИ-171Е кенийских ВВС. ОАО «Корпорация «Иркут» обсуждает с южноафриканскими коллегами Соглашение о стратегическом партнерстве. Условия Соглашения предусматривают совместное продвижение в ЮАР и другие страны самолетов продуктового ряда ОАО «Корпорация «Иркут», в первую очередь МС-21, а также технологическую и индустриальную кооперацию в области авиации. АО «Вертолеты России» заключило контракты с компанией «Atlas Taxi Aegeo» на поставку транспортных вертолетов Ми-171А1. Взаимодействие по проекту тяжелого вертолета осуществляется между АО «Вертолеты России» и Китайской вертолетной компанией «Avicopter». По направлению авиастроения также активно осуществляется сотрудничество с Италией.

В химической промышленности доля импорта составляет 32,4%. Норвежский нефтехимический концерн Jotun Group осуществляет строительство фабрики по производству красок и лаков в Ленинградской области. Chendong Investment Corporation (CIC) — дочерняя компания государственного инвестиционного фонда Китая China Investment Corporation — приобрела долю в акционерном капитале ОАО «Уралкалий» в размере 12,5%. Участие в капитале единственного российского производителя калийных удобрений со стороны крупнейшего суверенного инвестиционного фонда Китая является демонстрацией уверенности в долгосрочной привлекательности калийной отрасли как объекта инвестирования, способности российской компании сохранять лидирующие позиции в данном сегменте. Другим крупным российским инвестором на китайском рынке стало ОАО «Куйбышевазот», профинансировавшее проект по производству в Китае инженерных пластиков. В 2013 г. ОАО «Минерально-химическая компания «Еврохим» совместно с китайским производителем удобрений «Migao Corporation» создали в Гонконге СП «ЕвроХим Migao» (50/50). Суммарный объем инвестиций составляет 36 млн долл. — по 18 млн с каждой стороны.

Как видно из приведенных примеров, процесс международной промышленной интеграции имеет достаточно широкую географию. При этом Россия не только является экспортером природных ресурсов, продукция промышленного сектора пользуется спросом со стороны Китая, ЕС, стран Африки и Латинской Америки. Тем не менее аудитория как российских, так и иностранных СМИ недостаточно информирована о промышленном развитии России. Об успешных международных контрактах знает лишь узкопрофессиональная аудитория, а не широкая общественность. При этом автор полагает, что в связи с существующим мировым разделением труда формирование имиджа российской промышленности должно быть детерминировано. Принципы его формирования будут различны для США, ЕС, Китая, Индии, стран третьего мира.

Продвижение российской промышленности за рубежом не должно ограничиваться только продвижением отечественных марок и брендов. Эти задачи должны реализовываться за счет собственных средств компаний. Прежде чем организовывать продвижение бренда «Made in Russia», необходимо не только наполнить его смысломосодержащими конструктами, но и сформулировать, какими ценностными характеристиками он должен обладать для иностранной аудитории. При этом отстройка имиджа должна быть тонкой и географически дифференцированной, принимающей во внимание особенности национальных каналов коммуникации. Так, например, принципы формирования имиджа российской промышленности будут существенно отличаться в печатных изданиях, ТВ-, радиоканалах и интернете. Кроме того, каждая страна будет обладать своими политическими, экономическими, социальными уста-

новками, которые также должны согласовываться с той имиджевой матрицей, которая будет продвигаться по каналам коммуникации. Британская «The Economist» — проповедник атлантических либеральных идей — потребует совершенно иной подачи материала, нежели немецкий журнал «Stern».

Необходимо отметить, что существуют риски при выстраивании международного имиджа российской промышленности, они могут возникать из-за недостаточных знаний о законодательстве страны, где планируется продвижение российских компаний, незнания существующей судебной системы, отсутствия связей в государственных структурах и СМИ, незнания специфики национального характера.

Поскольку имидж не статичен, он может трансформироваться под воздействием множества факторов на протяжении длительного периода. В связи с этим проблема создания позитивного имиджа российской промышленности имеет долгосрочный характер и требует постоянной работы над его поддержанием. С учетом опоры на экономический, национально-психологический и культурно-образовательный потенциал страны в обозримой перспективе международный имидж российской промышленности имеет тенденцию к укреплению.

К первоочередным стратегиям его развития относится максимально широкое информирование о проводимой государственной промышленной политике, о мерах поддержки при локализации производства на территории России и об инвестиционной привлекательности страны. Следующим стратегическим направлением должно стать определение максимально привлекательных отраслей промышленности, а также имиджевая поддержка экспорта.

Продвижение бренда «Made in Russia» без наделения его ценностными характеристиками будет неэффективно. В связи с этим на первый план выступает проблема разработки механизмов идентификации российской промышленности, направленных на создание и поддержание позитивного имиджа индустрии. Таким образом, «производство» международного имиджа российской промышленности должно стать комплексной информационной системой, обеспечивающей внешнеполитические интересы государства. Положительный имидж российской промышленности становится необходимым условием устойчивого развития, он способствует привлечению инвестиций, а также облегчает доступ российских компаний к ресурсам разного рода: финансовым, информационным, человеческим. Также он повышает спрос на товары российской промышленности. И наконец, защищает российские компании от атак конкурентов и укрепляет позиции относительно товаров-заменителей.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что создание положительного международного имиджа российской промышленности — задача потенциально разрешимая как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [3; 4; 6; 9]. Управление имиджем промышленности может стать эффективным инструментом, позволяющим нивелировать возможные негативные последствия экономических и политических санкционных мер.

Литература

1. *Абдраимов М. Д.* Механизмы формирования образа государственного лидера на международной арене: автореф. дис. на соиск. учен. степени. канд. полит. наук. М. : Дипломат. академия МИД РФ, 2008.
2. *Абдраимов М. Д.* Формирование международного имиджа страны как главная составляющая внешнеполитической информационной деятельности России // Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века: материалы 9-й научно-практической конференции молодых ученых / ДА МИД России. М. : «Научная книга», 2007.

3. Благова Ю. А. Имидж как феномен социальной перцепции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 7 (640). С. 137–138.
4. Галумов Э. А. Международный имидж современной России (политолог. анализ): автореф. дис на соиск. учен. степ. д-ра полит. наук. М. : Дипломат. академия МИД РФ, 2005.
5. Равочкин Н. Н. Коммуникативный потенциал национальной культуры в контексте формирования позитивного имиджа организации на международном рынке // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 5.
6. Родина В. В. Особенности формирования законодательной базы промышленной политики на примере России и Германии // Правовая информатика. 2014. № 3. С. 57–63.
7. Родина В. В. Имидж российской промышленности как фактор ее конкурентоспособности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 1. С. 89–93.
8. Соломатин А. Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России (на примере телеканала rt-russia today): автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. М., 2014.
9. Соломатин А. Н. Медийный подход к исследованию имиджа современной России // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 213–216.
10. Федякин А. В. Политика формирования позитивного образа российского государства: теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа: дис. ... доктора полит. наук. М., 2010.

References

1. Abdraimov M.D. *Mechanisms of formation of an image of the state leader on the international scene* [Mekhanizmy formirovaniya obraza gosudarstvennogo lidera na mezhdunarodnoi arene]: dissertation abstract. M. : Diplomacy Academy of the Russian Foreign Ministry [Diplomat. akademiya MID RF], 2008. (rus)
2. Abdraimov M.D. *Formation of the international image of the country as the main component of foreign policy of information activities of Russia* [Formirovanie mezhdunarodnogo imidzha strany kak glavnyaya sostavlyayushchaya vneshnepoliticheskoi informatsionnoi deyatel'nosti Rossii] // Actual problems of the international relations at the beginning of the XXI century: Materials of the 9th scientific and practical conference of young scientists [Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii v nachale XXI veka: Materialy 9-i nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh] / DA of the MFA of Russia. M. : «The scientific book» [Nauchnaya kniga], 2007. (rus)
3. Blagova Yu. A. *Image as phenomenon of social perception* [Imidzh kak fenomen sotsial'noi pertseptsii] // Bulletin of the Moscow state linguistic university [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta]. 2011. N 7 (640). P. 137–138. (rus)
4. Galumov E. A. *International image of modern Russia (political analysis)* [Mezhdunarodnyi imidzh sovremennoi Rossii (politolog. analiz)]: dissertation abstract. M. : Diplomacy Academy of the Russian Foreign Ministry [Diplomat. akademiya MID RF], 2005. (rus)
5. Ravochkin N. N. *Communicative potential of national culture in the context of formation of positive image of the organization in the international market* [Kommunikativnyi potentsial natsional'noi kul'tury v kontekste formirovaniya pozitivnogo imidzha organizatsii na mezhdunarodnom rynke] // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU [Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova]. 2014. N 5. (rus)
6. Rodina V.V. *Features of formation of legislative base of industrial policy on the example of Russia and Germany* [Osobennosti formirovaniya zakonodatel'noi bazy promyshlennoi politiki na primere Rossii i Germanii] // Legal informatics [Pravovaya informatika]. 2014. N 3. P. 57–63. (rus)
7. Rodina V.V. *Image of the Russian industry as factor of her competitiveness* [Imidzh rossiiskoi promyshlennosti kak faktor ee konkurentosposobnosti] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2016. N 1. P. 89–93. (rus)

8. Solomatin A. N. *Communicative strategies of formation of the international image of Russia (on the example of TV channel RT-Russia Today)* [Kommunikativnye strategii formirovaniya mezhdunarodnogo imidzha Rossii (na primere telekanala rt-russia today)]: dissertation abstract. M., 2014. (rus)
9. Solomatin A. N. *Media approach to research of image of modern Russia* [Mediinyi podkhod k issledovaniyu imidzha sovremennoi Rossii] // Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism [Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika]. 2014. N 1. P. 213–216. (rus)
10. Fedyakin A. V. *Policy of formation of a positive image of the Russian state: theoretical, methodological and applied aspects of the politological analysis* [Politika formirovaniya pozitivnogo obraza rossiiskogo gosudarstva: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty politologicheskogo analiza]: doctoral dissertation. M., 2010. (rus)

Колоративная экономическая терминология в современном английском языке

Росянова Татьяна Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры иностранных языков
 Кандидат филологических наук, доцент
 rosyanova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования английской экономической терминологии обусловлена процессами международной экономической интеграции в силу глобализации современного мира и повсеместного развития англоязычных бизнес-коммуникаций.

Трудами многих отечественных и зарубежных ученых была подготовлена теоретическая и методологическая база для формирования системы взглядов на язык как когнитивную способность человека, связанную с психическими процессами. Специфика восприятия окружающего мира человеком, осмысления результатов познавательных процессов в его трудовой деятельности и их представления в языковой форме непосредственно отражается в терминологии различных профессиональных областей.

Вопрос об образности в терминологии широко обсуждается в современных терминоведческих исследованиях в силу очевидной антропоцентрической направленности. Образность является не переменным атрибутом национальной языковой картины мира конкретного социума.

В статье рассматривается колоративная образность английских экономических терминов на примере терминологических единиц, содержащих десять основных терминоконпонентов-колоративов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, белый, черный, серый. На примере английской экономической терминологии показано, что семантика цвета представляет собой комплексное явление и несет в терминах прямое денотативное значение, переносное образное значение, символическое значение.

Колоративная образность применительно к терминологии понимается в настоящем исследовании как созданная на основе сем цвета определенная системность, имеющая национальную специфику и обусловленная такими факторами, как мифология, фольклор, традиции, национальные реалии и национальная литература.

Прилагательные цветообозначений в качестве терминоконпонентов-колоративов используются для дифференциации и вербализации признаков, существенных для терминологической номинации объектов экономического знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

колоративная образность, терминоведение, английская экономическая терминология, терминоконпоненты-колоративы

Rosyanova T. S.

Color-Symbolism in English Economic Terminology

Rosyanova Tatiana Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Foreign Languages
 PhD in Philology, Associate Professor
 rosyanova@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the study of English economic terminology is based on the process of international economic integration due to the globalization of the modern world and the widespread development of English-speaking business communications.

Through the efforts of many domestic and foreign scholars theoretical and methodological framework for the formation of views on language as a cognitive ability of a person related to the mental processes has been prepared. Specificity of human perception of the world, understanding the results of cognitive processes in his professional work and their representation in the language forms is directly reflected in the terminology of the various professional fields.

The question of the imagery in the terminology has been widely discussed in modern terminovedcheskih research in view of the obvious anthropocentric orientation. The imagery is an essential feature of the national language picture of the world of a particular society.

The paper deals with color-symbolics of English economic terminology and provides examples of terms, containing basic color-components: red, orange, yellow, green, blue, purple, white, black, grey. English economic terminology proves that color semantics is a complex phenomenon and has different meanings in terminology: denotative, metaphoric and symbolic meanings.

Colour symbolic imagery with respect to the terminology is understood in this study as a certain color consistency being made up on the basis of color semas with national specificities and based on such factors as the mythology, folklore, traditions, national realities and national literature.

Colorative adjectives as term-components are used for differentiation and verbalization of features essential for terminological nominations of economic knowledge.

KEYWORDS

color-symbolism, terminological studies, English economic terminology, color-terminocomponents

Трудами многих отечественных и зарубежных ученых была подготовлена теоретическая и методологическая база для формирования системы взглядов на язык как когнитивную способность человека, связанную с психическими процессами: восприятием, памятью, мышлением и т. п. Специфика восприятия окружающего мира человеком, осмысления результатов познавательных процессов в его трудовой деятельности и их представления в языковой форме непосредственно отражается в терминологии различных профессиональных областей.

Вопрос об образности в терминологии широко обсуждается в современных терминоведческих исследованиях в силу очевидной антропоцентрической направленности. Образность является неременным атрибутом национальной языковой картины мира конкретного социума. *Колоративная образность* применительно к терминологии понимается в настоящем исследовании как созданная на основе сем цвета определенная системность, имеющая национальную специфику и обусловленная такими факторами, как мифология, фольклор, традиции, национальные реалии и национальная литература.

Колоративная образность в терминологии изучена недостаточно, сведения о терминах, содержащих семы цвета, представляются разрозненными, и их роль в терминсистемах очевидно недооценена. Настоящая работа призвана восполнить данный пробел и направлена на анализ английской экономической терминологии с колоративными компонентами.

Актуальность исследования английской экономической терминологии обусловлена процессами международной экономической интеграции в силу глобализации современного мира и повсеместного развития англоязычных бизнес-коммуникаций.

Прилагательные цветообозначений в качестве терминокомпонентов-колоративов используются для дифференциации и вербализации признаков, существенных для терминологической номинации объектов экономического знания.

Цветовые коды языкового социума представляют собой отражение внутреннего мира человека и проявления самобытности народов. Цветосимволизм активно изучается различными научными дисциплинами. Например, в рамках психологической семантики исследуется генезис, структура и функционирование систем значений, опосредующих восприятие и осознание субъектом мира, других людей и самого себя [3, с. 5]. Традиция упорядочивания объектов и событий окружающего мира

в их символической окраске имеет длительную эволюцию и восходит к глубоко архаическому мышлению. Способность человека к воображению является мощным свойством памяти, и роль образов заключается в увеличении силы ассоциации [5, с. 279–286]. С процессом зрительного восприятия связана категоризация практически всего, что человек видит.

На материале английской экономической терминологии нами были выделены десять основных цветов, которые применяются в качестве терминокомпонентов: *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, белый, черный, серый* (см. табл. 1). Выборка терминов осуществлялась на основе 5 авторитетных толковых терминологических словарей [6–10].

Колоративная образность опирается на ассоциативное мышление. Глубинная структура реальности познается особым способом, создавая выход из «когнитивного тупика», поэтому научные способы описания объектов используют колоративную лексику как особый прием, чтобы выразить новые смыслы. Репрезентация некой абстракции как результата познавательной деятельности человека соотносима с радужными цветами видимого спектра и монохромной гаммой. Образный потенциал терминокомпонентов-колоративов базируется как на непосредственных ассоциациях, связанных с конкретным цветом, так и на дополнительных социокультурных коннотациях. В монографии В.П. Булычевой подчеркивается, что семантика цвета представляет собой комплексное явление и несет в терминологии *прямое денотативное значение, переносное образное значение, символическое значение* [1, с. 42].

В триаде терминов *red goods, orange goods, yellow goods* теплые цвета радужного спектра *красный, оранжевый, желтый* характеризуют темп продажи товаров — чем выше интенсивность спроса на товар, тем быстрее он раскупается и тем выше скорость обращения товаров на складах и в магазинах. Например, *red goods* — товары первой необходимости и коротким сроком службы, требующие быстрой замены.

Таким образом, *красный цвет* означает самую высокую интенсивность спроса, а снижение темпа оборота товаров сопровождается переходом к *оранжевому и желтому терминокомпоненту*. В большинстве случаев *красный цвет* в англоязычной картине мира имеет положительные коннотации, символизируя жизнь, энергию, активное мужское начало.

Таблица 1

Терминокомпоненты-колоративы *красный, оранжевый, желтый*

№	Термины	Дефиниции
1	<i>red goods</i>	Any food products that are consumed quickly and have a low profit margin. Example: coffee can be considered <i>red goods</i> . <i>Red goods</i> , with food being a classic example, are replaced on a regular basis ¹
2	<i>orange goods</i>	In merchandising, consumer goods, such as clothing, that will last for a period of time but will be replaced, at a moderate rate, because of wear and tear, desire to change, or change in season, or at the discretion of the consumer [10, с. 395]
3	<i>yellow goods</i>	In merchandising, nonconsumable household goods, such as refrigerators or ovens, that are expensive and are usually replaced only after many years of service. Generally, yellow goods have a high profit margin [10, с. 590]

Примечание: ¹ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionar.y.reference.com> (дата обращения: 10.03.2016).

Цвета *red, orange, yellow* участвуют в дифференциации признаков, существенных для терминологической номинации товаров различного типа, подчеркивая различия в спросе на товары, длительности их использования, темпе оборота товаров. Сама терминологическая номинация в данном случае является однородной, и триада терминов *red goods, orange goods, yellow goods* представляет собой своеобразную градуированную шкалу. Путем градации теплой части спектра актуализируются ассоциации убывающей интенсивности.

Терминокомпонент *green* входит в состав многочисленных терминов, связанных с различными областями экономики: экологическими проектами, финансами, экономикой труда, процессом получения разрешения на какие-либо действия (см. табл. 2). Наличие однородного цветового кода в терминах создает иллюзию однородного принципа номинации, в то время как на самом деле терминокомпонент *green* при переводе на русский язык передается различными прилагательными: *экологический, энергосберегающий, неквалифицированный* и др. Переводчикам не следует терять бдительности, поскольку терминокомпонент *green* входит в состав терминов, относящихся к разным категориям объектов. Видимость системности, основанная на формальном тождестве терминокомпонента *green*, не означает семантического тождества и выступает как «ложный друг переводчика». Примеры функционирования терминокомпонента *green* в составе экономической терминологии показывают, что подобные термины несут в себе прямое и ассоциативные значения. Наличие в терминах цветовых компонентов с неоднородной, разнорядковой семантикой затрудняет их понимание и приводит к переводческим ошибкам.

Наблюдатели-специалисты используют терминокомпоненты-колоративы для обобщения некоего качества до цветовых ассоциаций. При этом экономические термины лучше запоминаются, и зачастую понимаются профессионалами интуитивно на уровне «здравого смысла». Очевидно, что цветовое восприятие человека обладает широ-

Таблица 2

Терминокомпонент-колоратив *зеленый*

№	Термины	Дефиниции
1	<i>green marketing</i>	Promotion of environmentally safe or beneficial products [10, с. 259]
2	<i>green currency</i>	In the European Union, currency formerly used for calculating agricultural payments. Each country had an exchange rate fixed by the Commission, so before the introduction of the euro there were currencies such as <i>green francs</i> and <i>green marks</i> ²
3	<i>green labour</i>	The lowest-paid labour in the tailoring trade. Such garments are sold to African gold-diggers and agricultural labourers. Soap and shoddy do more for these garments than cotton or cloth ³
4	<i>green card</i>	an official card, originally green, issued by the U.S. government to foreign nationals permitting them to work in the U. S. ⁴ The Green Card is an international certificate of insurance. The Green Card certifies that the visiting motorist has at least the minimum compulsory Motor Third Party Liability Insurance cover required by the Laws of the countries visited ⁵

Примечание: ² Электронный словарь по экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qfinance.com> (дата обращения: 10.03.2016). ³ Электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoplease.com> (дата обращения: 10.03.2016). ⁴ Электронное консультационное бюро [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cobx.org> (дата обращения: 10.03.2016). ⁵ Ibid.

кими возможностями для концептуализации и категоризации. *Голубые фишки* и *синие воротнички* функционируют в биржевой, финансовой сфере и сфере экономики труда, соответственно. Термины *blue chip* и *blue-collar worker* являются элементами различных микротерминосистем (табл. 3). Так, например, термин *blue-collar worker* представляет собой согипоним по отношению к терминам *white-collar worker* и *pink collar worker*, которые подразделяют на категории всех сотрудников организации в соответствии с характером их труда. Цветовая триада «воротничков» *синий-белый-розовый* является целостной классификационной микротерминосистемой, причем термин *blue-collar worker* противопоставлен *white-collar worker*, а термин *pink collar worker* в оппозитивных отношениях не участвует.

Таким образом, рассмотренные примеры терминов показывают, что голубой или синий цвет в английской экономической терминологии не создает единого и универсального образа. Формальное тождество терминокомпонента *blue* не означает автоматически семантического тождества терминов или их принадлежности к одной терминосистеме.

В случае термина *blue sky (synectics)* терминокомпонент *blue* символизирует свободу креативного мышления, открытость процесса обмена мнениями и выработки общего решения в коллективе. Следовательно, *голубизна неба*, которое для человечества издавна означало мечту и свободу, простор и высоту, несет, в первую очередь, символическое значение.

«Если среди простых коров вы увидите *фиолетовую*, вам это запомнится надолго. Ваше предложение клиентам должно быть таким же: нестандартным, запоминающимся. Если то, что вы предлагаете, совершенно не выдающееся, оно останется незамеченным. Перестаньте рекламировать свою унылую продукцию и займитесь ее инновацией» [2]. Таково мнение известного американского маркетолога С. Година, который периодически проводит семинары Фиолетовой коровы.

Термин *purple cow* является, таким образом, авторским термином маркетинга. По мнению С. Година, у покупателей нет времени изучать рекламу и разыскивать лучшее среди хорошего. Однако их внимание можно привлечь экстраординарным, уникальным и ни на что не похожим продуктом — *Фиолетовой коровой*.

Колоративная образность в термине *purple cow*, основанная на когнитивном диссонансе, заставляет специалистов-маркетологов творчески мыслить и находить нестандартные решения для создания инновационных продуктов и запуска их на

Таблица 3

Терминокомпоненты-колоративы *синий, голубой*

№	Термины	Дефиниции
1	<i>blue chips</i>	<i>A blue chip company or investment is one that can be trusted and is not likely to fail</i> ⁶
2	<i>blue-collar workers</i>	describes people who do work needing strength or physical skill rather than office work ⁷
3	<i>blue sky</i>	idea-generating technique, similar to brainstorming, where the discussion is centered around a general idea that is related to a problem, rather than the problem itself (as in brainstorming); also called <i>synectics</i> . <i>Synectics</i> is often used by the creative department of an advertising agency when designing an advertising campaign [10, с. 62]

Примечание: ⁶ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: [http://www. dictionary. cambridge.org](http://www.dictionary.cambridge.org) (дата обращения: 10.03.2016). ⁷ Ibid.

рынок. Экстравагантность терминовтворчества С. Година, контраст реальности и фантазии создает неповторимость и уникальность авторского термина, номинирующего целостную научно-практическую концепцию.

Ахроматический цвет *white* представляет собой физическое явление реального мира и в то же время участвует в образовании переносных значений. Терминокомпонент *white* в представленных выше терминах (табл. 4) несет *прямое денотативное значение* (*white goods*), *переносное образное значение* (*white-collar workers*), а также *символическое значение* (*white knight*).

В парных терминах *white goods* и *black goods* терминокомпоненты-колоративы подчеркивают физический цвет товаров, тогда как в составе терминов-согипонимов *white knight* и *black knight* выявляют моральную сторону вопроса при поглощении компаний. Таким образом, терминокомпонент *black* в составе представленных выше двухкомпонентных терминов несет *прямое денотативное значение* (*black goods*), *переносное образное значение* (*black market*), а также *символическое значение* (*black knight*) (табл. 5).

Товарами серого рынка называются фирменные товары, импортируемые без разрешения владельца авторских прав или торговой марки [7, с. 297]. Такие товары продаются в несанкционированных местах и неофициальными дилерами по

Таблица 4

Терминокомпонент-колоратив белый

№	Термины	Дефиниции
1	<i>white goods</i>	heavy consumer durables such as air conditioners, refrigerators, stoves, etc., which is used to be painted in <i>white</i> enamel finish. Despite their availability in various colors now, they are still called <i>white goods</i> ⁸
2	<i>white-collar workers</i>	belonging or pertaining to the ranks of office and professional workers whose jobs generally do not involve manual labor or the wearing of a uniform or work clothes ⁹
3	<i>white knight</i>	a company that comes to the rescue of another, as to prevent a takeover ¹⁰

Примечание: ⁸ Электронный словарь по экономике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessdictionary.com> (дата обращения: 10.03. 2016). ⁹ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.reference.com> (дата обращения: 10.03. 2016). ¹⁰ Ibid

Таблица 5

Терминокомпонент-колоратив черный

№	Термины	Дефиниции
1	<i>black goods</i>	electronic goods which are housed in black or dark casings, such as TV, video, CD players, etc. ¹¹
2	<i>black market</i>	unlawful trading in goods that are scarce, either because supplies are officially rationed or forbidden, or because prices or controlled by government order [10, с. 294]
3	<i>black knight</i>	A company which makes a hostile takeover bid on a target company ¹²

Примечание: ¹¹ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 10.03. 2016). ¹² Электронный словарь по экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investorwords.com> (дата обращения: 10.03.2016).

Терминокомпонент-колоратив *серый*

№	Термины	Дефиниции
1	<i>grey goods</i>	products that are bought in a foreign country and sold more cheaply than in the manufacturer's usual distribution system ¹³
2	<i>grey market</i>	Lawful trading in goods that are scarce at a particular time and therefore command a much higher price than is normal [10, с. 295]
3	<i>grey knight</i>	an ambiguous intervener in a takeover battle, who makes a counterbid for the shares of the target company without having made his intentions clear ¹⁴

Примечание: ¹³ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.03. 2016).¹⁴ Электронный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com>(дата обращения: 10.03. 2016).

заниженным ценам (на так называемом «сером рынке» (*grey market*)). Таким образом, «серые товары» характеризуют не сам продукт и его свойства, но отличающийся от общепринятого способ продажи. «Серость товара», следовательно, является в первую очередь оценкой структуры распространения товара. Ахроматический терминокомпонент *grey* в терминах *grey goods*, *grey market*, *grey knight* подчеркивает нравственную характеристику объектов, которая не является идеальной с этической точки зрения, а несет двойственность (табл. 6).

В терминах *grey goods*, *grey market*, *grey knight* цветовой терминокомпонент выявляет один и тот же когнитивный признак — сомнительность этической стороны вопроса. Образность терминокомпонента-колоратива *grey* несет антропоцентрическое начало и позволяет в компактной форме передать в том числе и эмоциональный компонент значения.

В качестве заключения необходимо отметить, что колоративная образность в английской экономической терминологии создает трудности для восприятия, понимания и перевода, поскольку терминокомпоненты-колоративы в терминах предполагают различные коннотации.

В связи с тем, что тождественные терминокомпоненты-колоративы номинируют неоднородные существенные признаки объектов, вспоминается мысль Г. Н. Складневской о том, что «компонент семантики, осуществляющий смысловую связь метафорического значения с исходным, обладает разной степенью сложности» [4, с. 50].

Таким образом, подтверждается идея, что само «сознание человека гетерогенно, и высокая когнитивная сложность в одной содержательной области может соседствовать с низкой когнитивной сложностью в другой» [3, с. 210]. Колоративная образность английских экономических терминов свидетельствует о том, что связь цвета и внутреннего мира человека не является однозначной и линейной.

Литература

1. Булычева В. П. Функционально-стилистическая характеристика средств образности в английских текстах экономической тематики. Астрахань, 2011.
2. Годин С. Фиолетовая корова. М. : Росмэн-бизнес, 2004.
3. Петренко В. Ф. Основы психосемантики : 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005.
4. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : СПбГУ, 2004.

5. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М. : Тривола, 1996.
6. Бухгалтерский учет и аудит. Новый англо-русский толковый словарь / под общ. ред. Сторчевого М. А. СПб. : Экономическая школа, 2004.
7. Маркетинг и торговля. Новый англо-русский толковый словарь / под общ. ред. М. А. Сторчевого СПб. : Экономическая школа, 2003.
8. Менеджмент и экономика труда. Новый англо-русский толковый словарь / под общ. ред. Сторчевого М. А. СПб. : Экономическая школа, 2004.
9. *Dictionary of Marketing Terms*. Barrons, NY, 2000.
10. *Longman Dictionary of Business English*. L., 1993.

References

1. Bulycheva V P. *The functional and stylistic characteristic of means of figurativeness in the English texts of economic subject* [Funktsional'no-stilisticheskaya kharakteristika sredstv obraznosti v angliiskikh tekstakh ekonomicheskoi tematiki]. Astrakhan, 2011. (rus)
2. Godin S. *Violet cow* [Fioletovaya korova]. M. : Rosman-business, 2004. (rus)
3. Petrenko V. F. *Psychosemantics bases* [Osnovy psikhosemantiki]. 2nd edition, SPb. : Piter, 2005. (rus)
4. Sklyarevskaya G N. *Metaphor in system of language* [Metafora v sisteme yazyka]. SPb. : St.Petersburg State University [SPbGU], 2004. (rus)
5. Solso R. L. *Cognitive psychology* [Kognitivnaya psikhologiya]. M. : Trivola, 1996. (rus)
6. Accounting and audit. New English-Russian definition dictionary [Bukhgalterskii uchët i audit. Novyi anglo-russkii tolkovyi slovar'] / Under a general edition of Storchevy M. A. SPb. : Economic school [Ekonomicheskaya shkola], 2004. (rus)
7. Marketing and trade. New English-Russian definition dictionary [Marketing i trgovlya. Novyi anglo-russkii tolkovyi slovar'] / Under a general edition of Storchevy M. A. SPb. : Economic school [Ekonomicheskaya shkola], 2003. (rus)
8. Management and economy of work. New English-Russian definition dictionary [Menedzhment i ekonomika truda. Novyi anglo-russkii tolkovyi slovar'] / Under a general edition of Storchevy M. A. SPb. : Economic school [Ekonomicheskaya shkola], 2004. (rus)
9. *Dictionary of Marketing Terms*. Barrons, NY : 2000.
10. *Longman Dictionary of Business English*. L. : 1993.

Леонтьева А. Н., Виноградова М. В.,
Шумилов М. М., Кекконен А. А.

Современные вызовы развитию местного самоуправления в России и Норвегии

Леонтьева Анна Николаевна

Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург)
Научный сотрудник
an.leontieva@mail.ru

Виноградова Мария Владимировна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Магистрант кафедры управления в социально-экономических системах
mashvinogradova@gmail.com

Шумилов Михаил Михайлович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международных отношений
Доктор исторических наук, профессор
mshumilov@mail.ru

Кекконен Антон Андреевич

Администрация Петрозаводского городского округа (Петрозаводск)
Консультант Отдела технологического и программного обеспечения
anton.kekkonen@petrozavodsk-mo.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются системы организации местного самоуправления в Норвегии и России с учетом специфики внешних и внутренних условий функционирования муниципальных органов власти. В рамках сопоставления представлены основные этапы развития систем местного самоуправления, управленческие практики, выявлены актуальные проблемы, стоящие перед местным самоуправлением в двух странах, проанализированы факторы, обуславливающие необходимость проведения муниципальной реформы. Раскрываются принципы, механизмы и методические основы процесса реформирования путем объединения муниципальных образований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

местное самоуправление, муниципальная реформа, объединение муниципальных образований, финансово устойчивые муниципалитеты, международное сотрудничество

Leontieva A. N., Vinogradova M. V., Shumilov M. M., Kekkonen A. A.

Actual Challenges to Local Self-Government Development in Russia and Norway

Leontyeva Anna Nikolaevna

Institute of Problems of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Research Associate
an.leontieva@mail.ru

Vinogradova Maria Vladimirovna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's student of the Chair of Management in Social and Economic Systems
mashvinogradova@gmail.com

Shumilov Mikhail Mikhailovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of International Relations
 Doctor of Science (History), Professor
 mshumilov@mail.ru

Kekkonen Anton Andreevich

Administration of the Petrozavodsk City District (Petrozavodsk, Russian Federation)
 Consultant of Technology and Software Department
 anton.kekkonen@petrozavodsk-mo.ru

ABSTRACT

The article examines the systems of local self-government in Norway and Russia considering specificity of external and internal conditions of local authorities functioning. The authors compared main stages of local self-government development, management tools, revealed topical for both countries issues, analyzed factors stipulating municipal reform. Principles, mechanisms and methodic basis of reforming municipalities through amalgamation are presented.

KEYWORDS

Local self-government, municipal reform, amalgamation of municipalities, financially robust municipalities, international cooperation

Система местного самоуправления в России, сформировавшаяся в конце 1990-х — начале 2000-х гг., имеет глубокие исторические корни и базируется на традициях общинной самоорганизации населения, практике земства и деятельности местных советов в советский период. В своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. Президент России В. В. Путин назвал местное самоуправление, наряду с самодеятельными организациями граждан, «лучшей школой гражданственности». По его словам, «только из эффективных механизмов самоуправления может вырасти настоящее гражданское общество и настоящая национально ориентированная элита»¹.

Сегодня развитие местного самоуправления обусловлено Конституцией РФ 1993 г., закрепившей основы его российской модели (гл. 8). Характеризуя его как самостоятельную форму народовластия (ст. 3), Конституция провозгласила право народа осуществлять власть непосредственно (путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления), а также через выборные и другие органы местного самоуправления (ст. 130). Экономическая основа функционирования местного самоуправления обеспечивается равенством муниципальной, государственной, частной и иных форм собственности (ст. 8). Граждане РФ имеют право самостоятельно решать вопросы местного значения, владеть, пользоваться и распоряжаться муниципальной собственностью (ст. 130).

Необходимо отметить, что российское законодательство в сфере местного самоуправления развивается в русле магистрального направления устройства европейских местных органов власти. В апреле 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления, которая, имея приоритет по отношению к национальному законодательству, стала составной частью ее правовой системы².

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 26.02.2016).

² Европейская хартия местного самоуправления. Страсбург, 15 октября 1985 года [Электронный ресурс] // Совет Европы. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a105> (дата обращения: 26.02.2016).

Принятие Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (131-ФЗ) означало дальнейшее сближение с европейским законодательством. С этого времени российская модель местного самоуправления разделяет основной для континентальной (французской) модели принцип «негативного регулирования», в соответствии с которым органы местного самоуправления вправе осуществлять действия, прямо не запрещенные законом.

Реализация 131-ФЗ создала новую архитектуру правового пространства России, приблизив власть к населению. В целом реформа местного самоуправления, начавшаяся в 2003 г., завершилась к 2008 г., обеспечив переход к демократическим принципам организации местного самоуправления. На местах произошло удаление от чрезмерной централизации управления и содержательное сближение с европейскими формами организации народного самоуправления. Вместе с тем ограниченное понимание целей реформы на местах и узкие временные рамки для формирования нового административно-территориального деления не позволили в полном объеме осуществить волю законодателя на всей территории Российской Федерации. В ряде случаев границы муниципальных образований проводились, исходя из изживших себя к тому времени производственных связей советского периода. По этой причине определенное число муниципальных образований оказалось лишено экономической основы своей деятельности.

В настоящее время в России продолжается реформирование системы местного самоуправления, направленное на повышение ее эффективности. Происходит объединение и разделение муниципальных образований, изменение статуса городского или сельского поселения, изменение статуса городского округа, присоединение поселения к городскому округу с внутригородским делением и выделение внутригородского района из городского округа с внутригородским делением. При этом превалирует укрупнение, ведущее, главным образом, к объединению сельских поселений или их присоединению к городским округам. Только в 2014 г. в России было осуществлено 156 преобразований муниципальных образований, включая 118 объединений. Всего же по состоянию на 1 июня 2015 г., согласно данным Министерства юстиции, в РФ насчитывалось 22 820 муниципальных образований¹.

Проводимые преобразования требуют дальнейшего совершенствования местного самоуправления и повышения ведущей координационной роли в этом процессе региональных государственных органов власти. Значимость в этом контексте регионального уровня обусловлена спецификой географического положения, системы расселения и производственных связей, характерных для конкретных субъектов РФ. В соответствии с ней должны приниматься системные и комплексные решения, отвечающие интересам и потребностям муниципальных образований.

Для целей научного исследования, позволяющего осуществлять достоверный сравнительный анализ на основе общности условий хозяйствования, наиболее релевантным уровнем рассмотрения процессов реформирования местного самоуправления можно считать макрорегионы — федеральные округа. В нашем случае географическое предпочтение отдается Северо-Западному федеральному округу (СЗФО). В контексте сближения российской системы местного самоуправления с европейской, представляется целесообразным проанализировать зарубежный опыт организации местного самоуправления.

Применительно к СЗФО РФ несомненный познавательный и практический интерес представляет опыт реализации скандинавской модели местного самоуправле-

¹ Паспорт местного самоуправления: лето 2015 года [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. 2015. 3 сентября. URL: <http://www.eg-online.ru/article/289964/> (дата обращения: 26.02.2016).

ния. Прежде всего, речь идет о Норвегии, стране с сильной и хорошо функционирующей системой местного самоуправления¹. Она отличается от других скандинавских стран тем, что нормы о местном самоуправлении не закреплены в ее конституции. Несмотря на это, муниципалитеты играют здесь ведущую роль в организации социальной инфраструктуры и публичном управлении [1].

В Норвегии полностью выполняется один из принципов Европейской хартии местного самоуправления, который позволяет муниципалам сотрудничать друг с другом. На этом основано существование норвежской Ассоциации местных и региональных властей (KS), которая, аккумулируя интересы муниципального сообщества, лоббируя их на самых высоких уровнях власти, объединяет все муниципалитеты и регионы, а также 500 муниципальных предприятий². В 2000 г. было достигнуто соглашение о регулярном проведении консультативных встреч между центральным правительством и KS [6, р. 30]³.

Согласно 131-ФЗ, который прямо предписывает межмуниципальное сотрудничество, в субъектах РФ образованы советы муниципальных образований (СМО). Их организация и деятельность осуществляются в соответствии с требованиями Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», применяемыми к ассоциациям. Советы муниципальных образований сформировали единое общероссийское объединение муниципальных образований — Общероссийский Конгресс муниципальных образований (ОКМО), представляющий муниципальное сообщество России на международной арене. Однако внешнее сходство KS и ОКМО не снимает принципиальных различий между ними. Достаточно сказать, что президентом ОКМО является председатель комитета ГД РФ по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления В. Б. Кидяев, добивающийся от исполнительных директоров СМО участия «в планерках губернаторов» и информирования последних о ситуации в муниципалитетах⁴.

Основы местного самоуправления в Норвегии были заложены принятием в 1837 г. национальным парламентом (Стортингом) Акта Ольдермана — первого в Северной Европе закона такого рода. По словам норвежского министра местного самоуправления и регионального развития Магнхилд Клеппы, эта реформа стала важным шагом в направлении углубления и расширения демократизации общества в целом⁵.

¹ Holm-Hansen J. Norway's Municipal International Cooperation – Results Achieved and Lessons Learnt [Электронный ресурс] // Norwegian Institute for Urban and Regional Research: Oslo, March 2015. URL: <http://www.nibr.no/filer/2015-6.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

² Малов К. В. Институты местного самоуправления Норвегии и России: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // ИЭОПП СО РАН, г. Новосибирск. URL: <http://econom.nsc.ru/conf08/info/Doklad/Malov2.doc>; Назарова Г. Одним аршином не измерить [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 14 октября. № 194. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10281105@SV_Articles; Project on «Local and regional democracy in Norway». Adopted by The Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe at the 28th Session. Strasbourg, France. 24–26 March 2015. – CG/2015(28)5FINAL. 26 March 2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=2295245&Site=COE>. Ассоциация образована в 1972 г. путем слияния Союза норвежских городов (основан в 1903 г.) и Норвежской Ассоциацией сельских поселений (1923 г.).

³ Statement by Jardar Jensen, State Secretary at the Ministry of Local Government and Modernisation, Norway [Электронный ресурс] // Monitoring report on Local and regional democracy in Norway. CG/2015(28)5PROV. Plenary sitting 28th Session of the Congress, Thursday 26 March 2015. URL: <https://wcd.coe.int/com.intranet.InstraServlet?command=com.intranet.CmdBlobGet&IntranetImage=2713339&SecMode=1&DocId=2250912&Usage=2> (дата обращения: 26.02.2016).

⁴ Виктор Кидяев призвал советы муниципальных образований активнее работать в регионах [Электронный ресурс] // ОКМО. 2015. 18 декабря. URL: <http://www.okmo.pf/?id=3069> (дата обращения: 26.02.2016).

⁵ Speech held by Magnhild Meltveit Kleppa, Minister of Local Government and Regional Development at the Indo Norwegian Symposium, Inaugural address, New Delhi 29th October 2007 [Электронный

С этого времени политическая система становилась все более чувствительной к запросам населения, в обществе не затихала дискуссия о взаимоотношениях местных и центральной властей. Со временем в ведение коммун перешли полномочия по управлению городским хозяйством (система водоснабжения, вывоз бытовых отходов, уборка улиц, городское планирование и др.). Одновременно улучшалось финансовое обеспечение проводимых преобразований посредством введения монополии на сбор подоходного налога, развитой социальной политики (треть расходов шла на общедоступные школы и помощь бедным), а также усиления политической и финансовой самостоятельности местных органов власти¹.

В 1930–1960-е гг. происходило сужение местной автономии. Муниципалитеты были, прежде всего, нацелены на решение общенациональных задач по созданию государства всеобщего благосостояния. Фокус внимания местных властей сосредоточился на удовлетворении потребностей населения, предоставлении качественных услуг, адаптации системы муниципального управления к запросам общества и коммерческих структур. Вопросам политического участия населения в местном самоуправлении в этот период не придавалось большого значения².

В 1970-е гг. под влиянием европейских интеграционных процессов в обществе оживилась дискуссия о механизмах взаимодействия власти и населения, стало уделяться больше внимания экологической проблематике. Вступление в силу Европейской хартии местного самоуправления в 1989 г. установило принцип автономии муниципального управления как необходимого условия повышения легитимности управленческих и политических решений на локальном и национальном уровне. С 1990-х гг., руководствуясь принципами устойчивого развития, местные власти Норвегии стремились к постоянному повышению качества предоставляемых услуг и развитию демократических институтов путем сокращения дистанции между властью и населением и вовлечения последнего в процесс принятия управленческих решений. Действующий закон «О местном самоуправлении» от 25 сентября 1992 г. является пятым за более чем 170-летнюю историю правового регулирования данной сферы.

Успешные практики местного самоуправления позволяют Норвегии активно распространять свой опыт. По ее инициативе в 1993 г. был образован Баренцев Евроарктический регион (БЕАР), состоящий из северных регионов Норвегии, Швеции, Финляндии и РФ (из российских регионов в него вошли Мурманская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ, Республика Коми и Республика Карелия). Сегодня Норвегия берет на себя большую часть финансирования проектов БЕАР³.

В настоящий момент в Норвегии проводится масштабная муниципальная реформа, направленная на изменение размеров муниципальных образований в целях оптимизации исполнения полномочий органами местного самоуправления, повышения качества управления и экономической устойчивости коммун, которых сегодня насчитывается 428. Главная цель правительства, как и в других странах Северной Европы, сводится к укрупнению муниципалитетов и расширению их полномочий. Предполагается, что они возьмут на себя дополнительные обязанности при полу-

ресурсы] // Government.no. URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=en&tl=ru&u=https%3A%2F%2Fwww.regjeringen.no%2Fen%2Faktuelt%2Fexperience-of-local-self-government-indi%2Fid488876%2F&anno=2> (дата обращения: 26.02.2016).

¹ Nilson L. Local self-government in northern Europe in the 19th and 20th centuries [Электронный ресурс] // Institute of Urban History, Stockholm University. URL: <http://www.historiaurbium.org/english/Conference%202009/Nilsson.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

² Nilson L. Local self-government in northern Europe in the 19th and 20th centuries.

³ Реверанс Москвы на фоне баренц-декораций Осло: к итогам сессии глав МИД СБЕР в Оулу [Электронный ресурс] // Аналитическая редакция EADaily. 2015. 20 октября. URL: <https://eadaily.com/news/2015/10/20/reverans-moskvy-na-fone-barenc-dekoracy-oslo-k-itogam-sessii-glav-mid-sber-v-oulu> (дата обращения: 26.02.2016).

чений большей автономии. Также, по мнению правительства, ослабление контроля над муниципалитетами приведет к укреплению демократии на низовом уровне¹.

До середины 2016 г. Министерство местного самоуправления и модернизации (Ministry of Local Government and Modernization)² предлагает муниципалитетам определиться в своем выборе. К этому времени губернаторы провинций представляют Министерству официальные заключения о целесообразности изменений территориального устройства. Весной 2017 г., то есть до окончания срока полномочий действующего парламента, правительство предполагает внести на его рассмотрение проект закона о новой структуре муниципальных образований. Показательно, что перед принятием решения парламента должен будет провести собственную независимую экспертизу. Муниципалитеты не смогут противодействовать изменениям, которые он признает целесообразными на региональном и муниципальном уровнях.

Доминирующая роль Стортинга в ключевых решениях по проведению муниципальной реформы говорит о том, что в законе могут быть отражены варианты объединения муниципалитетов, которые не будут поддержаны на местном уровне. Поскольку объединение муниципалитетов не ограничивается территориями провинций, организация полноценного взаимодействия региональных, местных властей и общественности имеет высокую значимость и финансируется профильным Министерством. Выбор формы учета мнения граждан остается на усмотрении муниципалитетов — это может быть референдум или опрос жителей. Министерство предусматривает завершить муниципальную реформу к 1 января 2020 г., совместив ее с проведением парламентских выборов.

По состоянию на 1 января 2015 г. в Норвегии проживало 5,166 млн чел. В соответствии с прогнозами национального статистического бюро, к 2030 г. число жителей может увеличиться до 5,948 млн чел. за счет роста численности населения в крупных городах. Так, ожидается, что население Осло, численность которого на начало 2013 г. составляла 624 тыс. чел., к 2030 г. увеличится на 200 тыс. чел.

Важным фактором, во многом определяющим демографическую политику правительства, является продолжительная тенденция старения населения. Согласно прогнозам, в 2060 г. каждый пятый житель Норвегии будет старше 70 лет. Суммарный же коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте) в 2013 г. составлял 1,78 при норме 2,14–2,15, необходимой для простого замещения поколений. В то же время характер воспроизводства населения не является депопуляционным: естественный прирост населения в 2014 г. составил 3,6 чел. на 1000 жителей. Это объясняется притоком в страну иммигрантов, численность которых в начале 2015 г. составляла 805 тыс. чел., или 15,6% населения. При этом 669 тыс. из них родились за границей и еще 136 тыс. — непосредственно в Норвегии в семьях иммигрантов³.

Административно-территориальное устройство королевства предполагает три уровня управления: национальный, региональный (провинции или фюльке) и муниципальный (коммуны). Столица, Осло, является одновременно и муниципалитетом, и провинцией. Таким образом, Норвегия разделена на 19 провинций (в каждой из которых от 14 до 44 муниципалитетов) и 428 муниципалитетов, значительно отличающихся по площади и плотности населения. Численность населения более чем в половине му-

¹ Kaldager T. Norway: steps on the path to reforms [Электронный ресурс] // Nordregio New. Issue 3. September 2015. Reforms sweeping over the Nordic countries? URL: <http://norden.diva-porta1.org/smash/get/diva2:860942/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

² До 1 января 2014 г. — Министерство местного самоуправления и регионального развития (Ministry of Local Government and Regional Development).

³ This is Norway 2015 [Электронный ресурс] // Statistics Norway. URL: [http://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/](http://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/this-is-norway/); http://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/_attachment/237252?_ts=14f4a08c970 (дата обращения: 26.02.2016).

муниципалитетов составляет менее 5000 чел. [6, p. 8–9]. Как следует из табл. 1, муниципалитеты несут ответственность за исполнение значительного количества полномочий. При этом они обладают высокой степенью автономности в определении приоритетов развития территории и осуществлении оперативного управления.

Необходимость проведения реформирования административно-территориального устройства Норвегии путем объединения муниципалитетов обусловлена динамичными социально-экономическими процессами, которые формируют вызовы как для системы местного самоуправления, так и для правительства страны:

1. Увеличение численности населения и повышение в его составе доли лиц пожилого возраста. Как отмечалось выше, Норвегия столкнулась с одним из ключевых вызовов развитых стран — старением населения, а следовательно, с необходимостью постоянного увеличения инвестиций в систему социального обеспечения и обслуживания пожилых граждан. Уже на данный момент ожидаемая продолжительность жизни составляет 81,5 год. Одним из способов решения данной проблемы является реализация миграционной политики, способной обеспечить приток дополнительной рабочей силы, прежде всего, в социальную сферу. Однако в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, во многом обусловленной снижением цен на экспортируемые углеводороды, становится очевидной необходимость повышения эффективности деятельности системы социального благосостояния, в том числе за счет оптимизации сети социального обслуживания при условии сохранения качества предоставляемых услуг.

2. Под влиянием центростремительных миграционных потоков происходит сокращение постоянного населения в самых малонаселенных районах Норвегии. Удаленные сельские территории становятся сезонными объектами рекреации. При этом муниципалитеты продолжают нести обязательства по оказанию социальных и бытовых услуг, что в ряде случаев невозможно без увеличения объемов государственной поддержки.

Таблица 1

**Распределение полномочий между уровнями
управления в Норвегии [6, p. 10–11]**

Центральное правительство	Провинции	Муниципалитеты
Система национального страхования	Средняя школа	Начальная и младшая школы
Отдельные медицинские услуги (больницы)	Дороги и общественный транспорт	Детские сады
Высшее образование / университеты, рынок труда, беженцы и иммигранты	Региональное планирование и развитие бизнеса	Первичная медицинская помощь
Национальная дорожная сеть, железная дорога, агропромышленный комплекс, защита окружающей среды	Культура (музеи, библиотеки, физическая культура и спорт)	Социальное обслуживание пожилых и инвалидов
Полиция, суды, тюрьмы, вооруженные силы, международная политика	Объекты культурного наследия	Планирование на местном уровне: сельское хозяйство, защита окружающей среды, дороги местного значения, порты
Отдельные социальные услуги	Вопросы защиты окружающей среды	Водоснабжение, водоотведение и канализация
		Культура
		Содействие развитию бизнеса

3. В целом ряде случаев хозяйственные организации соседствующих муниципальных образований де-факто образуют общее экономическое пространство (высокая интенсивность хозяйственных связей, единый рынок труда и т. д.) Однако де-юре они являются объектами управления двух разных муниципалитетов, конкурирующих за привлечение инвесторов и бюджетного финансирования. Таким образом, наблюдается несоответствие между административным и функциональным делением территории. По этой причине все громче звучат призывы к управлению экономикой двух муниципалитетов как единым целым в интересах повышения эффективности. Вместе с тем, межмуниципальное взаимодействие в организации систем обеспечения жизнедеятельности породило целый ряд новых вопросов. Так, перенос принятия управленческих решений на уровень межмуниципального сотрудничества может приводить к ослаблению влияния избирателей на принятие управленческих решений. В связи с этим возникают новые вызовы для демократического самоуправления на местах.

4. Объем задач, решаемых муниципалитетами, требует значительного укрепления их ресурсной базы. Это уже привело к тому, что органы власти провинциального уровня осуществляют в основном координационную функцию. На этом фоне дебатировался вопрос о дальнейшем сокращении их функциональности при одновременном повышении ответственности муниципалитетов и расширении круга их полномочий. Правящая Консервативная партия и Партия прогресса выступают за полное упразднение региональных органов власти.

5. Норвежские политики видят угрозу для местной демократии в повышении зависимости финансово несамостоятельных, малых муниципалитетов от властей регионального и национального уровня.

Исходные положения необходимости реформирования местного самоуправления в России, в частности в СЗФО РФ, в полной мере воспроизводят приведенные факторы, однако важно отметить существенные расхождения в деталях. Так, проблема старения населения характерна и для СЗФО РФ. Доля населения старше трудоспособного возраста в 2005 г. составляла 21,4%, а к 2013 г. достигла 24,8%. Коэффициент миграционного прироста с 27 чел. увеличился в 2,6 раза до 72 чел. на 10 000 чел. населения. При этом ожидаемая продолжительность жизни составляет 71 год, то есть на 10 лет меньше, чем в Норвегии¹.

Старение населения помимо увеличения нагрузки на социальный комплекс приводит к депопуляции сельских территорий. Различается и миграционный профиль. Если в Норвегии большинство мигрантов прибывает из-за рубежа, то в СЗФО РФ в составе прибывших в 2013 г. 82% составили россияне и только 18% — международные мигранты². При этом легальные мигранты, прибывшие в субъекты СЗФО из-за пределов России, также активно включаются в трудовую деятельность, в том числе и в социальный комплекс. Нелегальная трудовая миграция преимущественно насыщает строительную отрасль.

Агломерационный эффект мегаполиса (Санкт-Петербурга), абсорбирующего человеческий капитал соседних регионов, вкупе с тенденцией старения населения, также как и в Норвегии, приводит к оттоку населения из периферийных территорий. В силу отсутствия стимулирующих факторов экономического и социального характера и острого дефицита рекреационной инфраструктуры, населенные пункты, а в ряде случаев и муниципальные образования коллапсируют как хозяйственные единицы.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm (дата обращения: 26.02.2016).

² Регионы России. Социально-экономические показатели 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/02-13.htm (дата обращения: 26.02.2016).

В Ленинградской области, одном из наиболее развитых регионов СЗФО, рекреационный потенциал используется не далее чем в границах 50-километровой зоны вокруг Санкт-Петербурга, охваченной активным загородным строительством.

Экономическая несостоятельность многих муниципальных образований в России во многом обусловлена положенным в основу административно-территориального деления географическим принципом, при котором даже советская система сельсоветов не позволяла территориальным образованиям осуществлять управление территорией, опираясь на собственные ресурсы, ввиду нерентабельности экономической деятельности [4]. В СЗФО РФ эта проблема усугубляется наличием моногородов, диверсификация экономики которых является самостоятельным направлением работы по линии поддержки местного самоуправления.

Следует отдельно остановиться на различиях в формировании доходов муниципальных бюджетов и их распределении в интересах местных жителей. Прежде всего, надо сказать, что во второй половине 1980-х гг. был разработан механизм выравнивания бюджетных поступлений и расходов на местные нужды (General Purpose Grant scheme). Важной предпосылкой его совершенствования в интересах обеспечения равной доступности стандартных услуг, предоставляемых населению, явился принятый в 1992 г. Закон о местном управлении (The Local Government act).

До последнего времени в Норвегии более половины доходов (до 55%) муниципалитеты получают в виде налогов и различных сборов с населения и меньшую часть от правительства в рамках грантовой схемы поддержки, предусматривающей целевые гранты и субсидии общего назначения (block grants). В 2008 г. целевые гранты (примерно 20% доходов) направлялись муниципалитетами на поддержку детских дошкольных заведений, уход за престарелыми и инвалидами, также они расходуются на нужды беженцев и иммигрантов.

Субсидии общего назначения (в 2008 г. их доля составила 17,2%), представляющие собой механизм перераспределения ресурсов в пользу муниципалитетов, выравнивали экономические возможности органов местного самоуправления и способствовали снижению неравенства в доходах (в пересчете на душу населения), несмотря на существующие различия в размерах собираемых налогов. Сегодня, в условиях достигнутого общенационального консенсуса о необходимости повышения ответственности местных политиков за выбор социальных проектов, принятие и реализацию решений, ведущих к повышению благосостояния граждан, регулирование сферы социальных услуг с учетом местных потребностей и требований, им отдается предпочтение. Неудивительно, что в 2015 г. в доходах муниципалитетов и регионов общие субсидии составляют 36%, а целевые гранты только 4%¹.

Муниципалитет, где налоговые поступления на душу населения превышают средний по стране уровень², 40% разницы оставляет у себя, а 60% передает наверх для последующего перераспределения в интересах менее успешных в этом отношении органов самоуправления. Если же муниципалитет находится в пределах 90–100% от среднего уровня, то дельта возмещается в размере 60%. Муниципалитет, демонстрирующий собираемость налогов менее 90%, получает компенсацию в размере 60% до 100% величины и 35% до 90% [6, р. 25–27, 32]³.

¹ Lilleschulstad G. Local government in Norway – principles, guidelines and responsibilities [Электронный ресурс] // Paper prepared for the 5th Copenhagen Workshop, 2015. URL: http://english.sim.dk/media/969553/grete_lilleschulstad.pdf (дата обращения: 26.02.2016).

² Поступления от сбора налога на недвижимость с физических и юридических лиц не учитываются.

³ Borge L.-E. Local government in Norway [Электронный ресурс] // Local government in Norway, in A. Moisiso (Ed.) Local Public sector in transition: A Nordic perspective, Government Institute for Economic Research: Helsinki, 2010, p. 95–121. URL: http://www.vatt.fi/file/vatt_publication_pdf/j56.

Напротив, Россию отличает крайне низкий уровень защищенности муниципальных бюджетов. Серьезной проблемой остается недостаточность партнерских отношений между регионами и муниципалитетами. В соответствии с федеральным законодательством, именно муниципалитеты отвечают за решение местных проблем. Но при этом финансовые ресурсы сосредоточены на региональном уровне при отсутствии механизма перераспределения их в пользу местного самоуправления. В результате региональные органы государственной власти перегружают муниципалитеты задачами, не подкрепляя их решение выделением необходимых ресурсов. Серьезную проблему также представляет конкуренция между региональными и муниципальными администрациями за средства областного консолидированного бюджета [5, р. 91–92].

В данном контексте обратим внимание на условия функционирования муниципальных образований (поселений) Ленинградской области, являющейся успешным субъектом РФ в плане состояния местного самоуправления¹. Муниципальные образования региона обладают многими схожими чертами с муниципалитетами Норвегии: более чем в половине муниципальных образований проживает менее 3000 человек, население трудоспособного возраста мигрирует из сельской местности в города, для многих поселений характерен низкий уровень бюджетной обеспеченности. Почти в каждом шестом поселении собственные доходы уступают как минимум в 2 раза объему безвозмездных поступлений и практически равны затратам на содержание органов местного самоуправления [2].

Однако в российских условиях действующий механизм выравнивания бюджетной обеспеченности пока не создает необходимых условий для саморазвития муниципальных образований. Как отмечают представители сельских и городских муниципальных образований, система межбюджетных отношений не стимулирует усилия органов местного самоуправления к развитию доходной базы. Действительно, в случае увеличения собственных доходов местного бюджета усилия органов местного самоуправления нивелируются уменьшением объемов предоставляемой финансовой помощи из районного и регионального бюджетов².

Правительство Норвегии определило следующие цели муниципальной реформы: обеспечение доступности и равного качества услуг населению; создание условий для комплексного и скоординированного развития сообщества; формирование устойчивых, в первую очередь в финансовом отношении, муниципалитетов; активизация местной демократии. Ключевым драйвером муниципальной реформы является оптимизация расходов на деятельность органов власти муниципальных образований.

В Концепции реформирования территориальной организации местного самоуправления выбранной нами в качестве примера Ленинградской области обозначены следующие задачи: повышение уровня сбалансированности местных бюджетов поселений; сокращение численности муниципальных служащих и должностных лиц местного самоуправления; экономия средств местных бюджетов и повышение финансовой обеспеченности сельских поселений. В России и зарубежных странах дискуссии об объединении (укрупнении) муниципалитетов, в конечном счете, упираются в вопрос экономии бюджетных средств. Сторонники объединения обычно

pdf; Financing the Municipalities and Counties in Norway — Specific Grants vs. Block Grants [Электронный ресурс] // Discussion Paper for the Copenhagen Workshop: September 17th–18th 2009. URL: <http://english.sim.dk/media/212219/Grete-Lilleschulstad.pdf>; Lilleschulstad G. Local government in Norway — principles, guidelines and responsibilities; Engdal S. Municipal economy. Presentation / Sigmund Engdal, Special adviser, KS Local Democracy and Economy.

¹ Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <http://msu.lenobl.ru> (дата обращения: 26.02.2016).

² Анализ предложений советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации и иных объединений муниципальных образований.

утверждают, что затраты по территориальному реформированию в дальнейшем окупаются за счет оптимизации хозяйственной деятельности и сокращения управленческих расходов. В свою очередь, их оппоненты указывают на систематическое занижение расчетных финансовых показателей на переходный период.

Именно в этой части результирующие векторы муниципальной реформы Норвегии и России существенно расходятся. В Норвегии муниципальная реформа лишь опосредованно связана с вопросами экономии, тем более что национальное правительство гарантирует компенсацию расходов на прохождение переходного периода и сохранение безвозмездных бюджетных ассигнований объединившимся муниципалитетам в прежнем объеме в течение 15 лет. Более того, помимо указанных мер положительного стимулирования процесса объединения муниципалитетов, норвежское государство использует и фискальные рычаги влияния, формирующие такие финансовые условия хозяйствования, при которых объединение становится необходимостью, особенно для малонаселенных муниципалитетов.

В российских условиях экономия бюджетных расходов является центральным элементом реформирования, что создает угрозу повторения прежних ошибок и проведения объединения по одному критерию, которым в данном случае может стать эффективность бюджетных расходов, без учета реального потенциала саморазвития вновь образуемых территорий. К тому же местное самоуправление зачастую излишне политизировано, перегружено государственными полномочиями и оторвано от действительно местных проблем.

Учитывая уникальность положения каждого муниципального образования, а следовательно, и возможностей наращивания доходной базы в условиях объединения, сторонники и противники реформы делятся на два лагеря. В то время как одни доказывают целесообразность объединения, аргументируя его необходимость будущей экономией, другие выступают против объединения, ссылаясь на недостаточность методологической базы для прогнозирования объемов экономии при условии проведения объединения и оправдывая свою позицию стремлением избежать расходов на пореформенный период.

В сельских территориях, особенно с учетом низкого качества дорожного покрытия и суровых климатических условий СЗФО РФ, серьезной проблемой для граждан становится доступность представителей власти. Поэтому при объединении муниципальных образований, обладающих большой территорией с дисперсной системой расселения, слияние администраций в новом административном центре может привести к снижению доступности органов управления.

В Ленинградской области опасность удаления органов власти от населения в результате объединения отчасти преодолевается развитием новых форм местного самоуправления. Администрация региона инициировала создание института сельских старост. Сегодня их избирают на собраниях (конференциях) жителей сельских населенных пунктов, не являющихся административным центром поселения, с численностью менее 50 чел., или из числа членов общественных советов части территории поселений с численностью жителей от 50 до 500 чел. Староста исполняет свои полномочия на общественных началах или на платной основе по договору за счет средств бюджета поселения¹.

Органы государственной власти Ленинградской области содействуют развитию на части территорий поселений иных форм местного самоуправления путем софинансирования за счет средств областного бюджета расходных обязательств поселений. При этом размер поддержки последних варьируется от 1 до 25% от

¹ Областной закон от 14 декабря 2012 г. № 95-ОЗ «О содействии развитию на части территорий муниципальных образований Ленинградской области иных форм местного самоуправления».

запрашиваемой суммы в зависимости от уровня их дотационности. Объем средств на поддержку поселения, выделенных части территории поселения, не может быть менее 100 000 руб. на один календарный год¹.

Таким образом, решается двуединая задача: приближение административной единицы к населению и повышение эффективности работы органов местного самоуправления за счет наличия контактного звена на местности. В Норвегии данную проблему во многом решают за счет развития электронных средств коммуникации. Пользователями социальных сетей, а также других электронных сервисов являются более 95% взрослого населения. В Норвегии важный ресурс расширения автономии муниципалитетов видят в оптимизации структуры, численности и функций провинциальных органов управления. Решение данной задачи облегчается тем, что последние в принципе не имеют власти над местными коммунами. Наиболее важный предмет их ведомства до последнего времени составляли масштабные задачи, решение которых представляло сложность для муниципальных властей².

В России также ведутся дебаты относительно низкой эффективности одного из уровней управления — но не регионального, как в Норвегии, а районного, второго уровня системы местного самоуправления. Поселения вносят предложения о законодательном исключении муниципальных районов из системы выравнивания уровня бюджетной обеспеченности поселений³.

В Норвегии важнейшими факторами, которые учитывают при принятии решений о слиянии муниципальных образований, являются численность населения и система расселения в муниципальном образовании. По мнению членов экспертной комиссии норвежского правительства по вопросам объединения муниципалитетов, для обеспечения необходимого качества предоставляемых услуг численность населения в муниципальном образовании должна составлять 15 000–20 000 чел. Только в этом случае муниципалитет, как поставщик услуг, будет обладать необходимой ресурсной базой, социально-экономической «связанностью» и сможет создать многоуровневую и разветвленную сеть учреждений социального комплекса, предоставляющих широкий перечень услуг. В то же время в малых муниципалитетах (до 5000 чел.) создание крупных учреждений или повышение их разнообразия нецелесообразны. Также разработки реформы указывают на необходимость соблюдения требований «адекватной удаленности», свободы выбора, высокого уровня вовлечения общественности, гомогенности экономики вновь образованного муниципалитета⁴.

¹ Там же; Об утверждении порядка предоставления субсидий из областного бюджета Ленинградской области бюджетам поселений Ленинградской области на реализацию областного закона от 14 декабря 2012 г. № 95-ОЗ «О содействии развитию на части территорий муниципальных образований Ленинградской области иных форм местного самоуправления». Постановление Правительства Ленинградской области от 19 июля 2013 г. № 214.

² Speech held by Magnhild Meltveit Kleppa; Gravdahl H.-P. Challenges and prospects: experience of countries which are currently implementing municipal amalgamation reforms: Norway [Электронный ресурс] // Conference and peer review on “Municipal consolidation in Europe: trends and solutions to amalgamation and co-operation”. Kyiv, Ukraine, 25–26 September 2014. URL: http://www.coe.int/t/dgap/localdemocracy/News/2014/kiiev2509_en.asp; <http://www.coe.int/t/dgap/localdemocracy/News/2014/kiiev2509/GRAVD AHL.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

³ Анализ предложений советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации и иных объединений муниципальных образований — членов ОКМО по уточнению общих принципов организации местного самоуправления [Электронный ресурс] // Общероссийский Конгресс муниципальных образований. 2014. URL: asmo-rus.org/.../osnovnye_tezisy_po_reforme_msu_dlya_kongressa_mo (дата обращения: 26.02.2016).

⁴ Proposal on municipal economy 2015. Prop 95 S (2013–2014). Municipal proposition 2015. Part II. Local government reform. 4 Local government reform [Электронный ресурс] // Government.no. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/Prop-95-S-20132014/id759298/?q=&ch=3> (дата обращения: 26.02.2016).

В Ленинградской области разработаны следующие минимальные критерии для вновь образуемых поселений:

- объединяемые поселения должны непосредственно граничить друг с другом. Принцип целостности территорий не может нарушаться;
- минимальная численность населения составляет 3000 чел., что значительно меньше, чем в норвежских муниципалитетах. Это несовпадение можно объяснить различиями в объеме полномочий и отсутствием районного уровня в норвежской системе местного самоуправления;
- транспортная доступность центра, наличие почтового отделения.

В Российской Федерации детально проработана нормативно-правовая база объединения муниципальных образований на всех уровнях управления [3]. Приняты подзаконные нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс объединения. В субъектах РФ апробируются процедуры, оцениваются экономические и социальные последствия исполнения принятых решений. В этой связи представляется надуманным вывод К. В. Малова о принципиальном расхождении норвежского и российского местного самоуправления¹. Напротив, несмотря на выявленные различия вызовов развитию местного самоуправления в России и Норвегии, проведенное сопоставление позволяет утверждать, что реформы местного управления в обеих странах формируют основу для взаимного интереса и пространство для выработки совместных решений, прежде всего, в сфере методико-методологического сопровождения данного процесса.

Вместе с тем имеется существенный пробел в консультационном обеспечении процесса реализации муниципальной реформы. Признавая необходимость проведения реформы, субъекты РФ не обеспечивают ее необходимое методическое сопровождение. Так, типовые методические рекомендации по преобразованию муниципальных образований включают только справочное описание законодательной базы преобразования и шаблоны документов, которые необходимо подготовить в случае принятия положительного решения. В то же время, изучение зарубежных, в том числе норвежских материалов по рассматриваемой проблематике, позволило установить широкий перечень документов, содержащих практические рекомендации муниципалитетам по проведению комплексного анализа предпосылок осуществляемых преобразований, определению критериев их успешности, правильности принятия того или иного решения.

Принимая во внимание многоаспектность рассматриваемого процесса, становится очевидной необходимость разработки методики оценки целесообразности объединения муниципальных образований. Такие попытки уже предпринимались и российскими, и зарубежными учеными, но они все еще не нашли воплощения в российской практике муниципального управления. Следовательно, комплексное исследование проблематики объединения и укрупнения муниципальных образований с привлечением зарубежных ученых позволит оптимизировать научную основу процесса совершенствования местного самоуправления. Крайне важно обеспечить максимальную вовлеченность представителей муниципальных органов власти в процесс принятия решения, обеспечив для них достоверный, доступный по форме и научно обоснованный инструментарий работы по этому направлению.

В этой связи представляется целесообразным наладить взаимодействие с норвежскими коллегами по вопросам проведения реформы местного самоуправления.

¹ Малов К. В. Институты местного самоуправления Норвегии и России. По нашему мнению автор абсолютизирует представление о том, что в России муниципальная власть, ее задачи и их доходная база строго ограничены конституционно-законодательными рамками, в то время в Норвегии местное самоуправление является независимым от государственного управления.

Конечно, существующая политическая конфронтация России с рядом европейских стран существенно ограничивает возможность реализации совместных инициатив. Граничащие страны, обладающие мощным потенциалом роста, объединенные общей историей и памятью о помощи и поддержке, не могут и не должны ставить ситуационные факторы выше своих стратегических интересов.

Выходом из сложившегося противоречия может служить взаимодействие в формате *people-to-people*. Так, одной из альтернатив продвижению совместных инициатив в рамках деятельности Совета министров северных стран и его региональных отделений, приостановленной на неопределенное время, является обоюдная поддержка контактов в научной и образовательной сферах. Безусловно, развитию приграничного сотрудничества людей на местном уровне, а также образования, исследований, технологического прогресса и инноваций поспособствует реализация Евросоюзом программы Коларктик (*Kolarctic*), существующей пока в виде проекта на 2014–2020 гг.

Продолжается реализация совместных проектов на приграничных территориях. Так, в сентябре-октябре 2015 г. в рамках президентской программы обмена муниципальными служащими 12 представителей муниципальных и региональных органов власти СЗФО РФ прошли стажировку в городах Норвегии. 23 сентября 2015 г. завершился конкурс проектов в рамках норвежско-российской программы научных исследований.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: проблемное поле развития местного самоуправления в Норвегии и России имеет много сходных черт, но условия реализации практической деятельности существенно различаются; нормативно-правовая база местного самоуправления двух стран базируется на общих принципах; реформа местного самоуправления проходит в различных условиях, однако как в Норвегии, так и в России, методологическая и методическая база реформирования нуждается в совершенствовании; страны связывают активные экономические и социальные контакты, на которые оказывает негативное влияние существующая геополитическая ситуация; совместные социально-экономические исследования и проекты в сфере укрепления горизонтальных связей являются не только источником обогащения управленческого опыта, но и важным фактором стабилизации и сохранения добрососедских отношений в конструктивном формате. Таким образом, продолжение сотрудничества России и Норвегии в части обмена опытом и лучшими практиками организации местного самоуправления имеет под собой реальное основание и является целесообразным, невзирая на политическую конъюнктуру.

Литература

1. Макаров И. И. Правовое регулирование организации местного самоуправления в Норвегии // Государство и право. 2009. № 3. С. 72–76.
2. Местное самоуправление в Ленинградской области: 2014 г. / подготовлен Ассоциацией «Совет муниципальных образований Ленинградской области». СПб. : ООО «Контраст», 2015.
3. Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства / под общ. ред. В. Скоробогатова, И. Макарова; пер. с финского Е. Богданова. СПб. : ИПК «Вести», 2011.
4. Стрижжина И. В. Общероссийская тенденция укрепления муниципальных образований в условиях реформирования местного самоуправления // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14/1. С. 45–50.
5. Dyadik V. Strategic planning at the municipal level: Russian challenges and Nordic practices // Barents Studies: Peoples, Economies and Politics. 2014. Vol. 1. Is. 2. P. 75–95.
6. Local Government in Norway. Published by: Norwegian Ministry of Local Government and Modernisation. Publication number: H-2313 E Print: Andvord Grafisk 03/2014.

References

1. Makarov I.I. *Legal regulation of the organization of local government in Norway* [Pravovoe regulirovanie organizatsii mestnogo samoupravleniya v Norvegii] // State and the Law [Gosudarstvo i pravo]. 2009. N 3. P. 72–76. (rus)
2. *Local government in the Leningrad region: 2014* [Mestnoe samoupravlenie v Leningradskoi oblasti: 2014 g.] / made by Association «Council of Municipalities of the Leningrad Region». SPb. : LLC Contrast [ООО «Kontrast»], 2015. (rus)
3. *Merging of municipalities: experience of Finland and a basis of the Russian legislation* [Ob"edinenie munitsipal'nykh obrazovaniy: opyt Finlyandii i osnovy rossiiskogo zakonodatel'stva] / under a general edition of V. Skorobogatov, I. Makarov; translation from the Finnish E. Bogdanov. SPb. : PPC «Vesti» [ИПК «Vesti»], 2011. (rus)
4. Strizhkina I.V. *The all-Russian tendency of strengthening of municipalities in the conditions of reforming of local government* [Obshcherossiiskaya tendentsiya ukrepleniya munitsipal'nykh obrazovaniy v usloviyakh reformirovaniya mestnogo samoupravleniya] // Scientific sheets of BELSU. Series: History. Political science. Economy. Informatics [Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika]. 2010. N 7 (78). V. 14/1. P. 45–50. (rus)
5. Dyadik V. *Strategic planning at the municipal level: Russian challenges and Nordic practices* // Barents Studies: Peoples, Economies and Politics. 2014. Vol. 1. Is. 2. P. 75–95.
6. *Local Government in Norway*. Published by: Norwegian Ministry of Local Government and Modernisation. Publication number: H-2313 E Print: Andvord Grafisk 03/2014.

Наумов В. Н., Лычагина Е. Б., Шарабаева Л. Ю.

Использование VI-систем для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов государственной власти

Наумов Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой бизнес-информатики, математических и статистических методов
Доктор военных наук, кандидат технических наук, профессор
naumov122@list.ru

Лычагина Елена Борисовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры бизнес-информатики, математических и статистических методов
elenal355@mail.ru

Шарабаева Любовь Юрьевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры бизнес-информатики, математических и статистических методов
Кандидат физико-математических наук, доцент
shar_lu@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности на основе использования современных инфокоммуникационных технологий. Рассказывается об опыте реализации программ повышения квалификации для сотрудников Администрации Правительства Санкт-Петербурга. Проведен обзор VI-систем, приводятся примеры использования таких систем в различных отраслях. Обоснована необходимость использования VI-систем для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов государственной власти. Предложена новая парадигма обучения инфокоммуникационным технологиям в высших образовательных учреждениях, готовящих специалистов государственного и муниципального управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационно-аналитическая деятельность, инфокоммуникационные технологии, системы бизнес-аналитики, VI-системы, OLAP, Data Mining

Naumov V. N., Lychagina E. B., Sharabaeva L. Yu.

Use of BI-Systems for Ensuring Information and Analytical Activity of Public Authorities

Naumov Vladimir Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Business informatics, mathematics and statistical methods
Doctor of Science (Military Science), PhD in Technical Science, Professor
naumov122@list.ru

Lychagina Elena Borisovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Business informatics, mathematical and statistical methods
elenal355@mail.ru

Sharabaeva Lubov Yurievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

This article is devoted to the problems of information — analytical ensuring administrative activity on the basis of use of modern infocommunication technologies. It is told about experience of implementation of programs of professional development for the staff of Administration of the Government of St. Petersburg. The review of BI-of systems is carried out, examples of use of such systems in various branches are given. Need of use of BI-of systems for ensuring information and analytical activity of public authorities is proved. It is offered the new paradigm of tutoring in infocommunication technologies in the highest educational institutions, that train experts of the public and municipal administration.

KEYWORDS

information and analytical activity, infocommunication technologies, business — analysts systems, BI- systems, OLAP, Data Mining

Современная геополитическая ситуация в очередной раз подчеркивает необходимость выработки для нашей страны эффективной национальной стратегии. Реформирование российской экономики и государственного управления наглядно показало, что добиться поставленных целей увеличения ВВП и устойчивого развития можно только перейдя на новый качественный уровень организации управления страной и регионами [5].

В настоящее время наряду с организационным, материальным и правовым все большее значение приобретает информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности на основе использования современных инфокоммуникационных технологий [6].

Программно-аппаратные комплексы, в основу которых заложены математические модели, методы и алгоритмы, дают возможность с высокой долей объективности реализовать все мероприятия управленческого цикла [4], а именно:

- сбор, структурирование и хранение информации;
- моделирование, анализ и прогнозирование;
- мониторинг и контроль выполнения.

В Санкт-Петербурге с 2005 г. успешно функционирует и развивается Интегрированная система информационно-аналитического обеспечения (ИС ИАО), разработанная Санкт-Петербургским государственным унитарным предприятием «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр» в период с 2000 по 2004 гг. На основании приказа Губернатора Санкт-Петербурга от 17.01.2001 № 3п «Об организации информационно-аналитического обеспечения Администрации Санкт-Петербурга» [1]. Созданная для повышения эффективности управленческой деятельности Губернатора Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга и руководителей исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга (далее — ИОГВ), ИС ИАО обеспечивает оперативный доступ руководителей и специалистов ИОГВ ко всей совокупности информационных ресурсов, а также предоставляет возможность разрабатывать информационно-аналитические материалы для лиц, принимающих решения, с таким же оперативным доступом к ним.

При подготовке информационно-аналитических материалов (ИАМ), в виде таких документов, как экспресс-анализ, аналитическая справка, аналитический обзор, аналитическая записка, обязательными требованиями являются:

- *актуальность* — адекватное отражение состояния исследуемого объекта предметной области в каждый момент времени;
- *достоверность* — соответствие используемой при подготовке ИАМ информации реальному состоянию исследуемых проблем;

- *доступность* — предоставления Заказчику доступа к информации по разработанным информационно-аналитическим материалам;
- *лаконичность, ясность и точность изложения*;
- *наглядность* — возможность полноценного визуального восприятия аналитического документа как на экране персонального компьютера Заказчика (Потребителя), так и в бумажном (текстовом) представлении;
- *научность* — наличие научно обоснованных выводов и предложений по результатам моделирования и применения разнообразных методов анализа информации для подтверждения интерпретаций результатов и обоснования выводов и предложений;
- *оперативность* — возможность подготовки ИАМ в установленные сроки и их своевременного доведения до Заказчика;
- *отчетность* — возможность документирования аналитических документов в установленном Заказчиком виде (электронном, письменном и т. д.);
- *официальность* — наличие необходимых реквизитов Разработчика и изложение ИАМ в официально-деловом стиле.

Как правило, исходными данными при подготовке ИАМ являются данные в виде ретроспективных статистических показателей сфер жизнедеятельности Санкт-Петербурга, явно привязанные к соответствующим временным интервалам. Показатели сфер жизнедеятельности Санкт-Петербурга находятся между собой во взаимосвязи, отражая объективную взаимную обусловленность и взаимную зависимость происходящих в обществе явлений. Причем одни из них выступают как показатели-факторы (причины), а другие — как показатели-отклики (следствия). Для того чтобы выявить и сгруппировать условия и факторы, влияющие на данную исследуемую проблему, применяется широкий круг качественных, неформальных методов системного анализа, а также современные инфокоммуникационные технологии, позволяющие автоматизировать рутинные операции [3].

Поэтому сотрудники ИОГВ, разрабатывающие ИАМ, должны в полной мере владеть компетенциями продвинутого пользователя персонального компьютера как для сетевого информационного взаимодействия в интерфейсе ИС ИАО, так и для профессионального использования не только всей линейки программ MSOffice, но и специальных программных продуктов аналитической обработки данных и наглядного визуального представления результатов.

Востребованность таких специалистов подтверждается направлениями повышения квалификации у сотрудников органов государственной власти. Например, одна из программ повышения квалификации, по которой проводилось обучение работников Администрации Правительства Санкт-Петербурга в 2015 г., имела название «Информационно-аналитическое обеспечение деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с использованием современных систем подготовки принятия решений». Она содержала вопросы методологии и инструментария решения прогнозно-аналитических задач в процессе планирования социально-экономического развития территорий, практики применения современных интегрированных систем информационно-аналитического обеспечения деятельности исполнительных органов государственной власти.

В другой программе с названием «Использование современных программных средств статистической обработки данных для эффективного решения практических задач государственного управления» рассматривались средства интеллектуального анализа данных, которые могут быть использованы при решении задач поддержки принятия решений в социальной сфере.

Только в 2015 г. в Северо-Западном институте управления на факультете дополнительного профессионального образования было проведено обучение пяти групп слушателей.

Для поддержки информационно-аналитической деятельности в последние годы появился новый класс информационных продуктов — системы бизнес-аналитики или BI (Business Intelligence) системы. Сегодня такие системы активно используются финансовыми службами почти всех успешных компаний. Их главными пользователями являются торговые предприятия, транспортные организации, телеком-операторы. Высокая потребность в аналитических системах остается в таких секторах экономики, как банковский, телекоммуникации и связи, ритейл. Аналитики отмечают рост внедрения BI-систем в топливно-энергетическом комплексе и фармацевтике.

В табл. 1 приведено распределение числа проектов по отраслям¹.

Таблица 1

Распределение BI-проектов по отраслям

Отрасль	Интеграторов	Проектов
Торговля	25	119
Финансовые услуги, инвестиции и аудит	31	111
Государственные и социальные структуры	19	104
Пищевая промышленность	18	39
Фармацевтика, медицина, здравоохранение	12	31
Телекоммуникации и связь	15	26
Транспорт	16	25
Образование и наука	6	18
Энергетика	7	17
Строительство и промышленность	10	14

Данная таблица показывает, что по числу интеграторов и числу выполняемых проектов отрасль государственного управления и социальной работы выходит на третье место после торговли и финансовых услуг.

На портале TAdviser² приведены данные исследований, проведенных фирмой BARC (Business Application Research Center) в 2012 г. На рис. 1 приведена круговая диаграмма, показывающая, что доля компаний, внедривших BI-системы, в которых количественно доказано преимущество их применения, составляет 22%. С учетом компаний, которыми заявлено, доказано, но количественно не подтверждено это преимущество, такая доля составляет 67%.

При этом в результате анализа установлено, что наиболее высокими результатами являются результаты в области принятия решений, подготовки отчетов, а также повышения качества исходных данных, что и составляет основу информационно-аналитической деятельности. Гистограмма распределения весов влияния BI-систем для тех организаций, для которых количественно доказана эффективность их внедрения, приведена на рис. 2.

К настоящему моменту времени на рынке BI-систем имеется большое число вендоров, в том числе и отечественных. К числу отечественных вендоров, произ-

¹-См. Обзор: Рынок BI в России 2013 // CNews. Аналитика [Электронный ресурс]. http://www.cnews.ru/reviews/rynok_bi_v_rossii_2013/articles/rossijskie_razrabotchiki_bi_zayavili_o_sebe_na_ves_mir/ (дата обращения: 10.03.2016).

²-BI-системы в России. 2014. [Электронный ресурс] <http://www.tadviser.ru/index.php/BI/> (дата обращения: 10.03.2016).

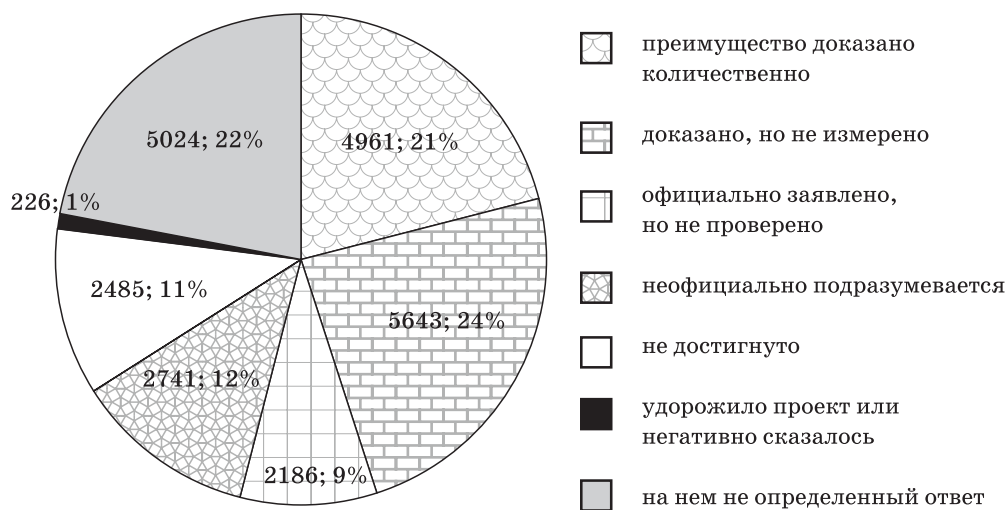

Рис. 1. Распределение компаний по эффективности внедрения BI-систем

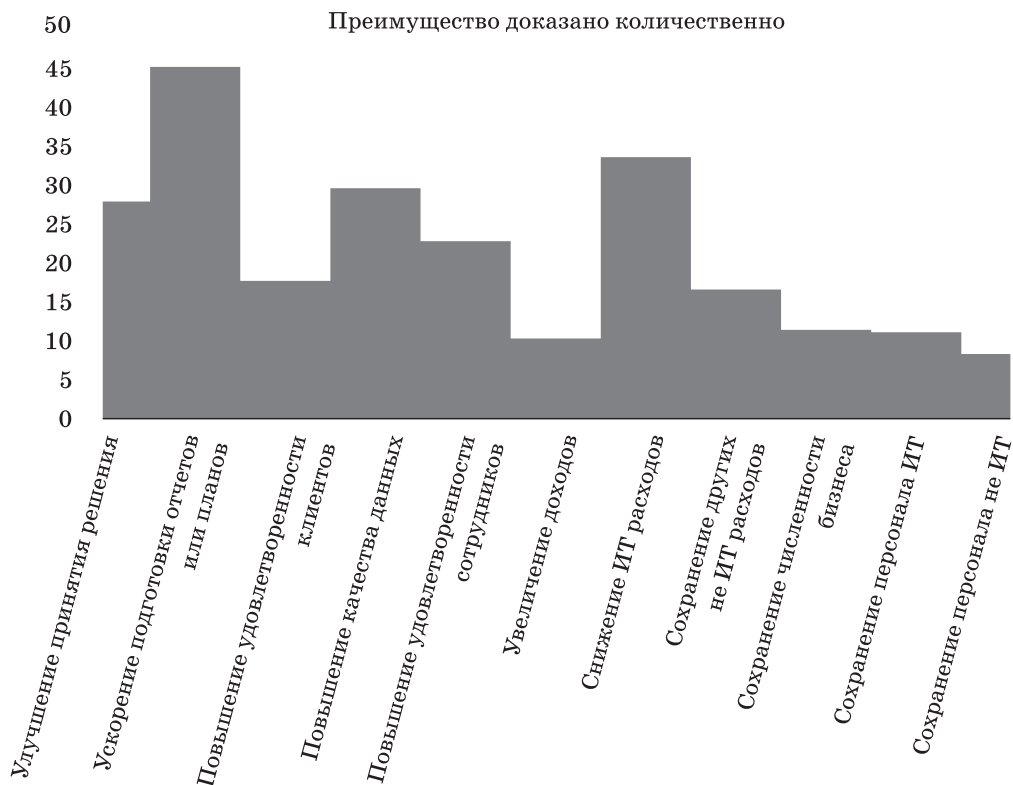

Рис. 2. Диаграмма весов

водящих средства бизнес-аналитики, в первую очередь следует отнести компанию «Прогноз»¹, а также компанию Basegroup Labs². Обе компании работают на отечественном рынке. Количество проектов с их участием в нашей стране в 2013 г. составило соответственно 174 и 19. Доля интеграторов в общем числе внедрений в 2012 г. составила 52 и 27 соответственно. Данные компании организовали различные форумы, сообщества, партнерские программы. Для студентов и преподавателей вузов ими созданы образовательные проекты, предлагающие широкий спектр возможностей и позволяющие устанавливать и использовать в вузах их продукты. В частности в Северо-Западном институте управления РАНХиГС третий год в образовательном процессе используется аналитическая платформа Deductor Academic компании Basegroup Labs.

Известно, что регулярными исследованиями рынков информационных технологий и аппаратного обеспечения занимается компания Gartner. «Магический» квадрант, который составляется этой компанией по различным классам информационных продуктов, на основе устойчивости на рынке, уровне менеджмента, оперативности и качестве услуг, функциональной глубине и др., позволяет определить лидеров и потенциальных лидеров. На рис. 3 приведен такой квадрант для систем бизнес-аналитики в 2014 г.³

Горизонтальная шкала данного квадранта определяет полноту реализованной концепции, вертикальная шкала — возможность реализации. В первом квадранте размещаются вендоры — «лидеры». Анализируя данный квадрант, можно сделать следующие выводы:

1. В магический квадрант уже не первый год входит единственная отечественная фирма «Прогноз».
2. В первый квадрант — квадрант лидеров входят крупнейшие вендоры, в том числе Microsoft, SAP, IBM, QlikTech.
3. Фирма Microsoft в наибольшей степени представлена в органах государственной исполнительной власти своими офисными приложениями. В последних поколениях офисных приложений реализованы средства BI.

Следует отметить, что Microsoft с опозданием включилась в гонку по продвижению BI-платформ и поэтому сейчас ее стратегия — «догнать и перегнать». По оценкам клиентов, Microsoft все еще отстает от компаний, традиционно занимающихся продвижением BI-платформ, особенно в плане управления мета-данными, генерирования отчетов и создания Dashboard.

Microsoft BI представляет собой набор программных продуктов, позволяющий организовывать комплексную аналитику. Эти продукты можно условно разделить на три категории (или три уровня в архитектуре BI-решения)⁴: средства обеспечения доступа пользователей к информации через корпоративный портал; средства анализа и повышения эффективности организации (Performance Management); технологическая инфраструктура решения.

Стремительный рост информационных технологий, информатизация общества приводят к постоянному изменению требований к уровню информационного образования. Можно сказать, что в настоящее время сформирована третья платформа в области информационных технологий, которая ориентируется на обработку больших данных, извлечение знаний из данных, облачные вычисления, обеспечение безопасности информации и др.

¹-<http://www.prognoz.ru>

²-<https://basegroup.ru>

³-См. <http://www.gartner.com>

⁴-См. Microsoft BI // Navicon [Электронный ресурс]. URL: http://www.navicongroup.ru/solutions/microsoft_bi/ (дата обращения: 10.03.2016).

Figure 1. Magic Quadrant for Business Intelligence and Analytics Platforms

Рис. 3. Магический квадрант Гартнера

В «Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» говорится о том, что глобальная технологическая конкурентоспособность России возможна за счет фундаментальных и поисковых исследований в ряде направлений, одно из которых относится к области BI. При этом в Стратегии указывается на необходимость исследований в области обработки больших данных, в том числе анализа больших массивов данных и извлечения знаний, включая новые методы и алгоритмы для сбора, хранения и интеллектуального анализа больших объемов данных (включая вычислительную лингвистику); разработку новых методов и программного обеспечения распределенной обработки больших данных, а также новых методов и программного обеспечения для предсказательного моделирования сложных инженерных решений.

Указанные требования определяют необходимость внедрения BI-систем в информационно-аналитическую деятельность, а также в учебный процесс высших образовательных учреждений, готовящих специалистов государственного и муниципального управления. При этом должна принципиально измениться парадигма обучения инфокоммуникационным технологиям. Акцент с обучения однопользовательскому режиму, в том числе с использованием офисных приложений, должен быть перенесен на обучение корпоративной деятельности на основе использования больших данных. Рекомендуемый фирмой Microsoft стек программных продуктов, приведенный на рис. 4, предполагает три слоя применения BI: пользовательский, прикладной, информационный.

Интерфейс пользователя

Прикладной слой

Платформа бизнес-аналитики

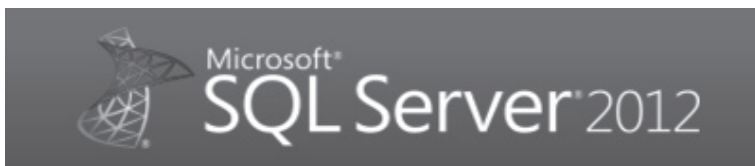

Рис. 4. Стек программных средств BI Microsoft

Основу, ядро платформы бизнес-аналитики, располагаемой на информационном слое, составляет MicrosoftSQLServer. Полный набор его средств позволяет обеспечить оперативную аналитическую обработку данных (OLAP), строить модели для аналитической обработки данных, проводить их многомерный анализ. Особо следует отметить средство AnalysisServicesDataMining, которое позволяет реализовать основные алгоритмы интеллектуального анализа данных:

- ассоциативные правила;
- кластерный анализ;
- деревья решений;
- линейная и логистическая регрессии;
- алгоритм классификации Байеса;
- нейронные сети;
- анализ последовательностей;
- прогнозирование временных рядов.

Данные средства позволяют решить задачу открытия знаний (Knowledge Discovery of Data Bases), агрегировать разрозненные данные, обобщить их с целью поддержки принятия решения.

Прикладной слой основан на приложении SharePoint. Данный продукт представляет собой интегрированный пакет корпоративных приложений. Его использование позволяет организовать совместную работу сотрудников на основе использования основных технологий современной информационной платформы, акцент на социальную составляющую, облака и мобильность. Возможности данного продукта облегчают процессы обмена идеями, отслеживания действия коллег, поиска информации, использования вики и т. п.

Основу пользовательского слоя составляет офисное приложение Excel, которое приобретает абсолютно другую роль. «Электронный перемальвател чисел» превращается в интегрированное средство управления разнородными данными, находящимися на различных платформах, а также составления интерактивных отчетов [2].

Использование сводных таблиц позволяет выбрать из списочной базы данных с большим количеством строк и столбцов те конкретные данные, которые необходимо анализировать. Это значительно сокращает время построения отчетов и упрощает работу с таблицей. Возможность строить сводные таблицы, используя «движок» Power Pivot, превратило Excel по сути в полноценную базу данных. Использование таких средств изменяет стиль деятельности пользователя офисных приложений: от стиля «секретаря», «машинистки», оператора систем транзакционного типа к аналитической деятельности как основной.

Следует также отметить комплексность и системность решений в Microsoft BI. Все средства интегрированы между собой. Существует возможность импорта и экспорта данных. При этом в интеграцию также включаются такие офисные приложения, как Microsoft Project, Microsoft Visio. Встроенный механизм ключевых показателей эффективности позволяет использовать средства бизнес-аналитики также для решения задач контроля и совершенствования бизнес-процессов.

Таким образом, современные BI-системы и средства могут быть использованы для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов государственной власти. В настоящее время рынок BI-систем в России динамично развивается, обгоняя другие сферы информационной отрасли. На рынке сформировались крупные, хорошо известные игроки. Их политика, в том числе, направлена на включение в различные программы сотрудничества высших образовательных учреждений. Одним из таких игроков, относящихся к категории лидеров, является Microsoft. Грамотное использование Microsoft BI как в образовательном процессе, так и в деятельности органов государственной власти, по мнению авторов, позволит существенно повысить эффективность их деятельности, изменить сам характер деятельности, сделав ее информационно-аналитической на базе использования мобильных и облачных технологий, средств извлечения знаний из данных, средств работы с большими данными.

Литература

1. Демидов А. А., Захаров Ю. Н. Информационно-аналитические системы поддержки принятия решений в органах государственной власти и местного самоуправления. Основы проектирования и внедрения: учеб. пособие. СПб. : НИУ ИТМО, 2012.
2. Джелен Б., Александер М. Сводные таблицы в Microsoft Excel 2013. М. : Вильямс, 2014.
3. Кокунов В. А., Соколов Н. Е., Шарабаева Л. Ю. Проблемы внедрения и сопровождения информационных систем // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 146–153.
4. Курзнев В. А., Лычагина Е. Б. Динамические модели управления макроэкономикой // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы: Материалы II Международной конференции. СПб.: 20–21 апреля 2010 г. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2010. С. 30–37.
5. Матвеев В. В. Основы национальной безопасности Российской Федерации: монография. СПб. : «Стратегия будущего», 2015.
6. Наумов В. Н. Методы и средства системного анализа: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2014.

References

1. Demidov A. A., Zakharov Yu. N. *Information and analytical systems of support of decision-making in public authorities and local government. Bases of design and introduction* [Informatsionno-

- analiticheskie sistemy podderzhki prinyatiya reshenii v organakh gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya. Osnovy proektirovaniya i vnedreniya]: Manual. SPb. : NRU ITMO. 2012. (rus)
2. Jelen B., Alexander M. *Summary tables in Microsoft Excel 2013* [Svodnye tablitsy v Microsoft Excel 2013]. M. : Williams, 2014. (rus)
 3. Kokunov V. A., Sokolov N. E., Sharabayeva L. Yu. *Problems of Implementation and Maintenance of Information Systems* [Problemy vnedreniya i soprovozhdeniya informatsionnykh system] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 9. P. 146–153. (rus)
 4. Kurzenev V. A., Lychagina E. B. *Dynamic models of management of macroeconomic* [Dinamicheskie modeli upravleniya makroekonomikoi] // State and business. Questions of the theory and practice: modeling, management, finance: Materials of the II International conference [Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki: modelirovanie, menedzhment, finansy: Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii]. SPb.: On April 20–21, 2010. SPb. : Publishing house of SZAGS [Izd-vo SZAGS], 2010. P. 30–37. (rus)
 5. Matveev V. V. *Bases of national security of Russian Federation* [Osnovy natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii]: Monograph. SPb. : «Strategy of the future» [«Strategiya budushchego»]. 2015. (rus)
 6. Naumov V. N. *Methods and means of the system analysis* [Metody i sredstva sistemnogo analiza]: monograph. SPb. : Publishing house of the NWIM of the RANEPa [IPTs SZIU — fil. RANKhiGS]., 2014. (rus)

Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С.

«Конституционная революция» 1828–1832 гг. в английской карикатуре

Стецкевич Елена Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Кандидат исторических наук, доцент
esstetskevich@yandex.ru

Стецкевич Михаил Станиславович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры философии религии и религиоведения
Кандидат исторических наук, доцент
msstets@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос об отражении в карикатуре событий «конституционной революции» 1828–1832 гг., явившейся поворотным моментом в процессе демократизации английского государства. Анализ карикатуры свидетельствует о значительном снижении антидиссентерских и антикатолических фобий в английском обществе, что способствовало осуществлению двух первых актов «конституционной революции» — законов о расширении прав диссентеров и католиков. Поддержка значительной частью общества парламентской реформы 1832 г. также нашла адекватное отражение в карикатуре, хотя представлена и противоположная точка зрения. В целом же карикатура явилась достаточно точным барометром общественных настроений, имея значительную историческую ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«конституционная революция», диссентеры, эмансипация католиков, антикатолицизм, карикатура, общественное мнение, парламентская реформа 1832 г.

Stetskevich E. S., Stetskevich M. S.

«Constitutional Revolution» of 1828–1832 in the English Caricature

Stetskevich Elena Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in History, Associate Professor
esstetskevich@yandex.ru

Stetskevich Mikhail Stanislavovich

Saint Petersburg State University
Associate Professor of the Chair of Religious Philosophy and Religious Studies
PhD in History, Associate Professor
msstets@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the problem of reflection in the caricature of the events of the «constitutional revolution», 1828–1832, which was the turning point in the process of democratization of English state. Analysis of the cartoons showed a significant decrease of anti-dissent and anti-Catholic phobias in English society, contributed to the implementation of the two first acts of «constitutional revolution» — laws to expand the rights of dissenters and Catholics. The support of the parliamentary reform of 1832 by the significant part of the society have also been appropriately reflected in the cartoon. In general the caricature was fairly accurate barometer of public sentiment, having important historical value.

KEYWORDS

«The constitutional revolution», dissenters, the emancipation of Catholics, anti-Catholicism, caricature, public opinion, the parliamentary reform of 1832.

В отечественной историографии лишь в сравнительно недавнее время для характеристики событий английской истории рубежа 1820–1830-х гг. стал активно использоваться термин «конституционная революция». Он был введен в конце 1950-х гг. известным британским историком Дж. Бестом. По его мнению, отмена «Актов о проверке и корпорациях» (1828), способствовавшая обретению политического полноправия диссентерами — радикальными протестантами, не принадлежавшими к государственной церкви, эмансипация (предоставление избирательных прав) католиков (1829), и парламентская реформа (1832), привели к превращению «аристократического полуконфессионального государства», основанного на привилегированном положении Церкви Англии и ее членов, в «полудемократическое либеральное государство» [6]. Расходясь, подчас весьма существенно, в оценке причин и характера событий 1828–1832 гг., историки в подавляющем большинстве рассматривают их как важнейший шаг на пути трансформации режима «старого порядка» в систему представительной демократии [1].

Очевидно, что «конституционная революция» не смогла бы состояться без существенных изменений, произошедших в британском общественном мнении. При их анализе исследователи, как правило, обращаются к рассмотрению газет, памфлетов, журналов, гораздо реже уделяя внимание карикатуре. Между тем в эпоху, когда фотография еще отсутствовала, карикатура была важнейшим средством визуализации событий, причем, в отличие от живописи, средством почти мгновенным, апеллирующим к достаточно массовой аудитории. Современниками, как отмечает Л.А. Дукельская, карикатура воспринималась как иллюстрированная газета [3, с. 7]. В конце XVIII — первой трети XIX в. английская карикатура переживала свой «золотой век». В это время творили такие выдающиеся мастера жанра, как Т. Роуландсон (1756–1827), Дж. Гилрей (1757–1815), И. Крукшенк (1764–1811), Дж. Крукшенк (1792–1878), Р. Сеймур (1798–1836), Дж. Доул (1797–1868). Расцвету политической карикатуры способствовали высокий уровень свобод и отсутствие предварительной цензуры. Безусловно, английская карикатура этого времени может рассматриваться в качестве исторического источника, несущего информацию о настроениях достаточно продвинутой и политизированной части общества, ядром которой являлся городской «средний класс». Естественно, при анализе изображений следует учитывать то обстоятельство, что гротеск был неизменным спутником карикатурного жанра.

Первый акт «конституционной революции» состоялся в 1828 г. Он заключался в отмене принятых во второй половине XVII в., 1661 и 1673 гг. соответственно, «Актов о проверке и корпорациях» (далее — «Акты»), обязывавших всех желающих занять должности на государственной службе или быть членами муниципальных корпораций, помимо принесения различного рода присяг, принимать причастие в англиканском храме. «Акты» ограничивали права всех, кто не принадлежал к государственной Церкви Англии, но всегда рассматривались как прежде всего антидиссентерские. Диссентеры, получившие право на свободное осуществление культа еще в ходе «Славной революции» 1688–1689 гг., занимались в основном торговой и предпринимательской деятельностью, приобрели общественную респектабельность и постепенно переставали восприниматься в качестве «чужих».

Однако в начале 1790-х гг. антидиссентерские фобии на какое-то время возобновились и даже усилились. Лидеры диссентеров Р. Прайс и Дж. Пристли горячо поддержали начавшуюся в 1789 г. революцию во Франции, что вызвало опасения по поводу их лояльности к сложившимся в стране политическим институтам.

Попытка провести в парламенте билль об отмене «Актов» (март 1790 г.) закончилась неудачей, вызвав активную реакцию карикатуристов, представивших диссентеров как разрушителей Церкви Англии, ее храмов, монархии и порядка [7, vol. 6, N 7628–7632, 7635].

В первые два десятилетия XIX в. активный рост численности неконформистских конгрегаций шел параллельно с ослаблением антидиссентерских фобий в обществе. Диссентеры достаточно редко удостоивались внимания карикатуристов, и в этих случаях дело, как правило, ограничивалось критическим или юмористическим изображением диссентерских пасторов [7, vol. 9, N 11972, 12135, 12624].

Вопрос об отмене «Актов» был поднят вигской оппозицией, причем достаточно неожиданно, в феврале 1828 г., но не вызвал серьезного сопротивления торийского правительства герцога Веллингтона. Дебаты были не слишком продолжительными, а в палате лордов билль прошел даже без голосования. Дж. Бест еще в 1955 г. отмечал, что отмена «Актов» прошла «удивительно спокойно» [5, p. 297–298]. Это суждение полностью подтверждается фактом появления всего лишь одной карикатуры, посвященной данному событию. Сам эстамп, выполненный У. Хитом, весьма ироничен. Он представляет схватку между сторонниками (возглавляемыми Веллингтоном и поддержавшими его вигами) и противниками (их возглавляет ультраконсервативный лорд Элдон) отмены «Актов» как потешное сражение, участники которого одеты в клоунские лошадиные костюмы с бутафорскими ногами [7, vol. 10, N 15530].

Второй акт «конституционной» революции — эмансипация католиков (1829) — явился результатом многолетних и ожесточенных дискуссий как в Парламенте, так и в обществе в целом. Эти дебаты в полной мере нашли отражение и в карикатуре. М. Д. Джордж, составитель большинства томов каталога английских карикатур, хранящихся в Британском музее, отмечает, что из 269 политических эстампов, увидевших свет в 1829 г., 120 были посвящены проблеме предоставления католикам политических прав [7, vol. 11, p. XXII].

Если антидиссентерские фобии в английском обществе уже были в значительной степени преодолены, то антикатолицизм сохранял достаточно прочные позиции. Длительное противостояние с католической Испанией, а затем и Францией, «Пороховой заговор» 1605 г., попытки восстановления на британском престоле наследников свергнутого в 1688 г. короля-католика Якова II (1685–1688) — вот важнейшие обстоятельства, способствовавшие формированию в Англии антикатолической идеологии, в рамках которой католицизм ассоциировался с деспотизмом. Католики рассматривались как подданные «иностранного монарха» — папы, а протестантизм (понимавшийся несколько шире, чем верность англиканству) связывался с лояльностью, свободой и процветанием. В литературе отмечается, что предоставление избирательных прав католикам, которых они лишились еще в XVII столетии, было осуществлено торийским правительством герцога Веллингтона прежде всего для смягчения осложнившейся ситуации в Ирландии, основную массу населения которой составляли «паписты», и противоречило воле большинства англичан.

На некоторых эстампах Веллингтон, ранее выступавший против эмансипации, изображается отказывающимся от исповедания англиканства и переходящим в католицизм [7, vol. 11, N 15712]; целующим папскую туфлю [7, vol. 11, N 15660, 15665]; увенчанным папской тиарой [7, vol. 11, N 15780]; убивающим, вместе с министром внутренних дел Р. Пилем, Джона Булля (собираемый образ типичного англичанина и английской нации), под наблюдением дьявола и папы [7, vol. 11, N 15709]. Карикатурист У. Хит представил проект иронического памятника эмансипации, в основании которого — попранные британский лев и конституция, а на вершине — восседающие на плечах папы Веллингтон и Пиль [7, vol. 11, N 15793].

Тема фактического изменения британской неписаной конституции, одним из фундаментальных принципов которой со времен Славной революции 1688–1689 гг.

считался ее протестантский характер, подразумевавший отстранение католиков от участия в управлении государством, неоднократно обыгрывалась карикатуристами, что свидетельствует о постепенном осознании обществом значимости происходивших перемен. На листе У. Хита «Удушье бедной старой госпожи конституции, 141 года от роду» Пиль и Веллингтон изображены убивающими пожилую женщину, символизирующую британскую конституцию [7, vol. 11, N 15690]. Эстамп Дж. Крукшенка «Похороны конституции» представляет Веллингтона и Пиля как могильщиков, вырывших глубокую яму для гроба с надписью «конституция». На заднем плане — важнейший храм Церкви Англии — лондонский собор Св. Павла, переименованный в собор Св. Патрика (святой — покровитель Ирландии) и горящий англиканский собор в Йорке. Рядом — ликующие католическое духовенство и ирландцы [7, vol. 11, N 15690].

Необходимо отметить, что допуск католиков в Парламент не означал, конечно, замену англиканства католицизмом в качестве государственной религии (здесь мы имеем дело с очевидным карикатурным гротеском), но лишал Церковь Англии важного элемента своего привилегированного положения. Однако авторов эстампов занимал прежде всего сам факт конституционных изменений [7, vol. 11, N 15687, 15708, 15709, 15714, 15724, 15775, 15780], а не их возможная угроза для Церкви Англии. Помимо вышеупомянутого эстампа Дж. Крукшенка этот аспект затронут всего лишь на еще одной карикатуре [7, vol. 11, N 15701]. Это обстоятельство, на наш взгляд, является косвенным индикатором утраты Церковью Англии прежнего авторитета, возрастания антиклерикальных настроений, нашедших отражение и в карикатуре [7, vol. 9, N 13288; vol. 10, N 15363; vol. 10, N 15543, vol. 11, N 15771, 15799;], но пока не достигших своего пика.

Несомненно, большинство карикатур было направлено против эмансипации, но прокатолическая точка зрения, в отличие от недавнего прошлого, также представлена достаточно основательно. Если во время «мятежа лорда Гордона» (1780) — мощных антикатолических беспорядков в Лондоне, появилась только одна карикатура, осуждавшая фанатизм погромщиков [7, vol. 5, N 5685], то теперь появилось около десяти эстампов, которые или выражали сочувствие эмансипации, или высмеивали страх перед «католической угрозой». Прежде всего заслуживает быть отмеченным эстамп Р. Сеймура «Истинный Священный союз штурмует крепость пред-рассудков» [7, vol. 11, N 15713], претендующий, что случилось достаточно редко, на обобщенное осмысление происходящих событий. Здесь Веллингтон и члены его правительства, а также виги, большая часть которых приветствовала эмансипацию, поддерживаемые «батареей здравого смысла», атакуют цитадель, защищаемую последовательным антикатоликом лордом Элдоном и его сторонниками. Сеймур видит прямую связь между первым и вторым этапом «конституционной революции», поскольку под ногами членов «истинного Священного союза» лежат руины «Акта о проверке» и «Акта о корпорациях». Аллегорическая фигура, олицетворяющая религию, поддерживает сторонников толерантности.

Как победу терпимости и здравого смысла над религиозными предубеждениями представляет эмансипацию и один из эстампов Т. Джонса [7, vol. 11, № N 15729]. Ч. Вильямс иронизирует над антикатолическими фобиями, олицетворяемыми соломенным пугалом с надписью «инквизиция» на лбу, способным напугать лишь детей и старух [7, vol. 11, N 15711]. Список карикатур, проникнутых симпатией к эмансипации, можно легко продолжить [7, vol. 11, N 15716, 15661, 15677]. Это свидетельствует о том, что градус антикатолических настроений по сравнению с концом XVIII в. существенно снизился, что позволило осуществить эмансипацию без последствий, даже отдаленно напоминающих «мятеж лорда Гордона».

Третий, и возможно, наиболее важный акт «конституционной революции» — парламентская реформа — имел, как и первые два, достаточно длительную предысто-

рию. Прозвучавший впервые еще в конце 1760-х гг., в период так называемого «дела Уилкса» призыв к пересмотру архаичной системы формирования нижней палаты парламента, все менее отражавшей изменение лица страны в результате интенсивного развития торговли и промышленности, в 1780-е гг. обрел уже более четкие очертания. Вопрос о необходимости парламентской реформы ставили не только разнообразные ассоциации, но и некоторые представители политической элиты, в частности, премьер-министр У. Питт-младший. Эти начальные шаги в направлении реформирования палаты общин получили достаточно слабый отклик в карикатуре [7, vol. 5, N 5638, 5657, 5665, 5675, 6246]. Интересно, что количество про- и анти-реформаторских эстампов практически одинаково.

Ситуация резко изменилась в 1790-е гг. Французская революция по мере своего развития вызывала в Англии нарастающий страх и опасения по поводу возможности повторения здесь подобного развития событий. М. П. Айзенштат называет этот страх одним из важнейших факторов внутренней политики с конца XVIII в. [2, с. 172]. Как следствие, общественная поддержка идеи парламентской реформы резко сократилась, а ее сторонники вплоть до 1820-х гг. нередко рассматривались в качестве опасных бунтарей, стремящихся принести в Англию хаос и анархию. «То, что начинается с реформ, заканчивается революцией», — заявлял в парламенте лорд Грэнвил в 1797 г. [8, р. 760].

Эти настроения в полной мере отразились в карикатуре. Эстампов, которые напрямую поддерживали бы идею реформы, почти нет. В то же время многие листы проникнуты откровенной неприязнью к тем, кто стремится к реформам, и шире — к демократизации политического устройства. Уже в 1780-е гг. их представляли в качестве республиканцев [7, vol. 5, N 5665, 6246], а начиная с 1790-х гг. — как разрушителей основ британской государственности и общественного порядка, копирующих французский революционный опыт. Показательной является карикатура Т. Роуландсона «Реформа предложена. Реформа начата. Реформа завершена» (1793 г.), на которой изображен Джон Буль, лишившийся в результате реформ ноги, обнищавший и обтрепанный, вынужденный отказаться от ростбифа в пользу лягушек и поверженный на землю [7, vol. 7, N 8289].

Новый всплеск движения за реформирование нижней палаты в 1816–1820 гг., приобретшего уже достаточно массовые формы, не изменил настроения карикатуристов. Многие эстампы проникнуты мыслью о том, что осуществление главного лозунга радикальных внепарламентских реформаторов — предоставление избирательного права всем мужчинам — приведет страну к краху [7, vol. 9, N 13001, 13204, 13248, 13271, 13274 и др.]. Сохранялась, хотя и в уменьшившемся масштабе, и характерная для 1790-х гг. ассоциация реформы и реформаторов с безбожием [7, vol. 9, N 13274, 13275, 13279], а один из эстампов даже представлял радикалов в качестве «агентов Сатаны» [7, vol. 10, N 13636].

В 1820-е гг. общественный интерес к идее реформы резко упал, и, как следствие, замолчали и карикатуристы. В период с 1822 по 1827 гг. вышло лишь восемь листов, на которых затрагивалась реформаторская проблематика, притом, как правило, косвенно. Карикатуристы совершенно игнорировали безуспешные попытки вигов внести соответствующие предложения в парламент. Однако во второй половине 1820-х гг. ситуация стала меняться. Стали чаще появляться изображения Джона Булля, страдающего от тяжелой налоговой нагрузки [7, vol. 10, N 15363; vol. 11, N 16073], эстампы, критикующие один из важнейших пороков избирательной системы — существование так называемых «гнилых местечек» — малонаселенных территорий, имевших в отличие от многих промышленных городов представительство в парламенте [7, vol. 11, N 15922]. В октябре 1830 г. появилась первая за долгое время карикатура, автор которой однозначно высказывался в пользу реформы [7, vol. 11, N 16286]. 22 ноября 1830 г. было сформировано вигское правительство

лорда Грея, объявившее о намерении изменить порядок комплектования нижней палаты парламента, а на следующий день появился лист Дж. Филиппса, на котором Джон Буль, вооружившись метлой, прогонял ушедших в отставку тори, решительно заявляя: «Реформа должна быть в повестке дня!» [7, vol. 11, N 16340].

С этого момента и вплоть до конца 1832 г. биллю о реформе, его прохождению в парламенте и связанной с этим политической борьбой были посвящены почти все карикатуры, отражавшие события британской внутривластной жизни. В целом это составляет около 700 листов, даже краткий обзор которых в рамках данной статьи не представляется возможным. Ограничимся обозначением важнейших характерных черт «реформаторской» карикатуры.

Следует подчеркнуть, что количество листов «за» реформу (авторы карикатур, за редким исключением, весьма четко обозначали свою позицию) многократно превосходит число эстампов, в большей или меньшей степени направленных против нее. Многие листы проникнуты неподдельным энтузиазмом. Вигские лидеры, прежде всего премьер-министр Грей и лорд Брум, занявший пост лорд-канцлера, изображались как герои, срубающие прогнившее дерево (намек на гнилые местечки) [7, vol. 11, N 16650], обрушивающиеся на «монстра коррупции» [7, vol. 11, N 16606], разрушающие «аристократическую тиранию» [7, vol. 11, N 16673]. Центральной является идея очищения от накопившихся недостатков, а в качестве его орудия чаще всего выступает метла. Несомненно, отчасти это обстоятельство объясняется одинаковым звучанием фамилии лорд-канцлера (пишется как Brougham, но произносится как «Брум» (или Бруэм)) и слова «метла» (broom). Метлой орудует и сам Брум [7, vol. 11, N 16606, 16678, 17277], и лорд Дж. Рассел [7, vol. 11, N 16612], и Джон Буль [7, vol. 11, N 16340].

Напротив, тори на прореформенных карикатурах высмеиваются крайне решительно, предстывая в облике крыс [7, vol. 11, N 16644, 16690], монстра [7, vol. 11, N 16606], лягушек и насекомых [7, vol. 11, N 16612]. Характерно, что даже на антиреформенных листах лидеры тори в очень редких случаях изображаются в качестве героев, защищающих конституцию (например, Веллингтон в образе Лаокоона, тщетно предупреждающего троянцев об опасности коня с надписью «реформа») [7, vol. 11, N 17028]. Вообще антиреформенные карикатуры отличаются гораздо меньшим пафосом, чем прореформенные. Ни один художник не взялся отстаивать преимущества прежней избирательной системы и не выступил в защиту «гнилых местечек». Антиреформенные листы, как правило, направлены не столько против реформы как таковой, сколько проникнуты опасениями по поводу ее возможных последствий. Важнейшими из них видятся революция, падение монархии и установление республиканской формы правления. На одной из карикатур метла Брума уже предстает как ведьминское орудие, с помощью которой лорд-канцлер и другие виги варят республиканское зелье [7, vol. 11, N 16709]. В другом случае она увенчивает мачту корабля английской монархии, попавшего в шторм [7, vol. 11, N 16674]. В качестве намека на революцию на этих и других листах присутствует французский триколор [7, vol. 11, N 16684, 16646, 16678].

В отличие от предшествующего периода почти полностью исчезает ассоциация реформы с безбожием и разрушением Церкви Англии [7, vol. 11, N 16819, 17165]. Это является свидетельством пошатнувшегося престижа государственной церкви, рассматривавшейся в качестве одной из опорных конструкций английского «старого порядка». После того как 8 октября 1831 г. в палате лордов 21 англиканский прелат из 23 присутствовавших подал голос против билля о парламентской реформе, немало способствовав его провалу, Англию захватила волна антиклерикальных выступлений. Недовольство церковью в полной мере отразилось и в карикатуре [7, vol. 11, N 16805, 16833, 16926, 17044]. Даже голосование почти половины епископов за новый вариант билля 13 апреля 1832 г. ситуацию не изменило и пре-

латы очень часто изображались в рядах противников реформы [7, vol. 11, N 16995, 17077, 17087, 17092].

7 июня 1832 г. король Вильгельм IV подписал билль о реформе, предусматривавший значительное сокращение числа «гнилых местечек» и расширение представительства в палате общин промышленных городов. Многие карикатуры преисполнены духом торжества по поводу «триумфа реформы» [7, vol. 11, N 17131, 17136, 17183, 17227], а некоторые даже надеждой на перманентное экономическое процветание [7, vol. 11, N 17142, 17143]. Впрочем, и нотки разочарования появились также очень быстро [7, vol. 11, N 17202, 17203, 17265]. Это означало открытие нового раунда политической борьбы за расширение представительной демократии, поскольку два первых акта «конституционной революции» устранили дискриминацию по религиозным основаниям, но до всеобщего избирательного права, несмотря на «великий акт о реформе» 1832 г., как его будут называть впоследствии, было еще очень далеко. Все стадии этой борьбы найдут отражение в карикатуре, которая в 1830-е гг. уже, как правило, печатается не в виде отдельных листов, а перемещается в журналы, и, как отмечает В. П. Шестаков, утрачивает прежнюю степень остроты [4, с. 132–133].

Таким образом, можно констатировать, что «конституционная революция», главным образом ее второй и третий акты, нашла широкое отражение в карикатуре. Большинство листов имеет эстетическую ценность, одновременно являясь и достаточно своеобразным, но весьма значимым историческим документом. Ее количественный и содержательный анализ подтверждает резкое ослабление общественной неприязни к диссидентам, существенное, хотя и гораздо меньшее, уменьшение антикатолических настроений, и невероятную популярность идеи парламентской реформы, осуществление которой нанесло тяжелый удар по «старому порядку».

Литература

1. *Айзенштат М. П.* Парламентская реформа 1832 г.: мнения современников, оценки историков // Диалог со временем. 2000. № 3. С. 227–240.
2. *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009.
3. *Дукельская Л. А.* Английская бытовая карикатура второй половины XVIII века. Л.; М., 1966.
4. *Шестаков В. П.* Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры. М., 2004.
5. *Best G. F. A.* Church and State in English Politics, 1800–1833. Ph.D Thesis. Cambridge, 1956.
6. *Best G. F. A.* The Constitutional Revolution, 1828–1832, and its consequences for the Established Church // Theology. 1959. Vol. 62. N 468. P. 226–234.
7. *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum / Ed. by M. D. George.* Vol. 5. 1771–1783. N 4839–6360. London, 1935; Vol. 6. 1784–1792. N 6361–8283. London, 1938; Vol. 7. 1793–1800. N 8284–9692. London, 1942; Vol. 8. 1801–1810. N 9693–11703. London, 1947; Vol. 9. 1811–1819. N 11704–13500. London, 1949; Vol. 10. 1820–1827. N 13501–15496. London, 1952; Vol. 11. 1828–1832. N 15497–17391. London, 1954.
8. *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803.* Vol. 33. London, 1818.

References

1. *Aizenshtat M. P.* *The parliamentary reform of 1832: the views of contemporaries, assessment of historians* [Parlamentskaja reforma 1832 g.: mneniya sovremennikov, ocenki istorikov] // Dialogue with Time [Dialog so vremenem], 2000, N 3. P. 227–240. (rus)
2. *Aizenshtat M. P.* *Power and Society in Britain 1750–1850* [Vlast' i obshhestvo Britanii, 1750–1850 gg.]. M., 2009. (rus)
3. *Dukel'skaja L. A.* *English household caricature of the second half of the XVIII century.* [Anglijskaja bytovaja karikatura vtoroj poloviny XVIII veka]. L.; M., 1966. (rus)

4. Shestakov V.P. *Gillray and others...the Golden age of English caricature*. [Gillrej i drugie... Zolotoj vek anglijskoj karikatury]. M., 2004. (rus)
5. Best G. F. A. *Church and State in English Politics, 1800–1833*. Ph.D Thesis. Cambridge, 1956.
6. Best G. F. A. *The Constitutional Revolution, 1828–1832, and its consequences for the Established Church* // Theology. 1959. Vol. 62. N 468. P. 226–234.
7. *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum* / Ed. by M. D. George. Vol. 5. 1771–1783. N 4839–6360. London, 1935; Vol. 6. 1784–1792. N 6361–8283. London, 1938; Vol. 7. 1793–1800. N 8284–9692. London, 1942; Vol. 8. 1801–1810. N 9693–11703. London, 1947; Vol. 9. 1811–1819. N 11704–13500. London, 1949; Vol. 10. 1820–1827. N 13501–15496. London, 1952; Vol. 11. 1828–1832. N 15497–17391. London, 1954.
8. *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803*. Vol. 33. London, 1818.

Особенности процесса капиталистической модернизации на Урале в начале XX в.

Московкин Владимир Васильевич

Тюменский государственный университет
Профессор кафедры отечественной истории
Доктор исторических наук
mosk1916@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются особенности процесса обновления промышленности Урала в начале XX в. Экономический кризис заставил промышленность России решительно двинуться по пути концентрации производства. Однако этот процесс на Урале протекал с запозданием и не завершился до начала Первой мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

модернизация, монополии, капитализм, Урал, горнозаводская промышленность

Moskovkin V. V.

The Peculiarities of Capitalist Modernization of Ural in the Beginning of XX Century

Moskovkin Vladimir Vasilyevich

Tyumen State University (Russian Federation)
Professor of the Chair of Russian history
Doctor of science (History),
mosk1916@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the peculiarities of the process of updating the industry of the Urals in the early XX century. The economic crisis has forced the industry to move strongly towards concentration of production. However, this process in the Urals flowed late and did not end until the outbreak of the First world war.

KEYWORDS

modernization, monopoly, capitalism, Ural, mining industry

Процесс модернизации, т. е. переход от традиционного общества к современному, характерный для многих цивилизованных стран, был небезуспешным в России в начале XX в. Капитализм, развитие которого было обусловлено отменой крепостного права, уверенно пробивал себе дорогу. В 90-е гг. XIX в. удельный вес промышленного производства России в системе мирового хозяйства удвоился [3, с. 30]. На Урале этому способствовало бурное строительство сети железных дорог, что позволяло быстрее втянуть регион в общероссийский процесс формирования новых отношений.

Экономический подъем сменился резким спадом производства. В начале XX в. кризис в России особенно тяжело отразился на горной и металлургической промышленности — основе хозяйственной жизни Урала. Многие предприятия закрылись. Сложившаяся ситуация подталкивала искавших выхода предпринимателей к образованию монополистических объединений. В эти годы создаются крупнейшие в стране синдикаты: «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», — сконцентрировавшие в своих руках большую часть производства и сбыта профильной продукции.

Число монополий в начале века не превышало тридцати. В первую очередь они утвердились в центрально-промышленном, северо-западном и южном районах стра-

ны. Урал значительно отставал от них, но не стоял в стороне от общего экономического развития. «Оригинальный строй» уральской промышленности, основной хозяйственной единицей которого оставался достаточно архаичный горнозаводской округ, имевший слабые связи с соседями, устарел и не мог оказать серьезной конкуренции южно-российским предпринимателям. Значительные земельные владения уральских промышленников позволяли привязать рабочего к заводу за счет льготного наделения землей, заставить его отрабатывать за это. Связь рабочего с землей говорит о сохранении больших пережитков крепостничества, тормозивших развитие промышленности [4, с. 318]. Отставание от южно-российских конкурентов приняло хронический характер. От окончательного поражения уральских заводчиков спасали лишь дешевый ручной труд и природное богатство вотчин. Промышленники понимали бесперспективность устаревших форм производства и стремились применять новейшую технологию выплавки металлов. На Урале производилась в основном та же продукция, что и на юге страны, но в меньшем объеме, при более высокой себестоимости продукции. Исходя из назревшей необходимости монополизации производства, Совет съездов горнопромышленников Урала призвал заводчиков противопоставить созданному на юге «Продамету» свою конкурентоспособную организацию. Уральские предприниматели, удерживавшие лидерство в изготовлении кровельного железа, образовали в 1906 г. первый синдикат, получивший название «Кровля». Однако он не смог занять господствующее положение в производстве профильной продукции и к началу мировой войны оказался в тяжелейшем положении, перестав составлять какую-либо конкуренцию «Продамету».

Фабрично-заводская обрабатывающая промышленность на Урале была представлена рядом небольших предприятий, удельный вес которых в экономике региона был невелик. В Екатеринбурге — это машиностроительный завод Ятеса, в Перми — чугунолитейный и механический завод братьев Каменских, в Челябинске — завод сельскохозяйственных машин «Столь и К», в Тюмени — чугунолитейный Машарова, в Кургане — чугунолитейный Балакшина. В обрабатывающей промышленности Зауралья особенное развитие получили отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Крупными центрами по переработке зерна стал Курган. Тюмень стала центром кожевенного производства и лесопромышленности. В начале века тюменский рынок занял выдающееся место на Урале по отправке леса за границу через Екатеринбург, Пермь, Котлас и Архангельск. Быстрыми темпами развивалось сельское хозяйство. В этом отчетливо проявилась особенность экономики Зауралья как аграрной окраины страны. В целом можно отметить, что отрасли обрабатывающей промышленности региона, как и горнозаводская, вступили в начале века на путь модернизации, хотя степень капитализации их была различной.

Период кризиса и депрессии горнозаводской промышленности сменился в 1910 г. подъемом. Развитие промышленности на Урале продолжалось, но по темпам роста значительно уступало югу. Экономический рост происходил на основе дальнейшей концентрации производства. В годы промышленного подъема интенсивно велось железнодорожное строительство. В 1909 г. завершилось строительство линии Пермь — Екатеринбург, соединившей кратчайшим путем Средний Урал с Центральной Россией. В 1912 г. построена железная дорога Тюмень — Омск. Теперь Екатеринбург имел прямую связь с Омском, самым крупным городом Сибири, численность населения которого составила в 1917 г. 140 тыс. человек [5, с. 30]. Промышленный переворот, начавшийся в Сибири с большим опозданием и получивший ускорение только после ввода в эксплуатацию Сибирской железной дороги, благотворно сказался на развитии городов Урала. Быстро росли Екатеринбург, Челябинск, Курган и другие города, попавшие в зону строительства железных дорог.

В период промышленного подъема происходило интенсивное проникновение банковского капитала в горнозаводскую промышленность. Рост задолженности во

время депрессии неизбежно приводил к контролю банков над уральскими предприятиями, что, в свою очередь, являлось одним из важнейших стимулов экономического подъема. Наибольшую активность на Урале в приобретении контрольных пакетов акций горнозаводских округов проявили Азовско-Донской, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский, Торгово-промышленный, Сибирский торговый банки. Подчинив акционерные общества, они приступали к реорганизации уральских предприятий, ставя своей ближайшей целью вытеснение несостоятельных должников. Акционирование горнозаводской промышленности набирало темпы. За три предвоенных года акционерный сектор, пополнившийся еще пятью хозяйствами, включал 17 из 24 действующих, с удвоившимся капиталом его предприятий [1, с. 244]. В итоге финансовый капитал стал решающей силой в развитии горнозаводской промышленности.

По мнению уральского историка А. В. Дмитриева, «в действительности утверждение империализма, выразившееся в акционировании округов и втягивании их в орбиту монополистического капитала, обрекало на неминуемую гибель «оригинальный строй» с его полуфеодальными формами хозяйства. Для выживания у горнозаводчиков имелся только один путь — социальная эволюция. Процесс обуржуазивания затрагивал всех, независимо от того, оставались они единоличными владельцами или становились пайщиками акционерных компаний» [2, с. 136]. Таким образом, проникновение банковского капитала вело к изменению облика уральской промышленности. Но этот процесс не мог быть радикальным и всеохватывающим в силу специфики социально-экономической природы горнозаводского округа.

Иностранный капитал (английский, французский, американский и пр.) также способствовал проникновению новых капиталистических отношений. Сферой его приложения стала в большей степени цветная промышленность. Добыча золота, платины, меди находилась в руках зарубежных компаний. В их руки попали и некоторые другие предприятия. Иностранные инвестиции дали мощный толчок развитию экономики региона по пути индустриализации, но Уральская горнозаводская промышленность оставалась в основном сферой приложения русского капитала. Формировали ее главным образом русские банки.

Война резко ухудшила социально-экономическое положение Урала, как и всей России. Страна оказалась не готова к длительному противоборству с развитыми государствами Европы. Перевод промышленности Урала на военные рельсы привел к спаду производства в целом, хотя количество выпускаемой военной продукции возрастало, особенно на крупных оборонных заводах, которыми являлись Мотовилихинский пушечный, Ижевский и Златоустовский оружейные. По мере расширения военных действий все большее количество казенных и некоторых частных предприятий переходило на выпуск военной продукции. К 1917 г. большинство крупных и средних заводов выполняли военные заказы. Производство мирной продукции сокращалось. Исключение составили связанные с поставками армии мукомольные и консервные предприятия в Кургане и некоторых других местах. Война обнаружила слабую пропускную способность железных дорог. В 1916 — начале 1917 гг. на железнодорожных станциях Урала скопилось большое количество металла и продовольствия, в которых остро нуждалось население центральных промышленных районов страны.

Активную роль в переводе предприятий на военный лад играл акционерный банковский капитал. В 1917 г. акционерным обществам принадлежало 18 из 22 действовавших на Урале горнозаводских округов, большинство из которых находилось на балансе ведущих банков. Основной капитал уральских акционерных обществ за годы войны вырос на треть [1, с. 245], что является показателем общего роста производства. Соответственно произошло сокращение не выдержавших конкуренции целого ряда мелких предприятий. Промышленность региона испыты-

вала трудности в связи с нехваткой топлива. Особенно сказалось это на выплавке чугуна. Тяжелое положение сложилось и в золото-платиновой отрасли. Эти трудности возникли в связи с общим социально-экономическим кризисом, в который попала страна, оказавшаяся неподготовленной к трудностям военного времени.

Таким образом, в начале XX в. Россия достигла определенного прогресса в промышленности, но в целом ее экономика носила переходный характер. Незавершенность процесса капиталистической модернизации не позволила стране в экстремальных условиях Первой мировой войны успешно справиться с нараставшими экономическими проблемами.

Литература

1. *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982.
2. *Дмитриев А. В.* Основные направления социально-экономического развития Урала в период монополистического капитализма // Промышленность Урала в период капитализма. Социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992.
3. *Донгаров А. Г.* Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990.
4. *История Урала в период империализма.* Свердловск, 1990.
5. *Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск, 2008.

References

1. Buranov Yu. A. Funding of the mining industry of the Ural [Aktionirovanie gornozavodskoi promyshlennosti Urala]. M., 1982. (rus)
2. Dmitriev A. V. Main directions of social and economic development of the Urals in the period of monopoly capitalism [Osnovnye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Urala v period monopolisticheskogo kapitalizma] // The Industry of the Urals in the period of capitalism. Social, economic and environmental problems [Promyshlennost' Urala v period kapitalizma. Sotsial'no-ekonomicheskie i ekologicheskie problem]. Yekaterinburg, 1992. (rus)
3. Dongarov A. G. The foreign capital in Russia and the USSR [Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR]. M., 1990. (rus)
4. History of the Ural in the period of imperialism [Istoriya Urala v period imperializma]. Sverdlovsk : 1990. (rus)
5. Shtyrbul A. A. Political culture of Siberia: Experience of provincial multi-party system (the end of XIX — the first third of the 20th century) [Politicheskaya kul'tura Sibiri: Opyt provintsial'noi mnogopartiinosti (konets XIX — pervaya tret' XX v.)]. Omsk, 2008. (rus)

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории и политологии
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Имя С. Ю. Витте на протяжении многих лет было связано с различными представителями императорской фамилии Романовых, находящимися на русском престоле на рубеже XIX–XX вв. Личного успеха в государственном управлении С. Ю. Витте с 1892–1900 гг. добился благодаря реформам и инициативам, которые выводили Россию на европейский уровень развития в экономике, таможенной сфере, дипломатии. Политической целью С. Ю. Витте являлось сохранение царского самодержавия всеми доступными средствами и любой ценой. Не теряя своего личного достоинства и не упуская личной выгоды, он прошел путь от члена тайной контрреволюционной организации аристократии «Священная дружина» до министра финансов России. Служа двум императорам — Александру III и Николаю II, приоритет отдавал правлению первого. Правление наследника определял как «мальчишеское управление», несмотря на то, что взлет его карьеры пришелся именно на период власти Николая II.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

бюрократия и государственники, «административный мозг России», образование Витте, Романовы и С. Ю. Витте, «герцог Тилигульский», «Святая дружина», таможенный договор с Германией, орден Черного Орла, образование принцессы Алисы Гессенской, образование цесаревича Николая Романова, император Николай II, «золотой стандарт» Витте, экономический кризис, общественность и духовная элита

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolloed

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Name of S.Yu. Witte for many years has been connected with various representatives of an imperial surname of Romanov who were on the Russian throne at a boundary of the XIX–XX centuries. Personal success in public administration S.Yu. Witte achieved in 1892–1900 thanks to reforms and initiatives which brought Russia to the European level of development in economy, the customs sphere, diplomacy. A political goal of S.Yu. Witte was preservation of imperial autocracy by all available means and at any cost. Without losing the personal advantage and without missing personal benefit he has passed a way from the member of the Secret counterrevolutionary organization of the aristocracy «Sacred Team» to the Minister of Finance of Russia. Serving two Emperors — Alexander III and Nicholas II the priority gave to board to the first. He defined government of the successor as «boyish management» in spite of the fact that rise of his career has fallen on the period of the power of Nicholas II.

KEYWORDS

bureaucracy and statesmen, «an administrative brain of Russia», Witte education, Romanov and S.Yu. Witte, «Tiligulsky Duke», «Sacred Team», customs contract with Germany, award of

the Black Eagle, education of the princess Alice Gessenskaya, education of Crown Prince Nikolay Romanov, Emperor Nicholas II, «the gold standard» of Witte, economic crisis, public and spiritual elite

Рассматривая исторический отрезок времени в лицах, важно опираться не только на факты, характеризующие ту или иную ситуацию, но и соединить взгляды различных слоев общества на эти события. В конце XIX — начала XX вв. в центре внимания общественности находилась как придворно-сановная жизнь, так и деятельность отдельных государственных лиц, которые становились мишенью публичных нападок со стороны прессы, объектами дневниковых записей, переписки, слухов, великосветских заговоров и салонных или клубных интриг, а также жертвами убийств, совершаемых радикалами.

В иерархической системе государственного управления России образовалось множество «чиновничьих самодержавий»¹. По мнению видного юриста А. Ф. Кони, в России существовали отдельные министерские ведомства, действовавшие в условиях «пререкания» друг с другом и обладающие своеобразной «Великой хартией вольностей». По сути, каждое ведомство являлось своеобразной «чиновничьей империей», владеющей тайными принципами управления «чиновничьего самодержавия» [11, с. 249]. Другой стороной «чиновничьей империи» являлась ее многоступенчатость. При императорском дворе выделялась «свитская» служба, так называемая «свита его императорского величества», при государстве — «гражданская», т. е. государственная служба, которую формировал огромный бюрократический аппарат [22, с. 412–413]. Вся эта громада подчинялась одному лицу — императору России. Соответственно, царю необходимо было не только совладать, но и направлять эту многоглавую чиновничью громаду в нужное русло, чтобы не было сбоя в этом сложном механизме управления.

Интересно, что в каждом министерстве возникали собственные правила и порядок функционирования чиновников. Но общим во всей иерархии государственной службы оставались лишь типы чиновников, которых условно можно назвать бюрократами и государственниками. Бюрократия, как правило, вела осторожную политику. В ее главном написанном уставе не было понятия «брать на себя малейший риск». Выполнение своих обязанностей предоставляло бюрократии возможность выживать при любых обстоятельствах, что означало — не попадать «впросак» [16, с. 87]. Что касается государственников, то они определяли пути изменения в политике и в управлении государством, создавали командные формы работы, не боясь рисковать и быть уволенными или попасть в немилость царю. Государственники разрабатывали проекты и реформы в целях достижения эффективности в управлении своих министерств, но при этом в целом охраняли как самодержавие, так и саму российскую государственность.

К типу «государственников» ближе всего подходит Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — «административный мозг России» [13, с. 96], как назвал его американский историк Роберт Мэсси. Примечательно, что С. Ю. Витте вызывал к себе весьма противоречивое отношение современников. Так, одни ему поклонялись и признавали в нем незаурядного государственного деятеля, обладающего самостоятельной логикой действий, умением доводить до конца проводимые реформы и получить необходимый результат. Другие видели в нем дельца, интригана, выскочку, а некоторые даже возводили его в ранг «врага» России и требовали незамедлительной отставки. И действительно, для него не существовало преград ни в приватной жизни, ни в государственной деятельности. Все определялось не только личным

¹ Любош С. Последние Романовы. Л., М.: Книгоиздательство «Петроград», 1924. С. 228.

интересом, но и его стремлением быть не позади исторического времени, а существовать в «духе времени», одновременно опережая его на десятилетия.

С. Ю. Витте жил на переломе эпох: старого и нового режима, где проявлялись как положительные, так и отрицательные черты времени. Хотя в обществе ценились инициатива и реформаторство, в то же время существовал острый дефицит в кадрах, которые могли бы участвовать в реформировании государственного устройства. В этой связи личность С. Ю. Витте как «администратора», действительно, привлекала к себе внимание общества: для одних он кумир, для других — мишень злобной критики.

В лице С. Ю. Витте Россия приобрела чиновника европейского стиля — уверенного, трудоспособного, а по-американски — демократического и, одновременно, прагматического. Его, действительно, называли архитектором нового государственного управления. Он стал воплощением «бога индустрии», зная, кого, как и за сколько можно и надо купить¹. Прагматизм С. Ю. Витте состоял в том, что он стремился лично укрепиться во власти и по возможности все более ее расширять в различных направлениях, находясь внутри сановной власти. Но это была власть не ради власти. В. И. Гурко (крупный правительственный чиновник) отмечает, что Витте пытался употребить свою власть не столько на управление текущими делами, сколько на проведение реформ [16, с. 87]. Пожалуй, это и есть главная цель, к которой С. Ю. Витте стремился на протяжении многих лет. В глазах современников именно желание быть «при власти» вменялось ему в вину как беспринципность. Но сам он так не думал. Оценивая путь «при власти», Витте в своих воспоминаниях высказал сакральную мысль о том, что он «имел счастье быть близким» к двум императорам: к императору Александру III и к императору Николаю II [4, с. 188].

Биография С. Ю. Витте богата событиями экстраординарного характера, он вращался среди государственной элиты России, был вхож к представителям Дома Романовых, в его руках концентрировалась власть министерства финансов — жизненно важная артерия государственного управления.

Впервые знакомство Витте с представителем Дома Романовых произошло в период учебы на физико-математическом факультете Новороссийского университета г. Одессы (1866–1870), где получил высшее образование. На встречу со студентами был приглашен наследник — цесаревич Александр (будущий император) с супругой Марией Федоровной². Видимо, эта первая встреча с Александром III произвела на студента Сергея Витте неизгладимое впечатление, сохранявшееся на протяжении всей его жизни. Выпускник Новороссийского университета Витте, получив степень кандидата физико-математических наук, мог бы стать профессором и преподавать на факультете, но родственники отговорили его продолжать научную деятельность. Как подобало дворянину того времени, он стал служить государю и отечеству: коллежский секретарь, помощник столоначальника, титулярный советник. Однако все эти должности не приносили доходов, к тому же, после смерти отца материальное положение семьи резко ухудшилось. На его содержании оказались мать и две сестры и пришлось искать более оплачиваемую работу. Наиболее привлекательной оказалась служба на «чугунке» (на железной дороге). В России появилась новая перспективная отрасль капиталистического хозяйства — строительство железных дорог, лихорадка вокруг которых захватила и Витте. С этого момента начинается его путь вверх — до премьер-министра царской России.

Во второй половине 1870-х гг. он стал начальником эксплуатационной службы в администрации железной дороги, которая подчинялась адмиралу свиты его ве-

¹ Любош С. Указ. соч. С. 178–179.

² Ильин С. Витте. [Электронный ресурс]. URL: [profilib.com|chteme|118066|sergej – ilin – vitte - |. php](http://profilib.com|chteme|118066|sergej-ilin-vitte-|.php) (дата обращения: 01.02.2016).

личества Н. М. Чихачеву. Фактически Витте являлся управляющим дорогой, в его обязанности входило сопровождение Александра II в его передвижениях по магистрали¹.

24 декабря 1875 г. произошла Тилигульская катастрофа — крушение поезда, повлекшее многочисленные жертвы солдат-новобранцев (около 140 человек). Она могла бы прервать карьеру железнодорожного чиновника Витте. Косвенно причастный к катастрофе, как начальник службы движения дороги Одесской магистрали, Витте находился под следствием, но продолжал свою службу. После катастрофы Витте получил прозвище «герцог Тилигульский». Позже, он отличился в перевозке войск к театру военных действий и тем самым заслужил уважительное отношение главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича старшего, брата Александра II. После успешных нововведений при перевозке новобранцев на линию фронта и обратно — раненых, Витте с благоволения вел. князя Николая Николаевича старшего попадает в правление Юго-Западных дорог в Петербурге, где принимает участие в Комиссии по исследованию железных дорог России под началом графа Э. Т. Баранова. На берегах Невы по истечению 4 лет его настигнет приговор по поводу крушения воинского состава. Благодаря ходатайству перед Александром II вел. князя Николая Николаевича старшего и графа Э. Т. Баранова, приговор «по-отечески» был заменен на чисто символическое наказание — вместо тюрьмы в течение 2 недель после службы Витте по предписанию отправлялся на Сенную площадь, где был обязан проводить ночи на гауптвахте [14, с. 414, 11–12; 4, с. 113–114]. В последующие годы покровительство вел. князя Николая Николаевича старшего Витте станет как бы «фамильным завещанием» и перейдет к его сыну — вел. князю Николаю Николаевичу младшему. Видимо, страх перед революцией, решительно объединит Витте и вел. князя Николая Николаевича, они окажутся рядом при подписании Николаем II Манифеста 17 октября 1905 г.

Убийство Александра II в 1881 г. потрясло монархически настроенного Витте, и он предложил своему родному дяде Р. А. Фадееву (1824–1883), воззрения которого были близки славянофильству, создать тайное общество под названием «Священная дружина» (конец 1881 г.). Ключевой идеей являлась физическая ликвидация революционеров — сторонников террора — в целях сохранения монархии. Словом, объединение дворян брало на вооружение ту же методику борьбы, что и революционеры, только с той лишь разницей, что революционеры-радикалы совершали теракты против власти, а аристократия, напротив, защищая власть, стремилась направить террор непосредственно против революционеров. Вскоре Р. А. Фадеев через графа И. И. Воронцова-Дашкова (1837–1916) передал письмо племянника императору Александру III, который позволил создать конспиративную организацию из привилегированных сторонников самодержавия (всего 729 членов). Руководителями «Священной дружины» были избраны граф И. И. Воронцов-Дашков и вел. князь Владимир Александрович (1847–1909) — родной брат царя. Витте принял присягу на верность «Священной дружине» в доме графа П. П. Шувалова (1819–1900) на Фонтанке (Петербург). В организации существовала русская и зарубежная агентура, Витте даже командировали в Париж с целью организовать покушение на известного революционера-народника А. Н. Гартмана [4, с. 128–135].

Витте состоял членом этой организации один год и вышел из ее состава, разойдясь с ней в политических взглядах. Но членство принесло ему немалый бонус: именно в «Священной дружине» происходит встреча Витте с Вел. князем Владимиром Александровичем, под покровительством которого будет осуществляться его дальнейшая карьера. В 1905 г. вел. князь и Витте будут причастны в разной степени к расстрелу 9 января мирной демонстрации в Петербурге — родной дядя

¹ Там же.

Николая II предпринял определенные меры по группировке войск и отдал приказ стрелять в демонстрантов, в то же время Витте тесно был связан с агентом охраны и организатором этой демонстрации попом Гапоном, но не предотвратил его действия. Витте и вел. князь Владимир Александрович, будучи приверженцами самодержавной власти, действовали в этом конфликте в рамках идеалов «Священной дружины», однако оба неосознанно содействовали возникновению атмосферы революционного фанатизма и оказались причастными не только к раскачиванию политической системы, но и к дискретизации образа царя в глазах общественности. События 1905 г. покажут, что политические уступки либеральной общественности не смогут предотвратить революционный подъем народа, который, все более разрастаясь, приведет к дестабилизации политической системы России [9; 19].

Особого внимания заслуживает непосредственная встреча с Александром III, произошедшая в 1888 г., когда Витте в качестве «коммерческого чиновника» сопровождал царскую семью по железной дороге, которая была в его подчинении. Возможно, император помнил автора верноподданнического проекта «Святая дружина» и племянника «русского архипатриота» Р. А. Фадеева, но на решение пригласить Витте в столицу сыграл иной случай. В присутствии Александра III Витте в резком тоне предупредил адъютанта, что вопреки мнению министра путей сообщения, он не может разрешить проезд императорского поезда на вверенном ему участке железной дороги, объяснив, что в целях безопасности не следует прицеплять товарные паровозы впереди императорского поезда и пускать их с максимальной скоростью пассажирского экспресса. Опасения Витте были не напрасны, крушение императорского поезда все-таки произошло через 2 месяца — 17 октября 1888 г. Авария случилась вне ведомства Витте, на другой ветке, близ станции Борки Курско-Харьковского направления. Члены царской семьи не пострадали, но жертвы были. Александр III запомнил смелость и настойчивое предупреждение дерзкого чиновника, который не побоялся в его присутствии высказать свое мнение о возможности крушения поезда при неправильной его эксплуатации. По настоянию императора 10 марта 1889 г. Витте был переведен на пост директора Департамента железных дорог в генеральском чине действительного статского советника (вопреки канонам Табели о рангах). Витте, пренебрегая личным материальным достатком, который ему приносила прежняя работа (50 тыс. руб. в год), пересаживается в кресло служащего (с окладом 16 тыс. руб., половину которого доплачивал Александр III из своего кармана). С этого момента начинается его головокружительная карьера на государственной службе, с присущими для нее взлетами и падениями.

Следуя в карьерном восхождении своей страсти — быть при власти и во власти, Витте проявил кипучую деятельность в Департаменте путей сообщения, что позволило ему занять место в Министерстве финансов, когда открылась перспектива в связи с болезнью министра. На время его отсутствия Витте было поручено докладывать Александру III о состоянии дел в министерстве, что способствовало быстрому официальному назначению Витте вначале на должность управляющего (август 1892 г.), а затем и на пост министра финансов (январь 1893 г.).

Не являясь дипломатом, Витте в начале своей карьеры, продемонстрировал определенные возможности в международных переговорах. Он старался придерживаться в международных отношениях обоюдновыгодных условий, используя их как средство мирного выражения в решении государственных дел. Так, не доводя конфликт между Россией и Германией по изменению высокого таможенного тарифа 1891 г. до вооруженного столкновения, он просчитал наперед, что война таможенная не сможет перерасти в открытую стадию конфликта, ибо Германия в этом случае не решится на вооруженные действия. Поэтому Витте стойко держался своих принципов и достойно выиграл таможенный торг. Александр III одобрил по-

литуку нового министра. В результате достигнутого соглашения были сняты русские санкции — повышенные ставки на немецкий экспорт — и одновременно установлены выгодные пошлины на русскую пшеницу, рожь и другие товары с немецкой стороны. Эти условия предусматривали по таможенному договору стабильность торговых пошлин на 10 лет [2, с. 263–264]. В итоге по таможенному договору 1894 г. Россия не только сохранила свои позиции, но и при экспорте зерна его производители получали выгоду, а в Германии — в выигрыше оказались промышленники [17, с. 77, 83].

Действительно, на государственной службе появился талантливый государственный деятель, который в борьбе за интересы России мог противостоять даже немецкому кайзеру Вильгельму II. Первый дебют Витте был замечен в Европе, кайзер оценил своего противника за нестандартные приемы и умение выходить с честью из трудного положения. Участие Витте в решении таможенного вопроса поставило его на один уровень с европейскими политиками. Его способности в решении данного вопроса по достоинству были вознаграждены: немецкая сторона пожаловала С. Ю. Витте высшую награду Германии — орден Черного Орла, учрежденный прусским королем Фридрихом I в 1701 г. Кавалерам ордена даровалось и потомственное дворянство. В свою очередь Александр III, желая наградить Витте, предложил ему на выбор любую награду. Однако Витте уклонился от награждения и предложил, идя навстречу желанию Вильгельма II, подарить кайзеру форму русского адмирала, которая на тот момент имела большой престиж [4, с. 379–380]. Александр III обещал Витте при удобном случае выполнить его просьбу, хотя по своему характеру «был чужд всякого декоративного самолюбия» и не разделял болезненную страсть кайзера к собирательству различных форм, орденов и отличий [4, с. 379–380; 5, с. 304]. После смерти Александр III Витте вновь обратился с этой просьбой уже к Николаю II, объяснив ситуацию по поводу обещанного подарка. Николай II усмехнулся, но любезно выполнил просьбу Витте и преподнес германскому императору адмиральский мундир [5, с. 304]¹. Вильгельм II не забыл этой услуги и когда в 1897 г. прибыл с визитом в Россию, то, находясь в Петергофе, собственноручно вручил министру финансов С. Ю. Витте орден Черного Орла.

Интересно, что ранее Николай II также был удостоен высшей немецкой наградой Черного Орла. Этот орден, как правило, вручался лишь царским особам и выдающимся министрам иностранных дел. Николай получил орден Черного Орла по настоянию кузена Вили (Вильгельма II) в 1892 г., когда прибыл в Германию на свадьбу брата Аликс². С русской стороны родная сестра принцессы Аликс вел. княгиня Елизавета Федоровна (Элла) и дядя Николая Сергей Александрович (московский губернатор) способствовали сближению Аликс с Николаем и скорому ее приезду в Россию. Когда в 1894 г. она окажется на русском престоле, ей исполнится 22 года и она будет крещена в православие с именем Александра Федоровна. Что же касается образования Алисы Гессенской, то до сих пор неясно, где Алиса Гессенская его получала. Она жила и в Германии, и в Великобритании. Отсюда и проис-

¹ В гардеробе кузена Вилли общее число комплектов военной формы достигало четырехсот: входили как парадная немецкая униформа, так и всех могущественных стран. У Николая такая опереточная страсть Вильгельма к военной форме вызывала тошноту. См.: [8, с. 161].

² Николай настойчиво ухаживал с 1884 г. за юной Аликс, принцессой Гессенской, будущей русской императрицей. Аликс, или Санни (Солнышко, так называли ее в семье), приехала со своим отцом великим герцогом Людвигом Гессенским и сестрами Викторией и Ирэн на свадьбу сестры Эллы, которая выходила замуж за дядю Николая вел. князя Сергея Александровича. На тот момент Аликс было 12 лет. Пожалуй, поводом спешного вручения Николаю ордена была будущая женитьба Николая на его кузине Аликс. Вильгельм как бы подталкивал Николая к скорой свадьбе, видимо, рассматривая орден как залог будущего родства. Алисе Гессенской к этому времени исполнилось 20 лет. См.: [8, с. 138–139].

ходят версии об окончании двух высших учебных заведений: в Германии она посещала лекции на философском факультете Гейдельбергского университета¹ и стала обладателем диплома бакалавра философии (так называемая первая ступень), в Великобритании, где жила у своей бабушки английской королевы Виктории, принцесса Алиса получила степень доктора философии Оксфордского университета [10]². В любом случае можно полагать, что на русский престол впервые взшла императрица с высшим образованием. Единственным подтверждением могут служить ее мемуары и те мудрые откровения, которые выдают в ней вполне зрелого человека: одновременно стоически настроенного на философское понимание жизни и мистически верующего в вечные отношения Бога и человека, где «любовь Бога может превратить любое испытание в благословение» [12, с. 6].

Очевидно, что Николай получил награду от своего кузена Вильгельма II по статусу как наследник русского престола. Что касается Витте, то он был удостоен наградой за проявленную дипломатическую доблесть (лат. *virtu*) в переговорах. Высокой оценки удостоился Витте и от кумира кайзера — князя Отто фон Бисмарка, бывшего «железного канцлера» Германии³, который оценил роль Витте в решении таможенного спора между Германией и Россией и в дальнейшем с интересом следил за достижениями Витте на государственной службе [4, с. 380–381].

Особые отношения у Витте сложились с императрицей Марией Федоровной. Она покровительствовала лично Витте, не беря во внимание его супругу Матильду Ивановну⁴. Супругу Витте при дворе не принимали более 10 лет. Преградой стало ее положение «разведенной», поскольку не допускалось представление разведенных женщин при дворе [4, с. 422–423]. Другой немаловажной причиной являлось то, что она была еврейкой, хотя и крещеной, но это уже никого не волновало. Витте понимал, что его женитьба нарушает существующий этикет для высших сановников, поэтому решает покинуть министерский пост. Ради своей любви Витте решил в жертву принести карьеру и выйти в отставку, оставляя за собой право на личную жизнь. Однако благодаря благосклонному отношению Александра III Витте удержался в кресле министра путей сообщения, а его отставка из-за женитьбы не была принята [4, с. 273]. Но справедливое решение государя не избавляло императрицу от следования светским правилам. Императрица, а вслед за ней и общество, непреклонно пользовались своим правом — супруге Витте было отказано в приеме на великосветских мероприятиях [4, с. 275]. Но Александр III не мог понять такое упорство своей супруги, и тем более пикантность ситуации. Ведь царя убедили в том, что *m-me* Витте — порядочная женщина, и вследствие этого он пожелал, чтобы царица приняла ее, но она, плача, просила избавить ее от этого визита [3, с. 180]. Вряд ли неприятие императрицы могло удивить Витте, по тем временам оно было естественным положением дел. Так или иначе, женитьба Витте на разведенной даме во многом изменила отношение к нему со стороны императрицы — с милостивого оно сменилось на сдержанное и сухое [5, с. 6]. При этом

¹ Александра Федоровна // Древо. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: drevo-info.ru/articles/15515.html (дата обращения: 01.02.2016).

² К сожалению, до сих пор исследователи биографии императрицы Александры Федоровны не смогли привлечь в научный оборот историко-архивные источники, подтверждающие достоверность сведений о ее высшем образовании и наличии дипломов с присуждением степени бакалавра или доктора философии. В православной литературе существует мнение, что последняя русская царица имела высшее образование, в мемуарной литературе отсутствуют такие сведения, а современные исследователи полемизируют и выдвигают гипотезы. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://forum.alexanderpalace.org/index.php?topic=13384.0> (дата обращения: 01.02.2016).

³ Из архива С. Ю. Витте: воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 351.

⁴ Вторичный брак С. Ю. Витте, первая жена умерла.

Александр III до своей кончины не переставал сохранять доверие и уважение к Витте. Как известно, 30 августа 1892 г. Витте получил указ государя о своем назначении министром финансов. И только после кончины Александра III в 1894 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна приняла Витте ласково, подтверждая тем самым, что та искренняя любовь, которую питал Александр III к Витте, не будет забыта. Она всячески пыталась не только поддерживать Витте, но и влиять через него на процессы, касающиеся сохранения приоритетов ее семьи.

Последним представителем Дома Романовых, сыгравшим важную роль в карьере Витте, оказался цесаревич, а затем император Николай (1868–1918), присягнувший на верность престолу в 1894 г. (буквально через 1,5 часа после кончины Александра III). Отношения императора Николая II с министром С. Ю. Витте нельзя назвать уравновешенными, скорее они были подвержены различным эмоциям, возникающим либо под воздействием политических ситуаций, либо под давлением оппонентов (недругов) Витте. Заметим, что во внутривнутриполитических вопросах оба политика стояли на диаметрально различных идеологических позициях. С одной стороны находился либерально мыслящий Витте, а с другой — Николай, консервативно верный заветам отца и удерживающий контроль над всеми сферами жизни [20, с. 79–80]. Разумеется, Николай на первых порах следовал только тому, чему учил его наставник, бескомпромиссный юрист К. П. Победоносцев (обер-прокурор Синода) — ни малейших политических уступок и самостоятельности земству. Известно его категорическое утверждение о том, что «парламенты служат лишь росту карьеры депутатов, а не государству» [там же, с. 79]. Витте лишь один мог противостоять критике, которая всегда присутствовала в речах Победоносцева, независимо от его авторитета. Однажды на заседании Госсовета Витте парировал ему, что не может постоянно с оглядкой «откапывать все высочайшие повеления» и руководствоваться ими. Витте ссылался на то, что у него нет времени и смело заявил — «да и какое имеют они значение» [7, с. 50]. То есть публично высказался против «высочайшего повеления». Весьма показательно, но Витте предоставлялась возможность не только просто участвовать в управлении государством, но и самому принимать ответственные решения. Николай сохранял иммунитет Витте. В министре финансов он видел вдохновителя и организатора своих реформ.

Впервые будущий наследник столкнулся с Витте в деловых кругах. Витте предложил Александру III кандидатуру Николая на место председателя Комитета по строительству дальневосточной железной дороги, имеющей стратегическое значение для страны (став императором, Николай председательство оставил за собой). Несмотря на мнение Александра III, что, дескать, Николай по возрасту еще «совсем мальчик» и у него «совсем детские рассуждения» [12, с. 216], предложение все-таки было принято. Николаю в ту пору было 24 года. Нельзя исключать, что характеристика, данная наследнику его августейшим отцом, запала в душу Витте. Впоследствии он будет определять все «авантюры» Николая II и его окружения, как «мальчишеское управление», свидетельствующее о незрелом управлении государством [4, с. 436].

Бесспорно, встать во главе такого строительного предприятия было делом несущточным. Николай отнесся к такому предложению с беспокойством, но победили юношеский максимализм и новизна деятельности. Впрочем, Николай не знал, что ему в скором времени придется взойти на престол и вряд ли мог предположить, что в свое царствование ему придется довериться опыту министра финансов Витте и проводить с ним государственные реформы. Со своей стороны, наблюдая за взрослением наследника, Витте понимал, что цесаревич получает недостаточно широкое образование, далекое от уровня эталонного образования Александра I. Хотя оно было гораздо выше образования его августейшего отца [там же], тем не менее находилось на уровне «среднего образования гвардейского полковника» [14,

с. 406]. Правда, Витте отдавал должное способностям цесаревича и выделял его среди всех высочайших родственников, считая, что Николай является обладателем «очень быстрого ума и быстрых способностей» [4, с. 436]. Действительно, Николай производил впечатление неглупого и весьма воспитанного молодого человека, но Витте сильно смущало отсутствие у него желания постигать на практике принципы государственной деятельности [там же, с. 5–6].

Сомнения по поводу образования наследника возникали не только у одного Витте, но и у тех, кто близко стоял к престолу и обучал цесаревича Николая государственному управлению. Такие чувства у современников возникали всегда, когда они следили за подготовкой наследника к государственному управлению. Новый наследник всегда казался слабее предыдущего государя императора [21, с. 11–12]. Например, при дворе Александра II сложилось неблагоприятное понятие о наследнике вел. князе Александре Александровиче — его считали «неразвитым, неодаренным, неутонченным, упрямым и непокладистым» [23, с. 312–313]. Как ни парадоксально, но и общественный деятель и профессор права Б.Н. Чичерин приходил в «полное отчаяние», ибо не слышал от Александра III «ни одной живой мысли, ни одного дельного вопроса»¹. Тем не менее это был император, при правлении которого Россия не воевала и была в полной безопасности. Его мужественности и импозантности завидовал Вильгельм II. В его ярких метафорах улавливалась гордость за то, что он царь русского народа. Как-то раз он сказал, что у России только два союзника — это армия и флот. В прямом смысле это должно было прозвучать так: Россия может положиться лишь на саму себя, у нее нет друзей, а если и появляются, нельзя доверять — все равно предадут. Другим запоминающимся высказыванием, которым Александр III покориł современников, был ответ, данный им во время рыбалки при сообщении, что его ожидает европейский посол: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать» [1, с. 121].

Что же касается цесаревича, то он не проявлял какого-либо усердия в учебе. Известно, что когда его наставник К.П. Победоносцев объяснял ему принципы функционирования государства, Николай «с великим тщанием начинал ковырять в носу»². К этому можно добавить лаконичную мысль генеральши А.В. Богданович: наследник «развивается физически, но не умственно» (запись 6 ноября 1889)³.

На самом деле Дом Романовых следил за подготовкой своих наследников⁴ и с юношеских лет подключал их к государственной практике. При этом государственная практика как обязательный минимум до вступления на престол сочеталась с общеобразовательной учебой, а после ее окончания дополнительно предоставлялось познавательное кругосветное путешествие для ознакомления с жизнью различных стран мира. Николай получил весь набор образовательного процесса (предметно-учебный, государственный и познавательный), имеющий важность в формировании личности императора для введения его в государственное управление. Так, в 1886 г. Николай в 18-летнем возрасте был «ассоциирован» в Государственный совет, свое образовательное и военное учение Николай закончил в 1890 г., после чего в свое совершеннолетие (21 год), был отправлен в кругосветное путешествие. Александр III полагал, что образовательная поездка принесет большие плоды, и наследник получит представление о мировом государственном развитии. По задумке Александра III

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания: Земство и Московская дума. М., 1934. С. 109.

² Цит. по: Ферреро М. Николай II. М., 1991. С. 32.

³ Вместе со своим мужем Е.В. Богдановичем, в прошлом генералом от инфантерии, а с конца XIX в. — старостой Исаакиевского собора, она содержала в Петербурге светский салон, в котором перебивал весь петербургский «бомонд» [3, с. 6, 120].

⁴ Жизнь наследника всегда отличалась от жизни других детей, ибо он занимался по особой программе с известными преподавателями. Николай II хорошо владел тремя иностранными языками (немецким, английским, французским), знал военное дело и юриспруденцию.

Николай на фрегате «Память Азова» должен был доплыть до Владивостока и символически свезти первую тачку грунта для великой Сибирской железной дороги. Затем он должен был вернуться в Петербург, увидев воочию всю Российскую империю, которую он и унаследует¹. Как видно, для представителей Дома Романовых становится традицией, подобно Петру I с его знаменитым «Великим посольством» 1697–1698 гг., совершать образовательные путешествия, используя их как часть подготовки к государственной деятельности. Императорское судно двигалось к берегам Дальнего Востока с заходами в Грецию, Египет и Индию. Конечным заграничным пунктом как раз была Япония, где в результате нападения 2 мая в Отсу местного полисмена цесаревич Николай получил удар мечом по голове. Удар оказался незначительным благодаря мужественному поступку греческого принца Георга, который сбил с ног нападающего и спас от смерти наследника. Однако Николай по приказу Александра III срочно покинул страну и продолжил через Владивосток путь в столицу.

После прерванного неудачного пребывания в Японии Николай для последующего этапа получения навыков управления приступил к выполнению обязанностей председателя Комитета Сибирской железной дороги. В этой должности, как предполагал Витте, он мог бы проявить способности государственного деятеля [14, с. 406]. В то же время, рекомендуя его на этот пост, Витте возлагал большие надежды на успех стройки века, надеясь, что номинально во главе комитета будет стоять наследник, но формально он сам сохранит за собой руководство.

Конечно же, для Витте сам факт, что строительство Сибирской железной дороги возглавит наследник, непосредственно повышал статус его Дальневосточного проекта. При этом лично ему импонировало, что цесаревич становится не только гарантом великой Сибирской стройки, но через наследника Витте мог находиться рядом с императорской семьей. Вполне вероятно, Витте не видел в лице наследника своего соперника, когда предложил ему эту «практику», напротив, он вправе был чувствовать себя в качестве защитника самодержавия, воспитывая в наследнике будущего государственного деятеля. С другой стороны, именно Витте пробудил у Николая интерес к Дальневосточному ареалу, было очевидно, что цесаревич охотно предает свою роль председателя Сибирского комитета. В дальнейшем политика Николая II на Дальнем Востоке станет в их отношениях камнем преткновения. В этом смысле идея Александра III послать Николая морским путем на восток является провидческой, она явно отразилась на его царствовании [4, с. 437]. Казалось, что Дальний Восток был фатально связан с судьбой личности цесаревича, а затем императора Николая II [там же].

После своего назначения цесаревич Николай весьма быстро освоился в деловых кругах на должности председателя, получив представление о механизмах управления не из лекций, а на практике. Собственно, целью этой практики было стремление показать, как работает система строительства Транссибирской магистрали и получить представление о принципах управления. Не успев освоиться в деловом окружении, ему пришлось принимать управление великой страной. Смерть августейшего отца стала неожиданной для Николая. Внутренне Николай не был готов стать государем. Ни для кого не было секретом отношение Александра III к Николаю: все знали, что он держит его за ребенка, даже тогда, когда он повзрослел и у него появилась возлюбленная. Так, А. С. Суворин, издатель популярной газеты «Новое время», в своем дневнике, описывая пикантное положение, в котором оказался Николай, ухаживая за балериной Матильдой Кшесинской, прямо указывал

¹ Терюков А. Н. 23 октября — 4 августа 1891. Путешествие цесаревича Николая II на Восток (Япония, Сибирь). [Электронный ресурс] URL: dvoink -nikolay livejournal./25310.html (дата обращения: 30.09.2015).

на незрелое поведение наследника: Николай первое время встречался с ней на квартире, где она проживала со своими родителями. А. С. Суворин отмечал: «Он ездит к ним, даже не нанимает ей квартиры и ругает родителя, который держит его ребенком, хотя ему 25 лет» (запись 8 февраля 1893 г.) [18, с. 14]. То есть цесаревич сам понимал, что его «держат ребенком», отказывая ему в праве быть мужчиной. Именно поэтому он стремится к законному браку, чтобы, наконец, получить свободу от отца, хотя бы в личных вопросах.

Трагичность положения Николая видели и в августейшем семействе. Вел. князь Александр Михайлович¹ подмечал, что после смерти Александра III молодой царь предстает человеком, относящимся ко всему с безразличием: и к хорошим, и дурным вестям [6, с. 170–172]. Подобная инфантильность выдавала в нем затянувшееся детство, когда за него решали все и всё. Впрочем, подобную детскость в характере царя увидела и его супруга царица Александра Федоровна. Хорошо рисующая, она изобразила картинку — мальчик на троне (ее муж) руками и ногами капризничает во все стороны, а возле него стоит царица-мать и делает ему замечание, чтобы не капризничал. Этот сюжет из семейного альбома молодой императорской четы оказался достоянием великосветской сплетницы генеральши А. В. Богданович, которая вписала его в свой дневник (запись 3 марта 1895 г.) [3, с. 201] Говорили, что император рассердился на карикатуру своей жены.

Возможно, о делах государственного порядка Николай при жизни своего отца не задумывался, зная, что вряд ли он станет молодым правителем. Когда же он им становится, то более всего бросается в глаза его безразличие к власти. Действительно, став государем, Николай некоторое время проявлял неуверенность и растерянность. Он вынужденно задавал самому себе вопрос: «Как поступил бы в данном случае на его месте его отец?» [6, с. 172] К сожалению, мало кто понял, что же скрывалось за фасадом «безразличия». Конечно, его могло ошеломить истинное положение дел в «бюрократической империи». Его ведь не успели ввести в курс высших государственных дел², а на фоне Александра III он мог показаться заурядным (Николай даже физически проигрывал могущественной фигуре своего августейшего отца — щуплый и маленького роста, все находили сходство с царицею-матерью). Слишком быстро произошел взлет от «ребенка» к полноправному государю. На юного царя свалилось не столько бремя власти, сколько необходимость вникать в закулисную политику каждого министра. В результате многое пришлось постигать из докладов своих министров. Несомненно, и правительство находилось в растерянности, оно не получало должного внимания со стороны Николая II, а оно ожидало своей участи: кто останется, а кто покинет коридоры власти? Не случайно вел. князь Александр Михайлович по этому поводу с иронией отмечал, что не только Николай II, но и министерская бюрократия проводила «часы над разгадыванием того, каково было бы решение императора Александра III при подобном стечении обстоятельств» [6, с. 172]. Никто не решался сделать первый шаг. Между тем министры при общении с новым царем обнаружили, что у него есть характер и свое мировоззрение, что стало для них откровением и неожиданностью³.

Собственно говоря, царь считал, что ответственность за судьбу России лежит на нем и переложить ответственность на других (имеются в виду либо родственники,

¹ Великий князь Александр Михайлович приходился Николаю II одновременно дядей, шурином (мужем его родной сестры Ксении) и другом «Сандро» (ласково на грузинский манер).

² *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 38.

³ Там же. С. 38–39. Не случайно С. С. Ольденбург в характере Николая выделяет не столько его растерянность и пассивность, сколько волевые качества и деловое общение с министрами. Упорная и неутомимая воля заключалась в том, что он не останавливался ни перед чем при осуществлении своих планов (будь они личные или государственные).

либо министры), не призванных, но претендующих на большое влияние в государстве, он не может. Более того, он выработал особые качества: ставить дело выше лиц и при несогласии с действиями своих министров отстранял их от дел независимо от их прошлых заслуг¹.

Действительно, на первых порах он проявил «сверх ожидания» равнодушие, граничащее с осторожностью, к составу правительства. Общественность замерла в ожидании перемен, но перемен не получила. Правительство осталось в прежнем составе, оно перешло к новому царю по наследству. Все происходило в обычном режиме. Возможно, Николай не хотел ломать выстроенный августейшим отцом общественный строй, чтобы не нарушать традиции правления; а возможно, видел отсутствие при дворе преданных лично ему личностей. Все, кто находился в министерстве, либо стремились создавать карьеру, либо интриговать друг против друга.

Политическая неопытность Николая все-таки беспокоила не только общественность, но и духовную элиту. Так, в письме византиниста Б. А. Панченко к своему коллеге И. М. Гревсу видно, что преподаватели высшей школы успокаивали себя тем, что молодой царь занят на первых порах устройством своей семьи, поэтому не может проявить свои качества государя. Вместе с тем Б. А. Панченко предполагал, что бездействие Николая II было связано с «отсутствием у него программы и определенных интересов»². Другое дело — народ. С народом Николай II показывает себя любезным и обходительным, даже «приобрел симпатии у столичного населения»³. Похожих взглядов на молодого царя придерживался и Б. В. Никольский — преподаватель, чиновник, общественно-политический деятель консервативного толка и последовательный монархист. В год коронации Николая II он записал в дневнике: «Цари путешествуют очень мило; особенно симпатично держит себя и ведет государь». Ему нравится «его порядочность и скромность», а также «смирение в его самой симпатичной форме» (запись 29 сентября 1896 г.)⁴. Примечательно, но этот человек, обладающий большой эрудицией, первый переводчик «XII Таблиц» по римскому праву, в дальнейшем, вкупе с «ультрапатриотом» генералом Е. В. Богдановичем, сыграет весьма неблагоприятную роль в карьере Витте.

В этой связи следует подчеркнуть, что на первых порах государь вызывал у духовной элиты весьма положительные чувства, хотя по сути он еще не принимал ответственных государственных решений. Другое дело, административно-государственный аппарат, для которого как раз были важны решения и все министры ожидали его решительных действий.

Именно на таком фоне столкнулись две противоположные силы: министр финансов Сергей Юльевич Витте, который мог своей работой заменить все правительство, источая энергию, здравый смысл и опыт министерской работы. С другой стороны — его величество Николай II, инфантильный юноша, которому предстояло еще стать императором. Министру в ту пору исполнилось 45 лет, а императору — 26. У Витте не было оснований думать, что он не сработается с юным царем. Он видел свою заслугу в том, что выдвинул Николая на должность председателя Комитета по делам строительства Дальневосточной железной дороги. Поэтому можно понять и Витте, рядом с ним оказался вполне реальный датский принц Гамлет, рассуждающий в смысле «править или не править», который на первых порах подчинился своим многочисленным великокняжеским дядям, считавшим его недоста-

¹ Там же. С. 39.

² СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 256.

³ Там же.

⁴ Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. Т. 1. 1896–1903. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. С. 52.

точно подготовленным правителем. Впоследствии он освободит себя от их влияния и станет управлять, как будет считать нужным. Основная интрига в отношениях Николая и Витте была заложена именно в том, что энергичность и самостоятельность Витте не совпадала с инертностью Николая II, который только осваивал новые качества государя.

В некотором роде на государственном поприще встретились различного уровня два «государственника»: во-первых, Витте, получивший власть буквально «по случаю», во-вторых — Николай II, получивший власть короны «по необходимости», т. е. по наследству. Если Витте, чтобы удержаться на государственной службе, вынужден был создавать систему реформ и решать сложнейшие проблемы государственной политики, но при этом ему приходилось изменять своим убеждениям, ловчить, интриговать, приспосабливаться к людям и обстоятельствам, действовать и ловить свою удачу во власти, то Николаю II выпала удача родиться при самом блестящем королевском дворе Европы, чье величие приближалось к Версалю Людовика XIV и Людовика XV, а этикет был заимствован у Габсбургов¹. Быть монархом — это значит единолично господствовать, но по воле судьбы «в дрожащие руки растерявшегося юноши» была вручена шестая часть мира [6, с. 132], к которой он был менее привязан, чем к бедам своей семьи. Как показала история, Николай II совершенно не был пригоден к роли вождя и не смог защитить свой трон от революционной стихии.

Нельзя не отметить, что Витте в своей министерской деятельности проявлял холодное отношение к окружающим — людей вокруг себя он принципиально не замечал, все более общался утилитарно, лишь с теми, в ком нуждался и в ком находил компетентную помощь. Окружающие Витте сотрудники не столько терпели такое отношение к себе, сколько боялись и обижались, но при этом понимали, что в России Витте единственный, кто может выполнить ответственное государственное дело. Масштабы деятельности Витте невольно создавали образ нового для России высшего сановника. Реформы Витте поставили его имя в ряд европейских государственных деятелей. Однако чем больше Витте получал признание своих реформ за границей, тем больше росло недоверие к нему в России. При дворе распускали слухи о том, что он стремится свергнуть монархический строй, а заодно стать президентом республиканской России². Даже Николай II и германский кайзер Вильгельм II вполне были уверены в амбициях Витте стать президентом³. Неслучайно Витте воспринимался в этой роли и президентом США Т. Рузвельтом. На мирных переговорах с Японией в Портсмуте в 1905 г. он высказал мнение, что родись Витте в США, то непременно был бы избран президентом⁴.

В бюрократических кругах многие завидовали успешности Витте, а недоброжелатели втайне ждали его падения, однако признавали за ним смелость и одержимость в проведении реформ. В чем же заключался его феномен? Ведь внешне он даже не выглядел светским человеком! Дело в том, что успех складывался из его достоинств и недостатков: он был высокого роста, но с грузной поступью; обладал некрасиво-властным, но запоминающимся лицом; по природе умный и волевой; у него был сипловатый голос и неправильное южнорусское произношение; говорил сжато и кратко; держался уверенно на публике и виртуозно манипулировал общественным мнением, демонстрируя себя успешным и будучи таковым, всегда был на два шага впереди других.

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб. : Наука, 1992. С. 187.

² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. С. 55.

³ К книгам С. Ю. Витте «Воспоминания» [Электронный ресурс]. URL: ldn-knigi.lib.ru|R|VittMem/htm (дата обращения: 07.10.2015).

⁴ Витте Сергей — Граф Витте // Электронная Библиотека ModernLib.Ru [Электронный ресурс]. URL: modernlib.ru|books|vitte_serгей|graf-vitte/read_1 (дата обращения: 07.10.2015).

Его страсть к укреплению государственности, служению правовой монархии и равнодушие в начале карьеры к личному материальному комфорту выдавали в нем, действительно, образ нового сановника, обладавшего демократическими привычками, большим запасом творчества и прагматизма. Реформы Витте признавались современниками, но не все считали их великими, вполне вероятно, лишь потому, что он не всегда являлся их автором (например, финансовая реформа). Но будучи умелым организатором, он мог завершать их с определенным размахом — победоносно.

Неудивительно, что Витте, так или иначе, существенно отличался от других министров тем, что не боялся брать на себя ответственность, всегда шел на риск, доводил любое дело до конца. Именно поэтому он находился в невыгодном положении, возбуждая к себе со стороны некоторых министров ревностную зависть. Как отмечает А. Ф. Кони, против политики Витте не только «пускали шип по-змеиному» [11, с. 249], но находились добровольцы, которые требовали осуждения его политики. Витте на фоне таких сановников, действительно, выглядел не столько высокомерным, сколько диктатором с его неумемной энергетикой реформаторства.

Сложно представить, что девять лет карьеры Витте рядом с молодым императором прошли бы для последнего незаметно и не являлись бы для него определенной школой и практикой государственного управления. Безусловно, долголетие во власти Витте было во многом обусловлено доверием к его деятельности Николая II, и это может показаться странным, учитывая тот факт, что царь смолоду не любил умного и беспокойного министра. Можно констатировать, что за годы правления Николая II сложившиеся отношения между ним и Витте были относительно безупречны, но не искренны, скорее их можно назвать прагматичными. Николай II относился к Витте не как к собственно избранному министру, а как к человеку, чей профессионализм ценил его отец. Витте не был его личным выбором, он достался «по наследству». Первоначально он прислушивался к его советам, следуя больше традициям отца, но не стремился к прямому подражанию и вел свои наблюдения, накапливая свой опыт общения с министром. В то же время в действиях Витте император определенно видел склонность к проявлению отношений «учителя и ученика» и эта ситуация его весьма беспокоила. С момента своего рождения Николай II считался прямым продолжателем династии и с раннего возраста готовился к роли верховного правителя государства, к моменту вступления на престол он уже обладал определенными знаниями, необходимыми для управления страной. Однако в общении с Витте ему не хватало уверенности, как, впрочем, и с многочисленными дядями, к советам которых он постоянно прислушивался и не мог им возражать (воспитание не позволяло!). Отсюда пошло мнение о его неподготовленности к управлению государством. Воспитанность была принята за слабость характера императора, поэтому ею пользовались все, в том числе и Витте.

Известно, что царь постоянно находился в определенной зависимости от решений Витте в финансовых вопросах. Вполне вероятно, Николай поставил себя в условия, характерные не для сотрудничества, а для соперничества¹. Ситуация оказалась запутанной: ему приходилось проявлять не свойственный его особе униженный сервильизм и одновременно конкурировать с Витте в делах государственных. Это внутреннее противостояние постепенно разрушало его представление о Витте как министре и, в конечном итоге, царь из наблюдателя все более превращался в оппонента политики Витте. Но до этого момента оставалось еще много времени и они успели провести совместно крупные экономические и политические реформы.

К заслугам Витте относили денежную реформу, начатую его предшественниками Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградским. Первоначально Государственный совет, да и сам

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. С. 66.

император отклонили проект Витте (возможно, не видели перспектив или из-за косности бюрократии). Однако обходными путями министру удалось коренным образом изменить экономическую политику, внедрив в денежную систему России «золотой стандарт» (1897 г.), что незамедлительно сказалось на сближении экономики России с европейскими странами. В основу денежной реформы был заложен принцип монометаллизма золотого обращения в Англии как более эффективный, чем биметаллизм Франции и Германии с обращением золота и серебра. Конечно же, без определенной поддержки Николая II реформа не смогла бы вернуться с таким размахом: внутри страны и за рубежом рубль стал обеспечиваться золотом. Следует отметить, что Николай II под руководством Н.Х. Бунге изучал историю экономической науки в целом и русской экономики в частности и был подготовлен к пониманию банковской системы. Поддавшись непосредственно идеям своего учителя, царь смог реально оценить значимость тех шагов, которые были предприняты Витте, и в конечном итоге последнему удалось получить желаемый результат, постепенно приучая Николая II к понятию «золотой стандарт».

Бесспорно, не обошлось без существующих проволочек бюрократической системы: Витте не мог напрямую запускать свои реформы. Формально все законы должны были обсуждаться в Госсовете, но существовали «лазейки». Умея управлять людьми, он оригинально применил некоторые административные пошаговые действия и несколько технических манипуляций, вовлекая в них самого Николая II и вызывая тем самым в нем определенный интерес. Например, можно было провести любую инициативу не через обсуждения в Госсовите, а непосредственно через утвержденный царем доклад министра и на основе личных отношений министра и царя издавался высочайший указ, имеющий силу закона. «Золотой стандарт» 1897 г. не был проведен через закон — только через указ императора. Этот же метод Витте использует, когда возникнет необходимость в либеральных уступках: предложит вначале для осмысления понятия «конституция», чтобы затем соединить в сознании Николая II два противоположных понятия: традиционное — «самодержавие» и либеральное — «конституция».

Популярность реформ повышала интерес к Витте, о нем злословили везде и всюду: в светских салонах его считали «высочкой» (с фр. *parvenu*) [11, с. 249], против него выступали в черносотенной печати, публиковали книги и брошюры. Так, в брошюре «Куда временщик Витте ведет Россию», напечатанной в 1895 г. за границей, бывший профессор Военно-Медицинской академии И. Ф. Цион выступил против финансовой системы Витте и назвал его «достойным учеником Карла Маркса»¹. К такому роду писательства можно отнести и брошюру Г. Ф. Крюгера. Автор переслал свою брошюру членам Государственного Совета, пытаясь доказать, что идея о введении в России золотой валюты и ее реализация принадлежит лично ему, а не Витте. Он обвинил Витте в плагиате [11, с. 249]. Обвинения в адрес Витте писались и непосредственно Его Величеству, обращались и к правительству, которого в сущности как единого целого не существовало, соответственно письма оседали в канцелярии и не имели своего продолжения, а золотая монета приобрела «права гражданства» на 15 лет [там же].

Кто же мог пережить такой успех Витте, если даже царь одобрил чеканку золотой валюты? Указ от 3 января 1897 г. предписывал выпускать империял в «15 рублей»². К концу года было решено выпустить еще две новые золотые монеты — в 10 и 5 рублей. Бесспорно, это вызвало своеобразную реакцию у столичных острословов. Эти монеты получили оригинальное название — «матильдоры» и «виттекиндеры»³. С. С. Оль-

¹ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая 11. Т. 1. С. 84.

² Ольденбург С. С. Т. 1. С. 84.

³ Там же. С. 85.

денбург объясняет, что «матильдоры» были названы по имени любимой супруги Витте¹. Однако, если соединить имена двух реформаторов денежной системы (Николая II и Витте), то в номинале «матильдоры», образно говоря, могут сочетать комбинацию имен любимых женщин (Матильды Кшесинской и Матильды Витте). Между тем, в различных кругах общества «монометаллизм» Витте бурно обсуждался, обнаруживая в дороговизне нового рубля провал внутреннего рынка, наполненного малоценными товарами, требовали вернуться к биметаллизму. Даже многолетний управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский, сторонник твердой валюты, скептически отнесся к «золотому стандарту» Витте, объясняя, что если империял — 15 руб., то полуимпериял — 7 руб. 50 коп. — должен стать ходячей монетой. Но она удобна лишь для богатых — они могут такую сумму и даже больше тратить в день, а русский мужик — эти семь с полтиной будет растягивать чуть ли не на месяц. Кто проигрывает, если ввести золотую валюту в России? Крестьяне, они будут поставлены в такое положение, что им придется искать более мелкую валюту бумажными деньгами или серебряными, но уже внутренне пониженными в цене². Витте понимал уязвимость своей реформы. Ему пришла мысль заменить рубль более мелкой денежной единицей, «русью», цена которой могла быть значительно ниже рубля (даже образцы такой золотой монеты были отчеканены) [5, с. 87–88]. Но реформа прошла гладко, население не заметило перехода на новую денежную систему, и Витте не стал вводить новую монету «русь» [там же, с. 88].

И хотя реформа не была достаточно экономной для России, однако усилила внешнюю политику страны. Многие иностранные правительства и предприниматели понимали выгодность данного денежного обращения (каждый казначейский билет обеспечивался золотым эквивалентом, т. е. скупали бумажные деньги, а в случае их сдачи в банк получали золото). В Россию стали вливаться иностранные инвестиции, происходила промышленная капитализация, страна получила огромный кредит. Этот кредит в конечном итоге был использован для борьбы с революцией, которая и была порождением этой реформы; частично пущен на решение дальневосточных проблем. Как видно, у денежной реформы была обратная сторона — Россия все глубже залезала в долги, а с 1900 г. ее охватил кризисный водоворот. Кризисом были охвачены все отрасли промышленности, в сельском хозяйстве из-за резкого снижения цен на продукцию понизилась заработная плата крестьян, а соответственно, повысилась арендная плата за землю и т. д. Тем не менее механизм стабильности денежной реформы по инерции существовал даже после отставки Витте и продержался вплоть до вступления России в Первую мировую войну (1914 г.).

Экономическая программа Витте имела многовекторную направленность: каждая реформа подкреплялась последующими реформами. Сбалансированность реформ способствовала устойчивости экономики и была рассчитана на привлечение в Россию иностранных капиталов. Витте и его Министерство финансов показали, что являются приверженцами реформ, это предоставляло государству возможность развивать промышленность, а значит вести мирную политику.

Что касается военных, то они требовали от государя воспользоваться в 1897 г. результатами греко-турецкой войны и занять проливы (Босфор и Дарданеллы). Николай II отверг их притязания и определил новые задачи — вместо развязывания войны Россия заключила конвенцию с Австро-Венгрией в целях поддержания статус-кво на Балканах. Николай II взял курс на проведение «миролюбивой политики» в Европе.

Продолжение в следующем номере.

¹ Там же.

² Денежная реформа. Свод мнений и отзывов. СПб., 1896. С. 10.

Литература

1. *Александр III*. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. : Издательство «Пушкинского фонда», 2001.
2. *Барковец О., Крылов-Толстикевич А.* Александр III — Царь-Миротворец. СПб. : Абрис, 2007.
3. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М. : НОВОСТИ, 1990.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М. : «Книга по Требованию», 2013.
5. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М. : «Книга по Требованию», 2012.
6. *Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова*. С предисловием Николая Старикова. СПб. : Питер, 2015.
7. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
8. *Клей К.* Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М. : Вече, 2009.
9. *Клепов А.* Витте и немецкие ордена. Часть XI [Электронный ресурс]. URL: www.proza.ru/2010/09/30/1044 (дата обращения: 08.08.2015).
10. *Комлева Ю.* Цесаревич Николай и принцесса Алиса / Православный вестник. 2012. № 2 (105), 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: ortodox-magazine.ru/numbers/at563 (дата обращения: 06.12.2015).
11. *Кони А.Ф.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М. : Юридическая литература, 1968.
12. *Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. СПб. : Людовик, 2006.
13. *Мэсси Р.* Николай и Александра: Роман-биография / Пер. с англ. В.Г. Гордон, Б.В. Матвеев. Изд. второе, испр. и дополн. М. : ИА «Libro», 1992.
14. *На изломе эпох: вклад С.Ю. Витте в развитие российской государственности*. Исследования и публикации. В 2 т. Т. 2. С.Ю. Витте и его современники. СПб. : Лики России, 2014.
15. *Романова А.Ф.* Мемуары последней императрицы / Александра Федоровна Романова. М. : АСТ, 2014.
16. *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство, 1907–1914. Л., 1990.
17. *Субботин Ю.Б.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914 г.). М., 1996.
18. *Суворин А.С.* Дневник. М. : Книжный Клуб Книговек, 2015.
19. *Толмачев Е.П.* Александр III и его время. Изд-во: Terra-Книжный клуб, 2007. Электронная библиотека: eknigi.org/istoriya/163782-aleksander-iii-i-ego-vremya.html
20. *Хереш Э.* Николай II. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону : Феникс, 1998.
21. *Чернуха В.Г.* Александр III / Вступ. статья в кн.: Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. : Издательство «Пушкинского фонда», 2001.
22. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII — начала XX в. СПб. : «Искусство — СПб.», 2001.
23. *Шереметев С.Д.* Мемуары / В кн.: Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. : Издательство «Пушкинского фонда», 2001.

References

1. *Alexander III. Memoirs. Diaries. Letters* [Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma]. SPb. : Publishing house of «Pushkin fund» [Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda»], 2001.
2. *Barkovets O., Krylov-Tolstikovich A.* *Alexander III is the Tsar-peacekeeper* [Aleksandr III — Tsar'-Mirotvorets]. SPb. : Abris. 2007. (rus)
3. *Bogdanovich A.V.* *Three last autocrats*. Diary [Tri poslednix samoderzhtsa. Dnevnik]. M. : NEWS [NOVOSTI], 1990. (rus)
4. *Witte S.Yu.* *Memoirs*. V. 1 [Vospominaniya. T. 1.]. M. : «Book on demand» [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)
5. *Witte S.Yu.* *Memoirs*. T. 2 [Vospominaniya. T. 2.]. M. : «Book on demand» [Kniga po Trebovaniyu], 2012. (rus)
6. *Memoirs of the Grand Duke Alexander Mikhailovich Romanov*. With preface of Nikolay Starikov [Vospominaniya velikogo knyazyza Aleksandra Mikhailovicha Romanova. S predisloviem Nikolaya Starikova]. SPb. : Piter, 2015. (rus)
7. *Gurko V.I.* *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image of the contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika]. M. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie], 2000. (rus)

8. Clay K. *King, Kaiser, Tsar. Three monarchical cousins who have led the world to War* [Korol', kaizer, tsar'. Tri monarshikh kuzena, kotorye priveli mir k voine]. M. : Veche, 2009. (rus)
9. Klepov A. *Witte and German awards* [Vitte i nemetskie ordena]. Part XI [An electronic resource]. URL: www.proza.ru/2010/09/30/1044 (date of the address: 08.08. 2015). (rus)
10. Komleva Yu. *Tsesarevich Nikolay and princess Alice* [Tsesarevich Nikolai i printsessa Alisa] / Orthodox Christian messenger [Pravoslavnyi vestnik]. 2012. N 2 (105), on April, 13. / [Electronic resource]. URL: ortodox-magazine/ru/numbers/at563 (date of the address: 12/6/2015). (rus)
11. Koni A.F. *Collected works in eight volumes* [Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh]. V. 5. M. : Legal Literature [Yuridicheskaya literature], 1968. (rus)
12. Martynov S.D. *State person Witte* [Gosudarstvennyi chelovek Vitte]. SPb. : Ludovic, 2006. (rus)
13. Massie Robert K. *Nikolas and Alexandra: The novel biography* [Nikolai i Aleksandra: Roman-biografiya] / Translation from English V.G. Gordon, B.V. Matveev, second edition. M. : Libro information agency [IA «Libro»], 1992. (rus)
14. *On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood*. Researches and publications. In 2 vol. [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii. V 2-kh tt.] V. 2. S.Yu. Witte and his contemporaries [S.Yu. Witte i ego sovremenniki]. SPb. : Faces of Russia [Liki Rossii], 2014. (rus)
15. Romanova A.F. *Memoirs of the last Empress* [Memuary poslednei Imperatritsy] / Alexandra Fedorovna Romanova. M. : AST, 2014. (rus)
16. Solovyov Yu.B. *Autocracy and nobility, 1907–1914* [Samoderzhavie i dvoryanstvo]. L. : 1990. (rus)
17. Subbotin Yu.B. *Russia and Germany: partners and opponents (trade relations at the end of the 19th century — 1914)* [Rossiya i Germaniya: partnery i protivniki (torgovye otnosheniya v kontse XIX v. — 1914 g.)]. M., 1996. (rus)
18. Suvorin A.S. *Diary* [Dnevnik]. M. : Book Club Book Era [Knizhnyi Klub Knigovek], 2015. (rus)
19. Tolmachev E.P. *Alexander III and his time* [Aleksandr III i ego vremya]. Publishing house: Terra-book club [Terra-Knizhnyi klub], 2007. Electronic library: [eknigi.org/istoriya/163782-aleksander III-i-ego-vremya, html](http://eknigi.org/istoriya/163782-aleksander-III-i-ego-vremya.html). (rus)
20. Heresch E. *Nicholas II* [Nikolai II]. Series «Trace in the History» [Seriya «Sled v istorii»]. Rostov-on-Don : «Phoenix», 1998. (rus)
21. Tchernukha V.G. *Alexander III* [Aleksandr III] / Introduction article in the book: Alexander III. Memoirs. Diaries. Letters [Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma]. SPb. : Publishing house of «Pushkin fund» [Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda»], 2001. (rus)
22. Shepelev L.E. *High-ranking world of Russia XVIII — the beginnings of the 20th century* [Chinovnyi mir Rossii XVIII — nachala XX v.]. SPb. : «Art — SPb» [Iskusstvo — SPb], 2001. (rus)
23. Sheremetev S.D. *Memoirs* [Memuary] / In the book: Alexander III. Memoirs. Diaries. Letters [Aleksandr III. Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma]. SPb. : Publishing house of «Pushkin fund» [Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda»], 2001. (rus)

Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти

Рыбчак Павел Николаевич

Администрация Выборгского района Санкт-Петербурга
 Ведущий специалист отдела организационной работы и взаимодействия с органами местного самоуправления
 Аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 pavelrybchak@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье описан авторский взгляд на основные изменения электоральной политики в современной России, характеризуются особенности получивших развитие электоральных процессов. Отмечается, что на протяжении первых электоральных циклов выборы в России проходили с проявлениями реальной политической борьбы, конкуренции и, особенно на региональном уровне, имели достаточно непредсказуемый характер. Ситуация начала меняться после принятия в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях», закрепившего и запустившего в действие огосударствление российской партийной системы. Дальнейшие процессы развития института выборов были связаны с усилением авторитарных тенденций в осуществлении выборного процесса, применением административного ресурса на всех этапах электорального механизма и подавлением оппозиционных настроений.

Результатом анализа происходящих процессов стала попытка автора зафиксировать важнейшие тренды электоральной политики государства, в результате которой сложилась новая система легитимации власти, имеющая целью обеспечение единства и стабильности общества в интересах правящей элиты. Такая устойчивость социума предусматривает его консолидацию вокруг государства в нынешней модели. Автором делается вывод о том, что электоральный процесс с течением времени становится все более управляемым, а объектом управления в итоге становится не только процедура выборов, но и сам предполагаемый результат избирательных процедур. Кроме того, приводится тезис о продолжающейся институционализации выборов в стране и поиске той модели электоральных нормативов, которые позволили бы максимально удовлетворять потребностям правящей политической элиты. В то же время электоральное поведение и сознание граждан оказывается в значительной мере подверженным изменениям под влиянием происходящих политических трансформаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электоральная политика, электоральный авторитаризм, административный ресурс, легитимация, политический режим, электоральное сознание, электоральное поведение, стабильность общества

Rybchak P. N.

The Electoral Policy of Russia in the Early Twenty-First Century as a Managed Power Legitimacy

Rybchak Pavel Nikolaevich

Administration of Vyborgsky district of Saint-Petersburg
 Leading specialist of department of organizational work and interaction with local governments
 Graduate student of The North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 pavelrybchak@mail.ru

ABSTRACT

The article traces the main changes of electoral politics in modern Russia, describes the features developed electoral processes. It is noted that during the first electoral cycle elections in Russia took place the real manifestations of political struggle, competition, and, especially

at the regional level, had quite unpredictable in nature. The situation began to change after the adoption of the Federal law «On political parties» from 2001 which recognized the triggering effect to the Russian nationalization of the party system. Further processes of development of Institute of elections was associated with increasing authoritarian trends in the implementation of the electoral process, the use of administrative resources at all stages of the electoral mechanism and the suppression of opposition sentiment.

The result of the analysis of the processes was the author's attempt to capture the most important trends in the electoral politics of the state, which introduced a new system of legitimation of power, with the aim of ensuring the unity and stability of society in the interests of the ruling elite. Such resistance society provides for its consolidation around the state in its current model. The work concludes that the electoral process over time becomes more manageable, and the object eventually becomes not only the election procedure, but the intended result of election procedures.

In addition, the article presents the thesis of continuing the institutionalization of elections in the country and search for the model of electoral regulations that would best meet the needs of the ruling political elite. At the same time, electoral behavior and public opinion is largely susceptible to changes under the influence of ongoing political transformations.

KEYWORDS

Electoral politics, electoral authoritarianism, administrative resources, legitimacy, political regime, electoral consciousness, electoral behavior, the stability of society

За последние два десятилетия в России произошли существенные перемены во всех сферах жизнедеятельности общества. Значительная трансформация социально-экономических основ, появление и укрепление во власти ныне действующей политической элиты и размежевание общественного мнения повлекли за собой серьезные последствия различного характера. Эти и иные изменения стали отправной точкой для смены политических парадигм, которые оказали глубинное влияние на все сферы политической реальности, в том числе на субъективные настроения, политическое сознание россиян и объективные реальности функционирования института выборов.

Общим трендом изменений электоральной политики становится все большая управляемость электоральным процессом с целью обеспечения любой ценой стабильности и единства общества. Этот процесс не был одномоментным, первые электоральные циклы (1995–2003 гг.) характеризовались проявлениями политической борьбы, конкуренции и, особенно на региональном уровне, имели достаточно непредсказуемый характер. По замечанию О. В. Крыштановской [12, с. 3], выборность глав регионов приводила к дестабилизации политической системы, появлению опасности новой волны «парада суверенитетов», а в самом трагичном сценарии — распада России на отдельные «удельные княжества».

Выборность глав субъектов РФ существенно влияла на профиль власти: институт выборов не только привел в элиту новых людей, но и сделал глав регионов опасно независимыми от центральной власти. Рычаги управления регионами были неэффективными не только за счет самостоятельного избрания губернаторов избирателями в регионах, но также из-за противоречий в законодательстве и отсутствия единства во взаимоотношениях центра и отдельных субъектов.

«Вертикаль власти», начавшая свое существование еще с 2000-х годов, получила поддержку своего функционирования через принятие закона «О политических партиях» от 2001 г.¹, закрепившего и запустившего в действие систему «огосударствления российской партийной системы» [15, с. 25], которая стала обеспечивать широкие возможности для административного регулирования процессов де-

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

тельности политических партий. В стране публичная власть стала играть роль «избирательной машины», которая получила возможность решать задачи действующей власти в избирательных кампаниях и получившая «боевое крещение» в ходе федеральных выборов 2003–2004 гг. Избранная в 2003 г. Государственная дума РФ перестала иметь характер института всенародного представительства и приобрела черты, свойственные законодательным органам в авторитарных политических системах с одной правящей партией» [15, с. 53].

В 2004–2011 гг. электоральная политика изменилась, она основывалась прежде всего на стремлении федеральной власти увеличить контроль над властными институтами, создавая возможность прихода к власти управляемым партиям или подконтрольным губернаторам, с целью укрепления политической стабильности правящей элиты, что стало признаком усиления подконтрольности и предсказуемости итогов выборов в российском политическом пространстве¹. Произошло институциональное снижение возможностей выбора у избирателя, что связано с внедрением механизмов последовательного уменьшения неопределенности результатов выборов. К таким механизмам можно отнести ликвидацию граф «против всех», снижение минимального порога явки для признания выборов действительными, ликвидацию прямых выборов глав регионов и т. д.

Ужесточение норм регистрации кандидатов дало возможность осуществлять еще более существенный отсев «ненужных» кандидатов. Увеличение требований к количеству членов партии и запрещение избирательных блоков вело к уменьшению конкуренции на выборах. Переход на пропорциональную систему выборов уменьшил варианты выбора у избирателей. Увеличение заградительного барьера еще сильнее снижало представительность главного законодательного органа страны и увеличивало противоречия между результатами выборов и волей граждан. Лишение общественных объединений права направлять наблюдателей приводило к снижению прозрачности института выборов [22, с. 85–86].

Уже с первых электоральных циклов активное развитие получило применение в избирательном процессе административного ресурса². По оценке исследователей, в России за последние десятилетия не было времени, когда ресурс административного характера не употреблялся бы вообще, и зарождение этой ситуации следует искать еще в советское время. До 1988 г. в СССР существовала однопартийная система, и выборы постоянно осуществлялись при сверхвысокой явке (99,98% избирателей). Победу на выборах одерживали представители «единого блока коммунистов и беспартийных», не имевшего каких-либо конкурентов в избирательном процессе.

Такая система гарантировала, что на выборах победит достойный с точки зрения власти кандидат. Выбор «нужных» людей осуществлялся не гражданами на избирательных участках, а во властных кабинетах. Имелись определенные планы-разнарядки для формирования органов власти. Например, «мандат на участке должен быть получен пожилым рабочим, ветераном Коммунистической партии (КПСС), а на другом участке — беспартийная женщина до 45 лет, имеющая двоих детей» [18, с. 176].

Утверждение о широком использовании административного ресурса можно отнести и к признаваемым в настоящее время образцовыми выборам народных депутатов РСФСР в 1990 г., и к выборам Президента РСФСР в 1991 г. В 1990 г.

¹ Также содержанием авторитарных тенденций можно считать создание федеральных округов, увеличение сроков полномочий президента и депутатов Государственной Думы РФ.

² Под административным ресурсом следует понимать возможность манипулировать электоратом и итогами выборов, применяя разнообразные виды зависимостей политических акторов и граждан от действующей власти. См.: [12, с. 7].

большая часть государства находилась под достаточно серьезным контролем органов КПСС, и на Съезд народных депутатов РСФСР из нее были делегированы «нужные» для власти кандидаты. На выборах Президента РСФСР в 1991 г. административный ресурс также активно применялся, но использовался он против Б.Н. Ельцина как фаворита выборов, и его победа уменьшила накал обсуждения нарушений в течение подготовки и проведения избирательной кампании. Активное применение административного ресурса происходило и в 1990-е годы на выборах разных уровней, но в это время применение административного ресурса имело децентрализованный характер: в различных регионах этот ресурс работал на различные партии и различных кандидатов.

В 2000-е годы использование административного ресурса на выборах стало централизованным. В начале этого периода администрациями использовалось широкое давление на избирателей при использовании СМИ, публикация «компромагов», разнообразные формы подкупа избирателей, давление на руководителей предприятий с целью обеспечения необходимого «количества и качества» голосов. В ряде случаев осуществлялся сговор политических акторов, правоохранительных органов и финансово-промышленных групп. При этом основными действующими лицами функционирования машины административного ресурса являлись главы регионов.

В российской практике в ряде случаев применение административного ресурса могло быть связано с нарушениями норм закона, но в большинстве случаев это манипулирование выражалось в ограничении конкуренции, давлении на электорат¹. Люди, имеющие власть, могли кроме своего личного голоса «принести» на избирательный участок еще голоса своих «подданных». Кроме того, на выборах осуществлялась мобилизация разнообразных ресурсов (медийных, финансовых, организационных и др.).

В целом технологии применения административного ресурса можно объединить в несколько типов. Во-первых, это юридические технологии (например, нарекания в отношении собранных подписей, ограничения во время регистрации кандидатов, обвинения в нарушении правил агитации и др.). Во-вторых, это технологии применения ресурсов средств массовой информации (агитация в пользу «нужных» кандидатов, публикация «казачных» рейтингов политических акторов, неравенство для кандидатов в предоставлении эфирного времени и т. д.). В-третьих, экономические технологии (например, раздача подарков «за правильное» голосование, шантаж руководителей предприятий экономическими санкциями с целью обеспечения необходимого результата на выборах и т. д.) [12, с. 7].

По оценке отдельных авторов [1, с. 67] в 2000-е годы в результате применения административного ресурса наблюдалось значительное искажение такого значимого показателя электорального процесса, как явки, при этом оно в течение 2000-х годов имело тенденцию к увеличению и достигло максимальных показателей на выборах Президента РФ в 2008 г. На выборах депутатов нижней палаты парламента наивысший уровень фальсификации явки был отмечен в 2007 г., а не в 2011 г., в то время как именно эти выборы вызвали к жизни протестное движение «за честные выборы». На выборах главы государства в 2012 г. уровень фальсификаций существенно снизился, хотя и не достиг уровня 1990-х годов. В целом в 2000-е годы выборы в России подвергались сильному административному давлению, а искажение показателей явки усиливалось от выборов к выборам, показав максимальные значения в 2008–2011 гг.

¹ Осмысление такой практики привело к появлению в научной среде термина «управляемый электорат» и появлению рейтингов регионов по степени электоральной управляемости. См.: [16, с. 22].

Положительными чертами усиления авторитарных тенденций в электоральном процессе для политической элиты России служили четкость, предсказуемость и быстрота политических процессов. Но в то же время они в период 2004–2011 гг. привели к росту в обществе неудовлетворенности из-за роста социальной несправедливости, наличия значительного числа граждан, которые не доверяли сформированным ими в процессе выборов органам власти, что стало служить основой для формирования так называемых «электоральных кластеров»¹.

За 1990–2000-е годы классическая легитимационная функция выборов перестала выполняться в полной мере, что было связано со снижением уровня электорального участия и разочарованием населения в институте выборов. Недостатки легитимности особенно важны в контексте того, что выборы играют двойственную роль в политическом процессе. С одной стороны, они выступают объектом легитимации, с другой стороны сам процесс легитимации осуществляется с помощью выборов, тогда они становятся каналами легитимации. Чтобы с помощью какого-либо института могла происходить легитимация, необходимо, чтобы сам канал был легитимирован в общественном сознании и только тогда этот канал будет иметь необходимый потенциал для регулирования отношений и решения проблем в обществе [21, с. 74].

По оценке Е.В. Реутова [21, с. 81] на негативную ситуацию в сфере легитимности выборов повлияли следующие факторы:

1. Выборы перестали играть роль селективного механизма, позволяющего выбирать представителей народа, способных управлять страной или регионом. По меткому замечанию И. Крастева, «выборы стали служить тому, чтобы представлять не народ, а власть перед народом»².
2. Неконкурентность и несправедливость выборов, когда избирательные кампании превратились в борьбу не между кандидатами, а в борьбу между субъектами «управляемой демократии».
3. Массовое применение «грязных» или «сомнительных» электоральных технологий, применение механизмов пропаганды.

Если с 2000 по 2011 г. происходило уменьшение числа политических партий, отстранение от выборов в нижнюю палату парламента депутатов, выбранных по одномандатным округам, формирование дополнительных преград при направлении представителей в верхнюю палату парламента и отказ от прямых выборов не только губернаторов, то с 2012 г. наблюдается обратная тенденция. Переломным моментом для смены «тренда» стали протестные события 2011–2012 гг. Для восстановления авторитета, который в некоторой степени пошатнулся во время протестных акций, власти стали нужны частичные уступки оппозиционным силам, а также увеличение компетентности управленческих кадров и привлечение к ответственности низовой бюрократии [7, с. 7].

С 2012 г. в стране стало наблюдаться некоторое «сжатие» авторитарных тенденций, связанное с отказом от назначения губернаторов и изменениями процедур на выборах в Государственную Думу РФ. В качестве инструментов дальнейших изменений политических процессов в стране, по оценкам исследователей [7, с. 8], возможны дальнейшие процессы либерализации партий, находящихся в оппозиции и реструктуризация правящей партии. Более серьезные изменения в политическом пространстве возможны под влиянием двух факторов: первого — критически не-

¹ Под электоральными кластерами понимаются группы избирателей, ориентированных на достижение в результате выборов, отличающихся от большей части населения целей. См. подробнее: [5, с. 149–147].

² Крастев И. Новая российская идеология [Электронный ресурс] // Иностраные средства массовой информации. Dziennik. 2006. 14 сентября. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/229923.html> (дата обращения: 8.12.2015).

адекватных действий бюрократии или второго — резкого изменения мировой хозяйственной конъюнктуры. В целом делается верный вывод о том, что в ближайшие годы в России не произойдут существенные перемены в политическом укладе, а протестная волна 2011–2012 гг. будет иметь тенденцию к спаду. В то же время в долговременной перспективе, по мере роста благосостояния граждан, будет расти их запрос на политические реформы и изменения неэффективных элементов политического механизма.

Достаточно быстрая смена «правил игры» института выборов, как видно из табл. 1, в течение четвертьвекового периода развития самостоятельной России, позволяет сделать вывод о продолжающейся институционализации выборов в стране и поиске той модели электоральных нормативов, которые позволили бы максимально удовлетворять потребностям политической элиты. Нормы в политическом пространстве менялись достаточно часто в зависимости от потребностей политических элит и необходимости применения эффектов тех или иных политических технологий, накладывая свой отпечаток на электоральное поведение.

Ситуация становления института выборов осложняется тем, что Россия как транзитивное общество несет в себе черты разных эпох и культур, при этом страна «отчаянно пытается познать себя и обрести свою идентичность, чтобы вырваться из многовековых социальных передраг» [14, с. 185]. В результате происходят изменения политического сознания, электорального поведения и, в конечном счете, доверия граждан к институтам власти и выборов, что обусловлено следующими факторами:

- изменениями правил формирования органов власти и процедур определения лиц, наделенных властными полномочиями, их частотой и целесообразностью в глазах избирателей;
- наличием конкурентности или контролируемости выборов;
- степенью применения административного ресурса на выборах во всех его проявлениях (медийном, организационном, финансовом и т. д.);
- восприятием выборов как честного и объективного института;
- реакцией власти на протесты и оппозиционные заявления и действия в отношении проводимых выборов.

В политологическом дискурсе возникло значительное разнообразие определений российской политики, которая является фундаментом для объяснения тенденций электоральной политики [19, с. 180]. В приведенных в табл. 1 концепциях современные российские политические и электоральные процессы трактуются по-разному, формируя основу для их оценки.

Приведенные в табл. 1 определения имеют под собой соответствующую документальную базу и создают некоторые сложности в осмыслении российского политического процесса и его целостности. Но все же, в любом из приведенных выше определений политического режима авторы стремятся объяснить причины и последствия перехода от подлинно демократических процедур к господству идеологии и практики авторитаризма в электоральной политике.

Таким образом, наиболее существенными трендами электоральной политики государства, в результате которой сложилась новая система легитимации власти, за последние годы стали:

1. Усиление государственного управления институтом выборов на всех уровнях — законодательном, административном, судебном.
2. Смещение целеполагания выборов в направлении «ничего не менять», то есть не обновление институтов власти, а их сохранение.
3. Работа действующей власти на опережение и предупреждение общественной активности, усиление контроля за гражданским обществом.
4. Формирование мнимоплюральной партийной системы, при которой абсолютное большинство партий не являются политическими субъектами. По сути дела это

**Характеристики российского политического режима,
сформировавшиеся в науке в 2006–2015 гг.**

Название режима	Автор	Характеристика
«Имитационная демократия»	Д. Фурман [26]	Граждане свергают недемократический режим и провозглашают демократию, но жить при демократии общество не может, и она достаточно быстро превращается в камуфлированный демократическими процедурами авторитаризм. Отличие России от иных имитационных демократий заключается в ее движении к европейским целям и направленности на создание развитого государства
«Электоральный авторитаризм»	Г. Голосов [4], В. Я. Гельман [3]	С помощью регулярных выборов и ограниченной конкуренции правящие элиты имеют возможность более эффективно контролировать работу государственного аппарата на всех уровнях управления и своих сограждан, в результате чего снижаются риски внезапного крушения режимов при наличии внутривластных конфликтов. Электоральные механизмы являются средством внутривластной и международной легитимации власти
«Государственно-бюрократический капитализм»	Ю. А. Красин [10]	Сращивание крупного капитала с государственной бюрократией при гегемонии последней. Основной формой организации капитала становятся государственные, частно-государственные и частные корпорации под эгидой государства. Такая организация обеспечивает власть и богатство государственной бюрократии и магнатам капитала
«Персоналистский режим»	М. А. Краснов [11]	Несбалансированное сосредоточение явных и скрытых полномочий в руках институциональности. При таком режиме искажен принцип разделения властей и невозможна реальная политическая конкуренция. Такой режим в России имеет причиной российские традиции и институциональные пороки организации власти, определенные Конституцией РФ
«Неоэтакратическое общество»	О. И. Шкартан, Г. А. Ястребов [27]	Авторитарно-бюрократическое общество, в котором отношения собственности имеют подчинение отношениям власти. Силовые структуры и бюрократия, объединившись через «вертикаль власти», являются акторами экономического и политического пространства и подчинили себе крупный бизнес

Название режима	Автор	Характеристика
«Неофеодальное государство»	В. Шляпентох [28]	В России происходит возрождение феодального управления. К признакам неофеодализма можно отнести слабость государства, значительный уровень коррупции и преступности, серьезную роль личных отношений и наличие частных служб безопасности
«Неосословное государство»	С. Кордонский [9]	Социальная история России представляет собой цикл, в рамках которого попеременно происходит смена доминирования сословной и классовой структуры. В обществе имеются титульные (существующие по закону) и нетитульные (обслуживающие) сословия, которые по-разному взаимодействуют с имеющейся классовой структурой
«Плебисцитарная демократия»	В. В. Федоров [17], Л. В. Поляков [19]	Россия представляет собой совокупность особенностей советского (архитипически имперского) строя и западной демократической системы. Такая демократия объединяет в себе следующие свойства, появившиеся в российских условиях: главным институтом политической системы выступает харизматичный лидер, вождь; имеется непосредственная и прямая связь вождя с народом; выборы превращаются в особую процедуру, когда они не выполняют функцию сравнения альтернатив, а сформированы как плебисцит, то есть ответ на вопрос: нравится или не нравится избирателям одно безальтернативное предложение; смена власти реализуется не на выборах, а на решениях лидера и узкого круга лиц, и только затем получает статус легитимности на выборах

административно-политические образования, представляющие не политические интересы общества или его части, а узкокорпоративные и псевдолидерские интересы.

5. Изменение политической коммуникации власти и общества не в сторону взаимодействия, а сторону служения интересам государства в его державном образе.
6. Смещение политической повестки дня в сторону ценностных размежеваний как на глобальном уровне, так и во внутригосударственном пространстве. Реальные социально-экономические проблемы развития страны рассматриваются в рамках политической модели «Крепость Россия», когда все подчинено идее противоборства с внешним глобальным врагом [8, с. 1031–1032].

В современной электоральной политике наблюдается превосходство главной идеи — обеспечения стабильности и единства общества любой ценой. И поскольку эта ста-

бильность предусматривает консолидацию общества вокруг государства в его нынешней модели, вся электоральная политика выстраивается по принципу все большей управляемости электоральным процессом, когда объектом управления становится не только процедура выборов, но и сам предполагаемый результат выборов.

Литература

1. Бузин А.Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996–2012 годах // Полис. 2014. № 6. С. 62–70.
2. Бызов Л.Г. Расцвет или тупик электоральной демократии? // Мониторинг общественного мнения. 2010. Июль-август. С. 282–288.
3. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 65–88.
4. Голосов Г. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012.
5. Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ): дис. на соиск. учен. степ. док-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
6. Зырянов С.Г. Институционализация демократических выборов в России: уроки первого единого дня голосования // Социум и власть. 2013. № 5. С. 33–42.
7. Иноземцев В.Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле // Полис. 2012. № 3. С. 7–18.
8. Колесников В.Н. Модернизация форматов легитимации власти: герменевтика против научного анализа / Политическая наука перед вызовами современной политики // Мат-лы VII Всерос. конгресса политологов. Москва, 19–21 ноября 2015 г. М. : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 1031–1032.
9. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
10. Красин Ю.А. Горячее лето 2014: «украинский кризис» сквозь призму политологической мысли // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. М. : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 268–269.
11. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: Опыт институционального анализа. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2006.
12. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 3–13.
13. Москвичи С. Век толп. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998.
14. Немировский В.Г. Травмированное общество и его фантомы // Полис. 2015. № 3. С. 185–189.
15. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2014.
16. Орешкин Д.Б., Орешкина Д.Д. География электоральной культуры России // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 20–34.
17. От плебисцита — к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / под ред. В. Федорова. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.
18. Платонов В.М. Формирование механизма выборов. Как это было в Москве // Полис. 2015. № 5. С. 175–181.
19. Поляков Л.В. Закат плебисцитарной демократии? // Полис. 2014. № 2. С. 179–184.
20. Поляков Л.В. Электоральное поведение россиян // Полис. 2011. № 6. С. 175–180.
21. Реутов Е.В. Институт выборов в легитимации региональной власти // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 2. С. 74–87.
22. Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов / под ред. А.С. Автономова. М. : 2005.
23. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015.
24. Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М. : Праксис, 2010.
25. Федоров В.В. Теоретические аспекты изучения электорального поведения россиян в период формирования современной российской государственности: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. М., 2009.

26. Фурман Д. И невозможное возможно. Почему Россия не Казахстан? // Независимая газета. 2007. 5 октября. С. 5.
27. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неэтакратическое общество и его стратификация. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
28. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру. М. : Столица-Принт, 2008.

References

1. Buzin A.Y. *The evolution of electoral indicators of the Russian elections in the 1996–2012* [Evolyutsiya elektoral'nykh pokazatelei rossiiskikh vyborov v 1996–2012 godakh] // Polis. 2014. № 6. P. 62–70. (rus)
2. Byzov L.G. *Flourishing or deadlock of electoral democracy?* [Rastsvet ili tupik elektoral'noi demokratii?] // Monitoring of public opinion [Monitoring obshchestvennogo mneniya]. 2010. July–August. P. 282–288. (rus)
3. Gelman V.J. *The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia* [Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii] // Watered. 2012. № 4. P. 65–88.
4. Voters G. *Democracy in Russia: Assembly instructions* [Demokratiya v Rossii: instruktsiya po sborke]. St. Petersburg, 2012. (rus)
5. Zyryanov S.G. *Modern electoral processes: the relationship between behavioral and institutional aspects (political analysis)* [Sovremennye elektoral'nye protsessy: vzaimosvyaz' povedencheskogo i institutsional'nogo aspektov (politologicheskii analiz)]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of political Sciences. Rostov-on-don, 2008. (rus)
6. Zyryanov S.G. *The Institutionalization of democratic elections in Russia: lessons of the first uniform day of voting* [Institutsionalizatsiya demokraticeskikh vyborov v Rossii: uroki pervogo edinogo dnya golosovaniya] // Society and power [Sotsium i vlast']. 2013. N 5. P. 33–42. (rus)
7. Inozemtzev V.L. *Prospects of development of Russia in the new political cycle* [Perspektivy razvitiya Rossii v novom politicheskom tsikle] // Polis. 2012. № 3. P.7–18. (rus)
8. Kolesnikov V.N. *Modernization of formats legitimation of power: hermeneutics vs. scientific analysis* [Modernizatsiya formatov legitimatsii vlasti: germenevtika protiv nauchnogo analiza] / Political science before challenges of contemporary politics. Materials of VII all-Russian Congress of political scientists [Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoi politiki. Materialy VII Vserossiiskogo kongressa politologov]. Moscow, November 19–21, 2015 — M. : Higher school of Economics publishing them. M.A. Sholokhov [RITs MGGU im. M.A. Sholokhova], 2015. P. 1031–1032. (rus)
9. Kordonsky S.G. *Social Class structure of post-Soviet Russia* [Soslovnaya struktura postsovet-skoi Rossii]. M. : Institute of Fund «Public opinion» [Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie»], 2008. (rus)
10. Krasin Y.A. *Hot summer 2014: «the Ukrainian crisis» through the prism of political thought* [Goryachee leto 2014: «ukrainskii krizis» skvoz' prizmu politologicheskoi mysli] // Russian political science: origins, traditions and perspectives. Materials of all-Russian scientific conference (with international fate-em) [Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchasti-em)]. Moscow, 21–22 November 2014, M. : Higher school of Economics publishing them. M.A. Sholokhov [RITs MGGU im. M.A. Sholokhova], 2014. P. 268–269. (rus)
11. Krasnov M.A. *Personalistic regime in Russia: the Experience of institutional analysis* [Personalistskii rezhim v Rossii: Opyt institutsional'nogo analiza]. M. : Foundation «Liberal mission» [Fond «Liberal'naya missiya»], 2006. (rus)
12. Kryshchanovskaya O.V. *The Formation of regional elites: principles and mechanisms* [Formirovanie regional'noi elity: printsipy i mekhanizmy] // Social Researches [Sotsis]. 2003. № 11. P. 3–13. (rus)
13. Muscovites S. *The Age of crowds* [Vek tolpa]. M. : Center of psychology and psychotherapy [Tsentr psikhologii i psikhoterapii], 1998. (rus)
14. Nemirovskiy V.G. *A Traumatized society and its phantoms* [Travmirovannoe obshchestvo i ego fantomy] // Polis. 2015. N 3. P. 185–189. (rus)
15. Nisnevich Y.A. *Electoral corruption in Russia: political and legal analysis Federal election campaigns in 2003–2012* [Elektoral'naya korruptsiya v Rossii: politiko-pravovoi analiz federal'nykh izbiratel'nykh kampanii v 2003–2012 godakh]. M. : Foundation «Liberal Mission» [Fond «Liberal'naya Missiya»], 2014. (rus)

16. Oreshkin D.B., Oreshkin D.D. *The Geography of electoral culture in Russia* [Geografiya elektoral'noi kul'tury Rossii] // Social Sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2006. N 5. P. 20–34. (rus)
17. *From plebiscite to election. How and why Russians voted in elections 2011–2012* [Ot plebistita — k vyboram. Kak i pochemu rossiyanе golosovali na vyborakh 2011–2012 gg.] / edited by Valery Fedorov. M. : Izd. and consulting group «Praxis» [Izd. i konsaltingovaya gruppa «Praksis»], 2013. (rus)
18. Platonov V.M. *Formation mechanism of elections. As it was in Moscow* [Formirovanie mekhanizma vyborov. Kak eto bylo v Moskve] // Polis. 2015. N 5. P. 175–181. (rus)
19. Polyakov L.V. *Sunset plebiscitary democracy?* [Zakat plebistsitarnoi demokratii?] // Polis. 2014. N 2. P. 179–184. (rus)
20. Polyakov L.V. *Electoral behavior of Russians* [Elektoral'noe povedenie rossiyan] // Polis. 2011. N 6. P. 175–180. (rus)
21. Reutov E.V. *Institute of elections in the legitimization of a regional government* [Institut vyborov v legitimatsii regional'noi vlasti] // Scientific statement BSU. 2007. N 2. P. 74–87. (rus)
22. *Russian elections in the context of international election standards* [Rossiiskie vybory v kontekste mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov] / ed. by A. S. Avtonomov. M., 2005. (rus)
23. Toshchenko Zh.T. *The Phantoms of Russian society* [Fantomy rossiiskogo obshchestva]. M. : Center for social forecasting and marketing [Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga], 2015. (rus)
24. Fedorov V.V. *Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior* [Russkii vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya]. M. : Praxis, 2010. (rus)
25. Fedorov V.V. *Theoretical aspects of the study of electoral behavior of Russians in the period of formation of modern Russian statehood* [Teoreticheskie aspekty izucheniya elektoral'nogo povedeniya rossiyan v period formirovaniya sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of political Sciences. M., 2009. (rus)
26. Furman D. *And the impossible is possible. Why is Russia not Kazakhstan?* [I nevozmozhnoe vozmozhno. Pochemu Rossiya ne Kazakhstan?] // Independent newspaper [Nezavisimaya gazeta]. 2007. On 5 October. P. 5. (rus)
27. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. *Russian neo etacritic society and its stratification* [Rossiiskoe neoetakraticeskoe obshchestvo i ego stratifikatsiya]. M. : Izd. the house of SU HSE [Izd. dom GU VShE], 2008. (rus)
28. Shlapentokh V. *Contemporary Russia as a feudal society. A new look at post-Soviet era* [Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyi vzglyad na postsovetскую eru]. M. : Stolitsa-Print, 2008. (rus)

Партнерство как важное направление деятельности ФАО по решению продовольственной проблемы

Коваленко Виктор Андреевич

Санкт-Петербургский политехнический университет
Аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ
kov-vito@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается деятельность Организации по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО) в решении продовольственной программы. Организация широко взаимодействует с рядом международных сельскохозяйственных организаций и институтов. Главное внимание уделено работе ФАО с организациями системы ООН: (ЭКОСОС; МОТ (Международная организация труда); ВОЗ; ПРООН (Продовольственная программа развития); ЮНЕСКО; ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде); ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию); ЮНКТАД (Конференция по торговле и развитию); ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН); Европейской экономической комиссией и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ООН, Организации по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО), международные организации, здравоохранение, сотрудничество

Kovalenko V. A.

Partnership as an Important Activity of the Food and Agriculture Organization of the United Nations to Address the Food Problem

Kovalenko Victor Andreevich

Saint-Petersburg Polytechnical University (Russian Federation)
Graduate student of the Chair «International Relations» of Institute of the International Educational Programs
kov-vito@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the activities of the Food and Agriculture Organization (FAO) in solving the food program. The organization cooperates extensively with a number of international agricultural organizations and institutions. The main attention is given to FAO's work with the UN system: (ECOSOC, ILO (International Labour Organization), WHO, UNDP (Food Program Development), UNESCO, UNEP (United Nations Environment Programme), UNIDO (United Nations Industrial Development Organization), UNCTAD (Conference on Trade and Development), UNICEF (UN Children's Fund), economic Commission for Europe etc.

KEYWORDS

UN, United Nations Food and Agriculture Organization (FAO), international organizations, public health, cooperation

Партнерские отношения лежат в основе миссии ФАО, направленной на достижение консенсуса, необходимого для искоренения голода. Эффективность и авторитет ФАО как политического форума и уникального многоязычного центра передового опыта и знаний в значительной степени зависят от ее способности поддерживать стратегические партнерские отношения и направлять все усилия на искоренение голода.

Искоренение голода — задача, которую ФАО не может и не должна решать в одиночку. Подотдел партнерства и пропагандистской деятельности отвечает за

установление и укрепление связей с различными партнерами, содействующими выполнению мандата ФАО, в том числе с неправительственными и общественными организациями, учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, частным сектором, организациями производителей и кооперативами. В обязанности Подотдела партнерства и пропагандистской деятельности входит реализация двух стратегий ФАО: Стратегии партнерства с гражданским обществом и Стратегии партнерства с частным сектором¹.

Помимо использования вспомогательных органов для осуществления своих целей, ФАО широко взаимодействует с рядом международных сельскохозяйственных организаций и институтов напрямую.

В первую очередь ФАО сотрудничает с организациями системы ООН: (ЭКОСОС; МОТ (Международная организация труда); ВОЗ; ПРООН (Продовольственная программа развития); ЮНЕСКО; ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде); ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию); ЮНКТАД (Конференция по торговле и развитию); ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН); Европейской экономической комиссией и др. Организация также взаимодействует с рядом фондов, институтов и отраслевыми структурами, такими как: ИСО (международная организация по стандартизации); ИФАД (Международный фонд сельскохозяйственного развития); ВМО (Всемирная метеорологическая организация) и др.

В «семье ООН» одним из основных партнеров ФАО является Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), так как обе структуры занимаются реализацией схожих задач, связанных с обеспечением здорового образа жизни современного человека. Так, ВОЗ исходит из того, что человек представляет собой биосоциальный вид. Согласно определению ВОЗ, здоровье человека — это состояние «полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов»². Следовательно, понятие «здоровье человека» включает в себя три важных компонента:

- физическое здоровье;
- духовно-психологическое здоровье;
- социальное благополучие населения.

Несомненно, состояние физического здоровья напрямую зависит от количества и качества питания. Так, проблема голода и недостаточного питания входит в число проблем современного глобального здравоохранения³. Согласно данным ФАО, «около 870 миллионов человек в мире не едят достаточно для обеспечения здорового образа жизни. Это означает, что каждый восьмой человек на Земле ложится спать голодным»⁴.

Политика взаимодействия ФАО с ВОЗ основывается на совместной программе ФАО-ВОЗ (Кодекс Алиментариус), учрежденной в 1963 г. Кодекс Алиментариус является сборником международных стандартов, руководств и действующих норм и правил, которые призваны защитить здоровье потребителей и обеспечить ведение справедливой торговой практики. Гармонизация стандартов позволяет устранить торговые барьеры и обеспечить свободное движение продовольственных товаров, при этом защищая здоровье потребителей. Эта программа, по оценкам

¹ Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций. Партнерство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/partnerships/who-we-are/ru/> (дата обращения: 26.02.2016).

² Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 26.02.2016).

³ Мировая статистика здравоохранения, 2010 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/healthstats2010.pdf> (дата обращения: 26.02.2016).

⁴ Что вы должны знать о голоде в 2013 году//Всемирная продовольственная программа ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wfp.org> (дата обращения: 26.02.2016).

экспертов, представляет собой одну из наиболее эффективных совместных инициатив между специализированными учреждениями ООН. Как отметил на праздновании 50-летия Программы Генеральный директор ФАО Ж.Г. да Силва: «Кодекс Алиментариус помогает обеспечить доступ к здоровым и питательным продуктам и разрабатывает стандарты для людей, которые напрямую зависят от сельского хозяйства и продовольственных систем в качестве источника доходов»¹.

Взаимодействие ФАО и ВОЗ также осуществляется в сфере подготовки кадров, которые призваны работать в развивающихся странах, где стандарты питания не соблюдаются, что является причиной многочисленных заболеваний. Одна из важнейших проблем здоровья, связанной с питанием, о которой говорилось на юбилейной встрече, была проблема ожирения: «В настоящее время самые дешевые, доступные и вкусные продукты питания часто калорийны, но не содержат достаточного количества питательных веществ. Сегодня ожирение и связанные с ним неинфекционные заболевания существуют вместе с недоеданием в одной и той же стране и даже сообществе»².

Таким образом, ВОЗ является одним из важнейших и эффективных партнеров ФАО, так как проблематика двух организаций тесно взаимосвязана, что и предопределило их активное и тесное сотрудничество с самого начала их деятельности.

Говоря о проблемах здорового образа жизни, прежде всего необходимо понимать, что долголетие и трудоспособность человека определяются тем, что было заложено в детстве. Известно, что основная масса детей, не получающих необходимого питания, находится в странах развивающегося мира. Поэтому показатель «недостаточности питания» является первопричиной примерно в трети всех случаев детской смертности. Как мы уже отмечали выше, следствием мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. стал рост цен на продовольствие в сочетании со снижением доходов. В итоге степень недоедания значительно возросла и, в первую очередь, у детей. В этой сфере ФАО сотрудничает с еще одним специализированным учреждением ООН — Международным детским фондом ООН (ЮНИСЕФ).

Взаимодействие Детского фонда ООН с ФАО способствует установлению единых стандартов, более эффективной аккумуляции усилий по защите прав ребенка на универсальном уровне, включая продовольственное обеспечение. Важность сотрудничества ЮНИСЕФ с ФАО обусловлена обменом накопленного опыта по решению актуальных проблем здоровья подрастающего поколения. В этой связи разрабатываются программы, где проблемы детского здоровья связаны с созданием условий для эффективного развития домохозяйств, что повышает шансы детей развивающихся стран дожить до взрослого возраста. Программы ФАО и ЮНИСЕФ помогают бедным семьям и общинам в получении доступа к полноценному питанию и в сокращении масштабов недоедания среди детей. Деятельность в этой области носит просветительский характер: регулярно проводятся благотворительные мероприятия, распространяются учебные материалы, реализуются программы образования в области питания, программы подготовки национального и местного персонала и продолжают обсуждение проблем продовольственной безопасности домохозяйств и общественного питания в населении³. Данные программы оказались эффективными в ряде стран развивающегося мира. Например, в Афганистане и Замбии. Кроме того, в партнерстве с ЮНИСЕФ, ВОЗ и ВПП ФАО участвует в *Программе активизации усилий по борьбе с голодом среди детей (REACH)*.

¹ Международный орган по стандартам на пищевые продукты — механизм защиты потребителей [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2013/codex_alimentarius_20130702/ru/ (дата обращения: 26.02.2016).

² Там же.

³ Сокращение детской смертности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/post-2015-mdg/mdg/goal-4/ru/> (дата обращения: 26.02.2016).

В качестве мер по совершенствованию сотрудничества ЮНИСЕФ с ФАО можно назвать создание различных исследовательских проектов по отдельным вопросам, касающимся прав ребенка и проблем питания. Для достижения большей эффективности такого взаимодействия представляется возможным осуществлять официальную публикацию докладов и ответов государств по актуальным вопросам. Данная мера позволит ЮНИСЕФ более оперативно реагировать на нужды детей.

На фоне проблемы голода остро ставится вопрос о рациональном использовании продовольственных ресурсов. Так, если в развивающихся странах люди недоедают из-за нехватки продовольствия, то в развитых странах, согласно экспертным оценкам, ежегодно около 30% производимого в мире продовольствия теряется или выбрасывается¹. Данная проблема становится причиной деградации окружающей среды из-за чрезмерной эксплуатации почв и водоемов, а с другой стороны — мусора. В этой связи актуальным является сотрудничество ФАО с Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), в рамках которого реализуется специальная программа. Целью этой программы является бережное отношение к продовольствию и его рациональное потребление: «Если мы сможем сохранить хотя бы четверть того продовольствия, которое выбрасывается или теряется, то сможем накормить порядка 880 миллионов голодающих»².

Кроме того, под эгидой ФАО и ЮНЕП разработаны многосторонние соглашения по охране окружающей среды, которые имеют влияние на международную торговлю и сельское хозяйство:

- Международное соглашение о генетических ресурсах растений;
- Примерный кодекс поведения в лесном хозяйстве;
- Кодекс поведения ответственного рыболовства;
- Международный кодекс поведения при распределении и использовании пестицидов [1].

ФАО также сотрудничает с финансовыми и торговыми организациями: ВТО (Всемирная торговая организация); ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития); МБРР; МБ; ФИС (Международная федерация по торговле семенами) и др.

Особое внимание следует уделить сотрудничеству ФАО с Всемирной торговой организацией (ВТО). С одной стороны, политика взаимодействия этих двух структур реализуется в сфере сельского хозяйства. С другой стороны, существует ряд принципиальных различий в деятельности ФАО и ВТО. Например, отличается их отношение к государственной политике: согласно правилам ВТО государства не должны вмешиваться в дела рынка, тогда ФАО, наоборот, отводит ведущую роль в развитии сельского хозяйства и обеспечении продовольствием населения государства³. Тем не менее сотрудничество ФАО и ВТО является на сегодняшний день достаточно эффективным и активно развивается. Так, в 1995 г. в структуре ФАО был создан Офис по взаимодействию с ВТО, который имеет статус постоянно действующего комитета.

Взаимодействие ФАО и ВТО строится на основе взаимных консультаций и обмена мероприятиями. Так, эксперты ФАО регулярно приглашаются для участия в работе Комитета ВТО по сельскому хозяйству. Кроме того, ФАО оказывает большую помощь государствам для выполнения ими своих обязательств перед ВТО, для чего проводит просветительские мероприятия, на которых рассматриваются

¹ Там же.

² Сократить количество продовольственных отходов призывают ФАО и ЮНЕП [Электронный ресурс]. URL: <http://uapress.info/ru/news/show/5377/> (дата обращения: 26.02.2016).

³ Тимошенко А. «ФАО-патрон» под ВТО [Электронный ресурс]. URL: http://www.dvaslova.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3177&Itemid=51 (дата обращения: 26.02.2016).

вопросы «о правилах ВТО и о способах поддержки сельского хозяйства, что имеет немаловажное значение, так как «перед нашей страной стоят большие задачи по подготовке эффективных специалистов, знающих проблематику ВТО, умеющих применять нормы соглашений ВТО» [3]. В свою очередь на заседания Конференции ФАО (высший управляющий орган ФАО) постоянно приглашаются сотрудники ВТО.

Представляется возможным выделить следующие направления сотрудничества ФАО и ВТО:

- ФАО ведет мониторинг международных поставок, производства и потребления продуктов питания в различных регионах планеты, а затем на основании полученных данных предоставляет в ВТО статистику и оценку продовольственной безопасности;
- ФАО и ВТО совместно устанавливают санитарные и фитосанитарные меры международной торговли сельскохозяйственными товарами.

На сегодняшний день ФАО тесно взаимодействует с более чем 200 НПО [2, с. 89], род деятельности которых, так или иначе, связан с сельскохозяйственной отраслью.

Особую роль в реализации продовольственной деятельности ФАО на сегодняшний день играют отношения с Европейским Союзом. Еще в 2003 г. Европейская Комиссия и ФАО подписали соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в области развития и оказания гуманитарной помощи развивающимся государствам. «Согласно этому документу, ФАО присоединится к Финансовому и административному рамочному соглашению, заключенному недавно между Европейским союзом и ООН, которое предусматривает рациональное использование ресурсов на проведение операций в рамках совместных проектов для целей развития и гуманитарной помощи тем, кто в ней нуждается»¹. На сегодняшний день сотрудничество с ЕС является приоритетной программой ФАО.

Рассматривая деятельность ФАО, следует отметить, что успешному осуществлению программ организации способствуют вспомогательные органы, наличие которых прописано в Уставе ФАО.

Вспомогательные органы создаются на основе комитетов, групп экспертов, рабочих групп и т. д. и призваны воплощать в жизнь отдельные компоненты программ ФАО. Мы уже встречались ранее с несколькими вспомогательными органами (LAT, LARS, ICP и др.). На сегодняшний день можно говорить о существовании более 150 подобных структур. Например, Всемирная Продовольственная Программа была учреждена в 1963 г. «Ей поручено оказывать помощь неимущим в развивающихся странах, борясь с голодом и нищетой. Она использует продовольственную помощь в целях содействия экономическому и социальному развитию»². Во Всемирной торговой организации обладает статусом наблюдателя. Всемирная Продовольственная Программа обладает большой степенью самостоятельности и осуществляет свою деятельность по 3 направлениям: 1) сотрудничество с организациями семьи ООН; 2) сотрудничество с международными правительственными и неправительственными организациями; 3) участие в конференциях и саммитах от лица людей, страдающих от нехватки продовольственных ресурсов.

Другим вспомогательным органом является ИЦФ (Инвестиционный центр ФАО). Он был учрежден в 1964 г. и основными его функциями являются помощь развивающимся странам в области финансирования, технической поддержки, развития инфраструктуры, инвестирования в сельскохозяйственные проекты и др. ИЦФ ра-

¹ Центр новостей ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=700>. 15.04.2010 (дата обращения: 26.02.2016).

² Всемирная Продовольственная Программа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/ga/wfp/>. 15.04.2010 (дата обращения: 26.02.2016).

ботаает в кооперации с рядом крупных банков (Межамериканский, Африканский, Азиатский банки, с 1977 г. — с Международным фондом сельскохозяйственного развития). С 1984 г. ИЦФ сотрудничает с Фондом развития капитала ООН.

На сегодняшний день ИЦФ взаимодействует с более чем «20 финансовыми институтами, фондами, организациями: Мировым банком, Международным фондом сельскохозяйственного развития, Европейским банком реконструкции и развития, Фондом развития капитала ООН, Мировой продовольственной программой, Программой развития ООН, региональными и субрегиональными банками развития и др.» [2, с. 31–32].

Другим вспомогательным органом ФАО является Комиссия ФАО/ВОЗ «Кодекс Алиментариус». Она была учреждена в 1962 г. совместно с ВОЗ. Основной функцией является установление международных пищевых стандартов. Ежегодно Комиссия издает документы, содержащие требования к качеству пищевых продуктов, регламентирующие использование пестицидов, а также устанавливает общие методы проверки и анализа пищевых продуктов. Например, в 2008 г. были изданы документы «Максимальные пределы остаточного содержания ветеринарных медицинских препаратов в пищевых продуктах», «Корма для животных. PCR-типирование пробиотических штаммов», «Переработка и транспортирование быстрозамороженных пищевых продуктов. Рекомендуемый международный кодекс установившейся практики», «Ферментированное молоко. Стандарт Кодекса»¹ и др. При составлении стандартов Комиссия учитывает новейшие технологические разработки, осознает необходимость информирования общественности о требованиях к качеству продуктов потребления. На сегодняшний день в Комиссию входит 168 государств, включая Россию (интересы Комиссии осуществляет Учреждение Российской академии медицинских наук, Научно-исследовательский институт питания, РАМН). Комиссия также разрабатывает стандарты качества для ветеринарных препаратов и минеральных удобрений, ветеринарные нормы. В рамках организации также проводится ряд встреч — ближайшая пройдет с 29/06/2010 — 02/07/2010 в Женеве. Повестка дня включает в себя в большей степени финансовые вопросы (рассмотрения бюджета и разработки бизнес-плана для дальнейшего осуществления кодекса); также перспективы развития отношений с международными организациями (особое внимание будет уделяться НПО и учреждению статуса наблюдателя)².

Таким образом, осуществление программ ФАО неразрывно связано с деятельностью вспомогательных органов организации. Через них ФАО налаживает дипломатические отношения с неправительственными организациями, частными предпринимателями, корпорациями. ФАО стремится охватить все структуры, связанные с сельскохозяйственной деятельностью прямо или косвенно. Такой подход позволяет, с одной стороны, укрепить отношения с государствами в целом, с другой — посредством негосударственных структур воздействовать на них и на общественное мнение.

Помимо широкого использования сотрудничества с различными организациями и продвижением своих идей через организации семьи ООН, ФАО на сегодняшний день широко использует СМИ, в частности интернет-ресурсы.

Например, одной из новейших программ ФАО является онлайн программа «Петиция против голода», вступившая в силу 11 мая 2010 г. Осознавая невозможность осуществления снижения количества голодающих в мире к 2015 г., организация

¹ Стандарты Комиссии. Кодекс Алиментариус [Электронный ресурс]. URL: http://www.icc-iso.ru/upload/information_system_27/6/0/9/item_609/Standarti_Codex_Alimentarius_spisok.pdf. 14.04.2010 (дата обращения: 26.02.2016).

² Agenda Executive Committee of the Codex Alimentarius Commission [Электронный ресурс]. URL: <http://www.codexalimentarius.net/web/current.jsp?lang=en>. 11.05.2010 (дата обращения: 26.02.2016).

призвала общественность выразить свое мнение и помочь в урегулировании ситуации. Проект «1billionhungry» представлен на 7 языках, включая русский. Интернет ресурс изобилует множеством шокирующих фотографий и лозунгов, нацеленных на стимулирование распространения информации по всему миру, включая всевозможные социальные сети. Создавая этот проект, генеральный директор ФАО Жак Диуф призвал: «Мы должны очень сильно разозлиться по поводу того возмутительного факта, что люди в бедных странах еще продолжают страдать от голода. Если вы разделяете эти чувства, я хотел бы, чтобы ваш голос был услышан. Каждый из нас, богатый или бедный, молодой или старый, живущий в развитой или развивающейся стране, должен выразить свое недовольство по поводу ситуации с голодом в мире и подписать глобальную петицию»¹. Осуществление данной программы, возможно, сумеет привлечь внимание мирового сообщества.

Литература

1. Жданова Е. Н. Сотрудничество Всемирной торговой организации по вопросам сельского хозяйства с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://jurnal.org/articles/2014/uri40.html> (дата обращения: 26.02.2016).
2. Лупашко-Стальский И. П. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. Вводный ознакомительный курс / И. П. Лупашко-Стальский; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации. М. : Росинформагротех, 2006.
3. Шумилов В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО) / В. М. Шумилов; Всерос. акад. внеш. торговли. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013.

References

1. Zhdanova E. N. *Cooperation of the World Trade Organization on agriculture with the Food and Agriculture Organization, UN* [Sotrudnichestvo Vsemirnoi torgovoi organizatsii po voprosam sel'skogo khozyaistva s Prodovol'stvennoi i sel'skokhozyaistvennoi organizatsiei OON] [An electronic resource]. URL: <http://jurnal.org/articles/2014/uri40.html> (date of the address: 26.02.2016). (rus)
2. Lupashko-Stalsky I. P. *Food and Agriculture Organization, United Nations (FAO): main data. Introduction fact-finding course* [Prodovol'stvennaya i sel'skokhozyaistvennaya organizatsiya Ob"edinennykh Natsii (FAO): osnovnyye svedeniya. Vvodnyi oznakomitel'nyi kurs] / I. P. Lupashko-Stalsky; Ministry of the Agriculture of the Russian Federation. M. : Rosinformagrotech, 2006. (rus)
3. Shumilov V. M. *Legislation of the World Trade Organization (WTO)* [Pravo Vsemirnoi torgovoi organizatsii (VTO)] / V. M. Shumilov; International Academy of the Russian Foreign Trade Academy. 2nd edition. M. : Uright [Yurait], 2013. (rus)

¹ Пресс-центр ФАО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/42228/icode/>. 12.05.2010.

Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII — начало XI в.)*

Кулешов Вячеслав Сергеевич

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
 Научный сотрудник Отдела нумизматики
 Белорусский государственный университет
 Аспирант кафедры истории России
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В настоящей статье описана система экономических оснований культурной и политической истории древнейших русских обществ Восточной Европы середины VIII — нач. XI в. Эта система реконструируется в виде семерки подсистем: торговой, фискальной, административной, военной, дипломатической, религиозной и наемно-договорной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восточная Европа, Древняя Русь, раннее средневековье, экономика, политогенез

Kuleshov Viach. S.

The System of Economic Foundations of Old Rus' Sociopolitical Development (Mid-8th — Early 11th centuries)

Kuleshov Viacheslav Sergeevich

State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Researcher at the Department of Numismatics
 Belarus State University (Minsk, Republic of Belarus)
 Graduate Student of the Chair of Russian History
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

ABSTRACT

In the present article, the author describes the system of economic foundations of cultural and sociopolitical history of the oldest Rus' communities in Eastern Europe in mid-8th — early 11th centuries. The system is reconstructed as a group of seven subsystems — these are trade, fiscal, administrative, military, diplomatic, religious and mercenary-contractual ones.

KEYWORDS

Eastern Europe, Old Rus', Early Medieval period, economy, sociopolitical development.

Проблемы описания и реконструкции экономических оснований политических процессов древности и средневековья занимают важное место в современной исторической науке и являются остро актуальными. Особое значение историко-экономических исследований для прояснения частных случаев политогенеза очевидно в контексте гипотезы (явно или неявно принимаемой большинством историков) о зависимости форм и путей возникновения и развития государственности от хозяйственно-экономических условий и предпосылок.

*Расширенный текст выступления в дискуссии на международной конференции «Lost in Translation? Ibn Fadlan and the Great Unwashed» (Оксфорд, колледж Корпус Кристи) 15 марта 2016 г. При поддержке Arts and Humanities Research Council (AHRC), проект AH/K004026/1 «Dirhams for Slaves. Dirham hoards from Northern Europe, trade in Slavic slaves, and the emergence of Medieval Europe».

В настоящей статье предлагается ряд соображений и тезисов к проблеме экономических оснований древнейшего русского политогенеза (середина VIII — нач. XI в.) и проводится реконструкция этих оснований в виде системы. Последняя задача требует пояснения. Дело в том, что при всем динамизме, противоречивости и кажущейся «сюжетной разноплановости» эпохи сложения русской государственности, в восточноевропейском историко-политическом процессе раннего средневековья могут быть выделены и описаны ряд базовых культурных, политических и торгово-экономических факторов, действовавших неизменно и в рамках единой стратегии, составляющей то, что можно назвать «содержательным каркасом» и «генеральным фоном» раннедревнерусской истории. Как представляется, реконструкция этого каркаса в виде системы позволит объяснить под общим углом зрения единичные события, эпизоды и микропроцессы (т. е. конкретные показания конкретных источников), относимые к сфере политогенеза.

Под термином «политогенез», восходящим в отечественной науке к идеям Л. Е. Куббеля в области потестарно-политической этнографии, в последнее время существенно дополненным и уточненным Н. Н. Крадиным, следует понимать процесс возникновения и ранние этапы развития государственности (верховой власти, административного аппарата, институтов). Использование этого термина, уже прочно вошедшего в научный обиход, позволяет, во-первых, удачно избежать дискуссий о сути, функциях, формах и признаках государства вообще, и во-вторых, не останавливаться на противопоставлении «догосударственных», «протогосударственных», «предгосударственных» и «раннегосударственных» образований и отысканию трудноуловимых различий между ними. Несмотря на немалое количество взглядов (в том числе и взаимоисключающих), высказанных в историографии XIX — начала XXI в. относительно специфики государственности ранне-средневековых обществ Восточной Европы, большинство противоречий могут быть нейтрализованы указанием на тот факт, что в последние века I тысячелетия и в начале II тысячелетия н. э. все общества Восточной Европы (за исключением населения византийских фем Северного Причерноморья и дербентского княжества Хашимидов) пребывали на ранних стадиях сложения и/или трансформации своих государственных институтов — как при сколь угодно узком, так и при сколь угодно широком понимании структуры и функций этих последних.

Попытаемся наметить здесь то, что должно рассматриваться в качестве прямых и косвенных экономических оснований политогенеза. Это, в первую очередь, явления и процессы товаро- и ресурсооборота (в терминах современных экономических моделей — элементы сферы торговли и рынка), налогообложения и денежного обращения (в современных терминах — элементы финансовой сферы) и, во вторую очередь, события экономически обусловленные или планируемые с учетом кратко- и/или долгосрочных экономических последствий и перспектив. Эти события могут квалифицироваться и оцениваться их инициаторами и участниками (и вслед за ними — средневековыми авторами и современными историками) как *по преимуществу* политические или социально-политические. К таковым относятся войны и походы (их прямые экономические задачи: захват ценностей и пленников, расширение податной базы, утверждение контрибуций и даней), дипломатические контакты и соглашения (задачи: определение торговых преференций, введение нормативной базы торговых связей, обеспечение безопасности торговых коллективов), колонизация и расширение податных территорий (задачи: обеспечение демографической и товарно-сырьевой базы устойчивого роста), создание укрепленных и неукрепленных военно-торгово-административных поселений, пристаней и торжищ (инфраструктурная составляющая), упорядочение и институционализация систем и норм жизнеобеспечения (культурная составляющая). Легко заметить, с одной стороны, насколько все эти сферы политической и социальной жизни взаимосвязаны и, с другой сто-

роны, насколько они обычны для политогенеза любого уровня сложности. Подчеркнем методическую важность двухуровневой схемы представления, включающей элементы двух логически соподчиненных классов (прямые vs косвенные экономические основания): очевидно, что двухуровневость такого типа в источниковедческом плане должна соответствовать противопоставлению сферы материальных источников (нумизматических и археологических данных о фактах денежного обращения и торговли) и сферы письменных (свидетельства о фактах военно-политической и дипломатической и культурной истории).

Необходимо кратко охарактеризовать современную историографическую ситуацию в последней сфере. В ней заметен впечатляющий прогресс по сравнению со взглядами на историю VIII–XI вв., развивавшимися в российской науке XIX — первой четверти XX в., и в особенности в советской исторической науке с ее жесткими идеологическими и методологическими установками, современная плюралистическая научная картина, отраженная в частных (аналитических) и обобщающих (синтетических) публикациях последних десятилетий, значительно усложнилась, обогатилась, претерпела и продолжает претерпевать весьма заметную перестройку. Эта перестройка происходит благодаря более широкому, систематическому и внимательному учету разных (в том числе совершенно новых) групп источников, объяснению и взаимному соотношению их свидетельств, появлению новых памятников и установлению новых фактов, преодолению устаревших и ошибочных и введению новых и многообещающих моделей, подходов, концепций и гипотез. При этом не подлежит сомнению, что в области изучения исторических ситуаций, форм и процессов сложения и развития русской государственности на этапах, предшествующих возникновению устойчивой летописной традиции (т. е. ранее конца XI в.), сохраняется большое количество спорных тем и вопросов. Они относятся к широкому кругу областей и направлений: это выявление, критика и реконструкция памятников и свидетельств древнерусской устной традиции X–XI вв., критическое и сопоставительное изучение данных иноязычных письменных традиций (арабской, персидской, еврейской, греческой, латинской, исландской и др.), содержащих сведения о Восточной Европе VIII–XI вв., выявление и реконструкция фактов и процессов этнической и этносоциальной истории и этнокультурного взаимодействия восточноевропейских обществ VIII–XI вв. (скандинавских, славянских, балтийских, прибалтийско-финских, волжско-финских, камско-финских, угорских, тюркских, аланских и кавказских групп), моделирование и верификация отдельных эпизодов и целых блоков восточноевропейской истории VIII–XI вв. данными археологии, этнографии, культурной антропологии и типологии политических ситуаций. (Этот неполный перечень может быть продолжен и детализирован. См. новейшие обобщающие и концептуальные работы [2; 7; 12; 13; 15; 19].)

В каждой из упомянутых областей представлены многочисленные сюжеты, относящиеся к экономической истории и источниковедению раннесредневековой восточноевропейской экономики, до сих пор должным образом не собранные вместе и систематически не проанализированные. Несмотря на то обстоятельство, что изучение раннесредневековых восточноевропейских экономических систем и товарно-денежных отношений имеет исключительное значение для понимания движущих факторов древнейшего русского политогенеза, результаты специальных исследований по этим темам все же плохо известны широкому кругу специалистов, недостаточно востребованы ими и мало отражены в публикациях последнего времени. (См. например: [14; 4]. В виде исключения нужно указать на специальные монографии В. Б. Перхавко [10; 11], М. М. Шумилова [20] и новейшую книгу А. П. Толочко [18].) Следует констатировать, что исследовательская программа экономической истории древнейшей Руси, основанная еще в 1840-х гг. П. С. Савельевым и В. В. Григорьевым, а в конце XIX в. получившая новый импульс в рамках синтеза, осуществленного В. О. Ключевским [4]

(см. также [17]), пока не достигла своих целей и не принесла общеобязательных результатов. (Иначе трудно объяснить существование и осязаемое влияние целых направлений и школ изучения древнерусской истории, в которых историко-экономические блоки и соответствующая источниковедческая база либо почти отсутствуют, либо редуцированы к сумме второстепенных, малозначительных, случайных и просто ошибочных положений. Особенности, в частности, школы И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко являются *методологический изоляционизм*, т. е. установка на изучение оснований древнерусского политогенеза вне общемирового исторического, политического и экономического контекста, *наивный автохтонизм*, т. е. склонность видеть истоки древнерусской государственности исключительно в «племенных институтах» ранне-средневековых славянских обществ Восточной Европы, и наконец *слабая компетентность* в археологических, нумизматических и иноязычных письменных источниках IX–XI вв. Нет самого главного: ускользает понимание логики древнейшего русского политогенеза как диалога культур.)

Что следует в первую очередь иметь в виду, вновь обращаясь к историко-экономической программе исследования древнейшего русского политогенеза и обосновывая необходимость подготовки нового синтеза? Прежде всего следует самым ясным образом указать на масштабный и революционный характер изменений, имевших место в Западной Евразии в течение VIII в. и в конечном итоге приведших к становлению новой системы международных коммуникаций широкого спектра, связавших между собой большинство регионов от Халифата 'Аббасидов (включая Ближний Восток, Ирак, Иран и Среднюю Азию) и всего Средиземноморья на востоке и юге до Западной и Центральной Европы, Скандинавии и лесной зоны Восточной Европы на западе и севере. Эти изменения заложили основу нового этапа культурной, экономической и политической истории Старого Света, разнообразные проявления которого получили различные локальные наименования: «мусульманский ренессанс», Каролингское возрождение, эпоха викингов, хазарское время — последние два соответствуют историческому процессу в Восточной Европе (ср. в частности: [21; 1; 8; 6]). Взятые вместе, они задают надежную основу описания этнокультурного контекста древнейшего русского политогенеза, которым оказывается «русо-хазарский диалог на внутренних речных и международных путях» (итоги развития этой концепции полнее других подведены и сформулированы В. Я. Петрухиным, Е. А. Мельниковой, И. Г. Коналовой, Т. М. Калининой, Д. А. Мачинским и Е. А. Шинаковым).

Корпус письменных источников (главным образом, показания арабских, латинских и, в несколько меньшей степени, еврейских и персидских авторов: см., в частности, свод [3]) и должным образом интерпретированных нумизматических памятников Восточной Европы и Циркумбалтийского региона IX–X вв. позволяют представить широчайший географический контекст (от Швеции до Багдада и Константинополя, между Каспием и Балтикой) поселенческой, торговой, военной и дипломатической активности скандинавских (североевропейских) и русских (восточноевропейских) обществ (дружин и государств) и реконструировать систему экономических оснований древнейшего русского политогенеза (в обоснованном выше смысле). В самом сжатом виде эта система должна формулироваться в виде семерки тесно связанных между собой подсистем: (1) торговой, (2) фискальной, (3) административной, (4) военной, (5) дипломатической, (6) религиозной и (7) наемно-договорной, между которыми должны были складываться и балансироваться определенные функциональные и иерархические отношения.

В рамках *торговой подсистемы* осуществлялись транспортировка и обмен базовых групп товаров восточноевропейского предложения на денежный металл — серебро (в виде монет, слитков и бытовых предметов) и важнейшие товары русского спроса — золото, парчу и бусы. Такими товарами предложения, в первую очередь, являлись рабы и драгоценные меха (в рассказе Ибн Фадлана о ру-

сах) и, во вторую очередь, каролингские мечи (в рассказе Ибн Хурдадбиха), олово (в рассказе ал-Истахри) и некоторые другие группы товаров (такие как бобровая струя). Ведущими контрагентами (перечисляются здесь суммарно и в условно-хронологическом порядке) выступали торговые общины городов Хазарии, Крыма, Прикаспия, центральных областей Халифата, Волжской Булгарии, Хорезма, Подунавья, Византии и Центральной Европы.

В рамках *фискальной подсистемы* формировались институты даней [17] и полюдий [5]. Дани взимались напрямую, в виде товарной ренты (драгоценными мехами, ср. летописные *черную куну* и *белую веверицу*) и натуральной ренты («корма»), и косвенно — в виде выкупа за насильно обращенных в рабство.

В рамках *административной подсистемы*, во-первых, осуществлялась первичная «разметка» территорий, правил и норм даннического подчинения локальных восточноевропейских обществ (славянских, балтийских, прибалтийско-финских, волжско-финских и др.) и, во-вторых, развернулся процесс урбанизации особого типа. Этот тип урбанизации представлен во многих локальных центрах (сюда включаются и «города», такие как Полоцк и Киев, и «зоны градообразования» — ильменско-новгородская, смоленско-гнездовская, черниговская и др.) и отмечен столкновением, пересечением и объединением интересов правящих и торговых элит разных уровней и разного (этнического и этнокультурного) происхождения. Существование и взаимодействие этих последних должно рассматриваться как общий контекст «соучастия и напряжения», составивший основу восточноевропейского (древнерусского) полигенеза и зарождающейся городской жизни X–XI вв.

В рамках *военной подсистемы*, во-первых, осуществлялась добыча наиболее дорогостоящей и востребованной на ближневосточных, средиземноморских и центральноевропейских рынках товарной категории — рабов (*девушек-джавари* и *юношей-гилман*) и, во-вторых, оформлялись «приступы и отступы» дипломатических контактов с ближними и дальними соседями. Еще раз отметим общеизвестный факт: направления военных (морских и сухопутных) походов русов IX–X вв. соответствовали векторам торговой активности, зафиксированным письменными памятниками и нумизматическим материалом. Это Византия и ее периферия (Константинополь, города Крымского полуострова, Нижнее Подунавье), Прикаспий и Восточное Закавказье (Гурган, Табаристан и Арран), Хазария и ее периферия (Нижнее Подонье, регионы славяно-хазарского пограничья в Среднем Поднепровье, Верхем Подонье и Поочье, Таматарха/Тмутаракань/Тамань), Волжская Булгария.

В рамках *дипломатической подсистемы*, хорошими примерами и памятниками которой являются договоры русов с греками X в., обеспечивалась безопасность торговых экспедиций и устанавливались и расширялись внешнеполитические связи правящих элит. (Позднее в рамках этой подсистемы установилась и практика династических связей.) См. также [9].

В рамках *религиозной подсистемы*, на раннем этапе обслуживавшей преимущественно экономические интересы (ср. свидетельство Ибн Хурдадбиха о миметическом христианстве русов и свидетельство Ибн Фадлана о культе торговли и богатства и о верховном боге русов, в котором уверенно опознается Один), разыгрывалось содружество-вражда язычества скандинавского типа с христианством. Крещение княгини (*архонтиссы*) Ольги в середине X в. имело прозрачную торгово-дипломатическую подоплеку, политико-экономическую подоплеку имел и религиозный компонент «программы государственного строительства» Владимира Святославича с его попыткой реформы русского язычества, «конкурсным» выбором веры и окончательным принятием христианства.

В рамках *наемно-договорной подсистемы*, роль которой нельзя недооценивать и которая представлена по меньшей мере двумя классами примеров IX–XI вв., осуществлялась практика посреднической (наемной) дипломатии и/или разведки

(ср. рассказ Бертинских анналов о русах в Ингельгейме IX в.) и наемная военная и охранная служба (в Византии, Европе и исламских государствах). Помимо прямого экономического значения (оплата услуг и выплата жалования), эта подсистема имела и более важное косвенное, состоящее в расширении горизонтов культурных связей его агентов и выступающее (особенно отчетливо уже в XI–XII в.) как фактор дальних культурных влияний.

Таким образом, система экономических оснований и драйверов политогенеза древнейших русских обществ VIII–XI вв. оказывается одновременной и сложной (в смысле полифункциональности) и простой (в смысле следования единой адаптивной стратегии, основанной на экспансии широкого спектра: территориально-административной, торгово-экономической, военно-дипломатической).

В заключение я хотел бы подчеркнуть следующее: недопустимо смешивать *основания* политогенеза с его *причинами*. Последние лежат глубже, чем в слое хозяйственно-экономических реалий, условий и предпосылок, а именно: в механизмах культурной адаптации развивающихся обществ к цивилизационным и государственным моделям более продвинутых («очаговых») зон. Для рождающегося «русского мира» VIII–XI вв. такими «донорами» идей и форм государственности стали в равной степени и практически одновременно центральные и периферийные зоны четырех цивилизаций: исламской (умаййадская Испания, центральные области Халифата, Средняя Азия), тюркской (Хазария и Волжская Булгария), византийской (Константинополь, Подунавье и Причерноморье) и европейской (империя Каролингов и входящие в ее орбиту славянские королевства и княжества Центральной Европы).

Литература

1. Артамонов М. И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
2. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб. : Евразия; М. : Клио, 2014.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013.
4. Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси: изд. 5-е. Петербург [sic], 1919.
5. Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М. : РОССПЭН, 1995.
6. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. : Евразия, 2005.
7. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2011.
8. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука, 1990.
9. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. : Наука, 1968.
10. Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М. : Academia, 2006.
11. Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М. : Кучково поле, 2012.
12. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск : Русич; М. : Гнозис, 1995.
13. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М. : ФОРУМ; Неолит, 2013.
14. Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007.
15. Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда : ООО НИЦ «Древности Севера», 2012.
16. Святловский В. В. Примитивно-торговое государство как форма быта. (Записки Ист.-фил. фак-та Имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч. СХVIII.) СПб. : Типография «Герольд», 1914.
17. Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. Минск : БГУ, 2015.
18. Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб. : Лаурус, 2015.
19. Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Издание второе, исправленное и дополненное. М. : «Восточная литература» РАН, 2009.

20. Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.
21. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars.* (Princeton Oriental Studies. Vol. 16.) Princeton, NJ : Princeton University Press, 1954.

References

1. Artamonov M. I. *History of Khazars* [Istoriya khazar]. L. : Publishing house of State Hermitage [Izd-vo Gos. Ermitazha], 1962. (rus)
2. Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and chimeras. About emergence of the Old Russian state* [Zerkala i khimery. O vozniknovenii Drevnerusskogo gosudarstva]. SPb. : Eurasia; M. : Clio, 2014. (rus)
3. *Ancient Russia in the light of foreign sources* [Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov] / Under the editorship of E. A. Melnikova. M. : Dmitry Pozharsky University [Un-t Dmitriya Pozharskogo], 2013. (rus)
4. Klyuchevsky V. O. *Council of Boyars of ancient Russia* [Boyarskaya дума drevnei Rusi]. Edition the 5th. Petersburg [sic];, 1919. (rus)
5. Kobishchanov Yu. M. *Poliudie: phenomenon of a national and world history of civilizations* [Polyud'e: yavlenie otechestvennoi i vseмирnoi istorii tsivilizatsii]. M. : ROSSPEN, 1995. (rus)
6. Lebedev G. S. *Era of Vikings in Northern Europe and in Russia* [Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi]. SPb. : Eurasia, 2005. (rus)
7. Melnikova E. A. *Ancient Russia and Scandinavia: Chosen works* [Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye Trudy]. M. : Dmitry Pozharsky's University [Universitet Dmitriya Pozharskogo], 2011. (rus)
8. Novoseltsev A. P. *The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus* [Khazarское gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza]. M. : Science [Nauka], 1990. (rus)
9. Pashuto V. T. *Foreign policy of Ancient Russia* [Vneshnyaya politika Drevnei Rusi]. M. : Science [Nauka], 1968. (rus)
10. Perkhavko V. B. *Trade world of medieval Russia* [Torgovyi mir srednevekovoi Rusi]. M. : Academia, 2006. (rus)
11. Perkhavko V. B. *Medieval Russian merchants* [Srednevekovoe russkoe kupechestvo]. M. : Kuchkovo field [Kuchkovo pole], 2012. (rus)
12. Petrukhin V. Ya. *Beginning of ethnocultural history of Russia of IX–XI centuries* [Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vv.]. Smolensk : Rusich; M. : Gnosis, 1995. (rus)
13. Petrukhin V. Ya. *Russia in the IX–XI centuries. From calling of Varangians before the choice of belief* [Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very]. M. : FORUM; Neolith, 2013. (rus)
14. Puzanov V. V. *Old Russian statehood: genesis, ethnocultural environment, ideological constructs* [Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty]. Izhevsk : Publishing house «Udmurt University» [Izd. dom «Udmurtskii universitet»], 2007. (rus)
15. *Russia in the IX–XI centuries: archaeological panorama* [Rus' v IX–X vekakh: arkhelogicheskaya panorama] / Executive edition of N. A. Makarov. M.; Vologda : LLC Research Center «Antiquities of North» [Drevnosti Severa], 2012. (rus)
16. Svyatlovsky V. V. *Primitive and trade state as life form of living.* (Notes of History and Philosophy Faculty of the Imperial St. Petersburg University. P. CXVIII.) [Primitivno-torgovoe gosudarstvo kak forma byta. (Zapiski Ist.-fil. fak-ta Imp. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ch. CXVIII.)]. SPb. : Printing house Herold [Tipografiya «Gerol'd»], 1914. (rus)
17. Temushev S. N. *Taxes and a tribute in Ancient Russia* [Nalogi i dan' v Drevnei Rusi]. Minsk: BSU, 2015. (rus)
18. Tolochko A. P. *Sketches of initial Russia* [Ocherki nachal'noi rusi]. Kiev; SPb. : Laurus, 2015. (rus)
19. Shinakov E. A. *Formation of the Old Russian state: comparative-historical aspect* [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskii aspect]. Edition second. M. : «East literature» of the Russian Academy of Sciences [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskii aspect], 2009. (rus)
20. Shumilov M. M. *Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (the IX – XVII centuries)* [Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)]. SPb. : Dmitry Bulanin, 2006. (rus)
21. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars.* (Princeton Oriental Studies. Vol. 16.) Princeton, NJ : Princeton University Press, 1954.

Информационная безопасность и международное право

Рецензия на монографию «**Международное право и информационная безопасность государств**» / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев: монография. СПб. : СПбГИКиТ, 2016. 396 с.

ISBN 978-5-94760-181-7

РЕФЕРАТ

Рецензируемая монография В. П. Кириленко и Г. В. Алексеева «Международное право и информационная безопасность государств» представляет собой комплексное исследование социально-политических и правовых вопросов обеспечения информационной безопасности на основе норм международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная безопасность, международное право, глобализация

Kosov Yu. V.

Informational Security and International Law

Review of the monograph “**International law and information security of states**” / V. P. Kirilenko, G. V. Alekseev: monograph. SPb. : Saint-Petersburg State University of Film and Television, 2016. 396 p.

ISBN 978-5-94760-181-7

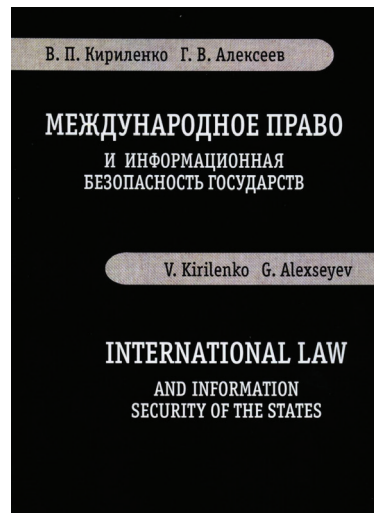
ABSTRACT

The reviewed monograph of V.P. Kirilenko and G.V. Alekseev “International law and information security of the states” represents complex research of social, political and legal questions of ensuring information security on the basis of rules of international law.

KEYWORDS

informational security, international law, globalization

Международное сотрудничество государств в информационной сфере представляется чрезвычайно интересным предметом научного исследования, которое предоставляет авторам научных работ в этой области необычайно широкие возможности для раскрытия собственного творческого потенциала. Международное право регулирует обширный круг правоотношений, таких как производство и распространение международных средств массовой информации, культурное сотрудничество под эгидой международных организаций, защита законных интересов индивидов, организаций и государств в информационной сфере. Авторы монографии «Международное право и информационная безопасность государств» [3] представили оригинальный научный подход к защите национальных интересов в международном информационном пространстве.

Развитие современных медиатехнологий, процессы глобализации в мировой политике и универсализация знаний затрагивают все сферы жизни постиндустриального общества, создавая мировое информационное пространство. Глобальные информационные системы — новая сфера для столкновения национальных интересов — потребовали от органов государственного управления инновационных подходов к противодействию угрозам информационной безопасности. Традиционные методы государственного регулирования в современной информационной среде нередко оказываются малоэффективными, что побуждает авторов искать новые подходы к решению актуальных задач по обеспечению информационной безопасности.

Информационная безопасность в представленном подходе основана не столько на необходимости эффективного обеспечения защиты закрытой информации, сколько нацелена на создание условий для динамичного развития всей социально-коммуникативной инфраструктуры гражданского общества. Информационная безопасность отдельных государств поставлена в прямую зависимость от глобальной информационной безопасности вследствие взаимосвязанности медиакоммуникаций в современном мире.

На основе научных работ ряда авторитетных западных ученых [5; 6; 7] в рамках исследования удалось существенно продвинуться в понимании механизма правового регулирования международного распространения массовой информации и государственного надзора за законностью в сети «интернет». Общая заинтересованность мирового сообщества в эффективной работе современных медиасистем представляется основой для достижения в будущем базового международного документа, посвященного вопросам работы международных средств массовой коммуникации.

Защита национальных интересов посредством участия в международном информационном обмене представляется неотъемлемым правом государств, которое они обязаны использовать во благо всем участникам международного общения. Игнорирование современных возможностей, равно как и злоупотребления суверенными правами, несут в себе критические угрозы информационной безопасности государств.

Учитывая международный характер современного общения в информационных системах, сложно оставить без внимания гипотезу о том, что в правовой действительности сложилась правовая общность нового типа «медиаправо» [3, с. 12]. Публичная власть и частные институты в постиндустриальном обществе взаимодействуют через посредников (media), которые приобрели самостоятельное правовое положение и требуют особого правового регулирования, отвечающего их законным, в том числе экономическим интересам.

Сторонникам либерального подхода может показаться консервативным вывод авторов относительно того, что «свобода средств массовой информации является свободой относительной, ограниченной государственными интересами, и характеризуется через статус журналистов и редакции...» [3, с. 278]. Вместе с тем некоторые ограничения свободы слова необходимы в целях обеспечения национальной безопасности, и «легитимность таких запретов определяется их соответствием нормам международного права» [3, с. 378].

Интересы информационной безопасности государства требуют объединения усилий государственных органов и институтов гражданского общества в целях обеспечения конкурентоспособности национальной медиаиндустрии. Такой подход может способствовать защите национальных интересов, и он в определенной степени дополняет обоснованные выводы ряда ученых о том, что значительную «роль в глобальном информационном обществе играют транснациональные медиакорпорации» [4, с. 90; 1, с. 29].

Существующая достаточно давно проблема становления «нового международного информационного порядка» [2, с. 42] анализируется авторами монографии с позиции необходимости обеспечения информационной безопасности государств

в тех социально-политических условиях, которые объективно складываются в мировом сообществе и существенно влияют на правовую действительность в сфере производства и распространения массовой информации.

Новизна выводов научного исследования во многом определяется комплексным межотраслевым подходом к проблеме обеспечения информационной безопасности государства. Внимание авторов к художественному достоинству произведений искусства, качеству современной журналистики, задачам регулирования национального рекламного рынка позволяет приблизиться к решению важной проблемы создания действенной правовой основы для взаимодействия государственных органов с институтами гражданского общества в процессе обеспечения информационной безопасности страны.

Несомненно, этот интересный научный труд будет полезен не только специалистам, студентам и аспирантам, но и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами информационной безопасности государств.

Литература

1. Алексеев Г. В., Морозов Г. Н. Свобода слова и информационные транснациональные корпорации // *Власть*. 2009. № 2. С. 28–33.
2. Галенская Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.
3. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СПбГИКиТ, 2016.
4. Кучерявый М. М. Глобальное информационное общество и проблемы безопасности // *Власть*. 2013. № 9. С. 89–92.
5. Goldsmit Jack, Wu Tim. *Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World*. Oxford University Press, 2006.
6. Hitchens L. P. *Broadcasting pluralism and diversity: A comparative study of policy and regulation*. Bloomsbury Publishing. 2006.
7. Lessig L. L. *Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. Penguin Press HC, 2004.

References

1. Alekseev G. V., Morozov G. N. *Freedom of speech and information multinational corporations* [Svoboda slova i informatsionnye transnatsional'nye korporatsii] // *Power [Vlast']*. 2009. N 2. P. 28–33. (rus)
2. Galenskaya L. N. *Muses and law. Legal questions of the international cooperation in culture* [Muzy i pravo. Pravovye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti kul'tury]. L. : Publishing house of Leningrad University [Izd-vo Leningr. un-ta], 1987. (rus)
3. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv]. Monograph. SPb. : Saint-Petersburg State University of Film and Television [SPbGKiT]. 2016. (rus)
4. Kucheryavy M. M. *Global information society and problems of safety* [Global'noe informatsionnoe obshchestvo i problemy bezopasnosti] // *Power [Vlast']*. 2013. N 9. P. 89–92. (rus)
5. Goldsmit Jack, Wu Tim. *Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World*. Oxford University Press, 2006.
6. Hitchens L. P. *Broadcasting pluralism and diversity: A comparative study of policy and regulation*. Bloomsbury Publishing. 2006.
7. Lessig L. L. *Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. Penguin Press HC, 2004.

Косов Юрий Васильевич
Северо-Западный институт управления —
филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель директора
Доктор философских наук, профессор
kosov@szugs.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
- ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.
- Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
 1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
 2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
 1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
 2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2016. № 3(87)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 03.03.2016.
Подписано к печати 15.03.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,41. Тираж 650 экз.
Заказ № 3/16.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97